

Арчибалд Кронин

ЦИТАДЕЛЬ | ВЫЧЕРКНУТЫЙ
| ИЗ ЖИЗНИ

Арчибальд Кронин

Вычеркнутый из жизни

Часть первая

Глава I

Вечером по средам мать Пола, окончив работу в муниципалитете, садилась на трамвай и отправлялась к мессе в церковь Меррион. Пол, прослушав лекцию по философии, которая начиналась в пять часов, заходил за нею по дороге из университета. Но в эту среду Пола задержал профессор Слейд, и когда освободившись, он взглянул на часы, то решил идти прямо домой.

Был июнь, и чудесный тихий вечер придавал своеобразную прелесть даже прокопченным домам Белфаста. На фоне янтарного неба крыши и трубы этого города в Северной Ирландии вдруг утратили свою прозаичность и стали таинственно-прекрасными, как сказочный замок. Пол свернул на Ларн-роуд, тихую боковую улочку с плотно примыкающими друг к другу кирпичными домами, — в одном из них, под номером двадцать девять, он с матерью занимал трехкомнатную квартиру на первом этаже, — и вдруг почувствовал, как волна радости захлестнула его.

Пол постоял с минуту на крыльце — ничем не примечательный молодой человек, без шляпы, в поношенном шерстяном костюме, — глубоко вдыхая ласковый, тихий воздух. Затем круто повернулся и вставил ключ в замок.

На кухне пела канарейка. Подсвистывая птице, Пол снял пиджак, повесил его в прихожей, затем поставил на огонь чайник и принялся накрывать на стол к ужину. Через несколько минут никелированный будильник на каминной доске прозвонил семь часов, и он услышал шаги матери у двери. Пол весело поздоровался с нею, когда она вошла, — сухопарая, утомленная женщина, в строгом черном платье, слегка согнувшаяся под тяжестью неизменной хозяйственной сумки.

— Извини, что я не зашел за тобой, мама, — с улыбкой начал Пол. — Дело в том, что Слейд взял меня на работу. Или, вернее, почти что взял.

Миссис Бэрджес пристально посмотрела на сына. Прядь тусклых, с сильной проседью волос, выбившаяся из-под выдавшей виды шляпы, изборожденный морщинами лоб и прищуренные близорукие глаза усугубляли общее впечатление усталости. Но это напряженное выражение постепенно исчезло под открытым и веселым взглядом сына. Благодарение Богу, у него хорошее лицо, подумала она, не слишком красивое (и снова она возблагодарила Всевышнего за то, что он уберег ее сына от опасностей, которыми чревата излишняя красота), но прямое и открытое; быть может, чересчур худощавое (от усиленных занятий) — скулы так и

выпирают, однако кожа чистая, здоровая, глаза серые, очень светлые, и высокий лоб обрамлен коротко остриженными каштановыми волосами. Да и сложен он хорошо — отличная фигура, только вот слегка загибают правую ногу при ходьбе, после давнишней футбольной травмы.

— Я рада, что все устроилось, сынок. И знаю: только серьезное дело могло помешать тебе зайти за мной... Элла и мистер Флеминг спрашивали о тебе.

Она скатала в клубок свои нитяные перчатки и, окинув хозяйским глазом стол, вынула из сумки ветчину, завернутую в пергаментную бумагу, и пакетик с маленькими пшеничными кексами, которые любил Пол. Мать и сын сели за стол и, после того как миссис Бэрджес прочитала молитву, принялись за скромный ужин. Пол видел, что мать довольна, хоть и старается это скрыть.

— Мне так повезло, мама: три гиней в неделю. И занят я буду все девять недель — до самого конца каникул.

— И потом, все же какая-то перемена после того, как ты столько сидел, не разгибаясь, перед экзаменами.

— Конечно, — кивнул он. — Преподавать в летней школе — тот же отдых.

— Бог милостив к тебе, Пол.

Он подавил улыбку.

— Я должен сегодня вечером отнести профессору Слейду свидетельство о рождении, — заметил он.

Наступило молчание. Низко пригнувшись к чашке, мать взяла ложечку и сняла плававшую на поверхности чаинку.

— А зачем им понадобилось свидетельство о рождении? — каким-то глухим голосом спросила она.

— О, чистая формальность, — небрежным тоном пояснил Пол. — Они не хотят брать на работу студентов, которым нет двадцати одного года. Я еле убедил Слейда, что мне уже в прошлом месяце стукнуло двадцать один.

— Он, что же, не верит тебе?

Пол вскинул голову и в изумлении посмотрел на сидевшую напротив мать.

— Вот уж никак не ожидал от тебя такого предположения, мама! Он просто выполняет обычные формальности. Школьному совету требуется мое заявление вместе со свидетельством о рождении.

Миссис Бэрджес ничего не сказала. И Пол после краткого молчания принялся в несколько юмористических тонах описывать свой разговор с профессором, одновременно выполнявшим обязанности директора летней школы в Портрее. Допив третью чашку чая, он встал из-за стола. И это словно вывело из оцепенения мать.

— Пол, — вдруг остановила она его. — Я... я не вполне уверена... Что-то не нравится мне эта идея насчет преподавания в Портрее.

— Что?! — воскликнул он. — Но ведь мы уже сколько времени только об этом и говорим, мы оба так надеялись, что я смогу туда поехать.

— Это значит, что нам придется расстаться. — Она помолчала и снова опустила глаза. — Потом, тебе будет недоставать Флемингов по субботам и воскресеньям. И Элла будет очень огорчена. Лучше отказаться от этого намерения.

— Какая ерунда, мама. Ты волнуешься по пустякам.

Он с легким сердцем опроверг все ее доводы и, прежде чем она успела что-либо возразить, вышел в коридор, чтобы у себя в комнате написать заявление.

Это была маленькая комната, окнами на улицу, служившая одновременно спальней и кабинетом. По стенам, оклеенным светлыми обоями, висели в рамках фотографии футбольных и хоккейных команд. На каминной доске красовалось несколько кубков и прочих трофеев, которые Пол время от времени получал на университетских спортивных состязаниях. Под окном помещался книжный шкафчик, где наряду с популярными романами стояли и более серьезные книги — по преимуществу классики, — свидетельствовавшие о развитом и хорошем вкусе. В нише напротив, за зеленой ситцевой занавеской, виднелась узкая кровать, на которой он спал; у стены — простой стол, где рядом с расписанием занятий аккуратной стопочкой лежали записи лекций. Все здесь без слов характеризовало Пола, указывало, что у него здоровое тело и живой, восприимчивый ум. Если бы вам вздумалось отыскать в этой комнате какой-то недостаток, то за таковой могла бы сойти разве что педантичная аккуратность, говорившая об известной сухости ее обитателя, о его чрезмерном стремлении к безупречности, вероятно, под влиянием матери, склонной вечно учить и «наставлять».

Пол присел к столу, отвинтил колпачок вечного пера и, распрямив плечи, прижав локти к бокам, по всем правилам заполнил бланк заявления. Потом внимательно его перечитал, желая удостовериться, что ничего не напутал, удовлетворенно кивнул и вышел в гостиную.

— Будь добра, мама, дай мне свидетельство. Мне хотелось бы скорее отослать все документы, чтобы они успели уйти с девятичасовой почтой.

Мать подняла голову. Она сидела за неубранным столом все в той же позе, в какой он ее оставил.

— Я что-то не припомню, где оно, — неестественно звонким голосом, слегка покраснев, сказала она. — Так сразу мне его не найти.

— Ну что ты, мама! — Пол взглянул на комод с закругленными краями, где она хранила все свои бумаги, две-три фамильные драгоценности, Библию, очки и прочие мелочи. — Наверно, лежит у тебя в верхнем ящике.

Мать смотрела на него, слегка приоткрыв рот, так, что видны были плохо пригнанные искусственные зубы. Краска исчезла с ее лица. Она поднялась, вынула из сумочки ключ и отперла верхний ящик комода. Стоя спиной к Полу, она минут пять старательно там рылась, затем задвинула ящик и повернулась к сыну.

— Нет, — вяло проронила она. — Я не могу его найти. Его здесь нет.

Пол в досаде прикусил губу. Он был покорный и любящий сын, с детства воспитанный в строгости и послушании, но сейчас поведение матери казалось ему совершенно непонятным.

— Право, мама, это все-таки важный документ, — стараясь говорить спокойно, сказал он. — И мне он нужен.

— А откуда мне было знать, что он тебе понадобится? — Голос ее вдруг задрожал от обиды. — Бумаги вечно куда-то пропадают. А ты знаешь, что мне пришлось вынести: столько лет

прожить без мужа, вырастить сына, одной нести бремя забот — это не всякой женщине по плечу. Сколько трудов стоило сохранить крышу у нас над головой, дать тебе хорошее образование! Уж поверь, мне было не до того, чтоб сберегать какие-то бумажки, которые к тому же и положить-то порой некуда.

Эта вспышка, совершенно несвойственная ее сдержанной натуре, немало озадачила Пола: он просто не находил объяснения. Но у матери было такое суровое лицо — предостерегающий знак, который он давно научился распознавать, — что лучше было не вступать с ней в препирательства. И он спокойно сказал:

— К счастью, можно ведь получить дубликат. Надо только написать в Лондон, в Сомерсет-хауз.[1] Я сегодня же это сделаю.

Она жестом отклонила предложение сына. Теперь голос ее звучал уже спокойнее.

— Не твоя забота писать туда, Пол. — И, поймав его озадаченный взгляд, добавила: — Не будем волноваться из-за пустяков. У меня был сегодня не очень-то легкий день. А завтра я пошлю запрос о свидетельстве на бланке муниципалитета.

— Ты не забудешь?

— Пол!

— Извини, мама.

— Все будет в порядке, дорогой. — Дрожащая улыбка промелькнула на ее лице. — Теперь зажги газ. Я уберу со стола. Пора уже спать.

Глава II

Следующие два дня Пол был очень занят. Королевский университет закрывался на летние каникулы, и в связи с окончанием учебного года у Пола оказалось множество дел. По просьбе студентов ему предстояло выполнять роль аккомпаниатора на ежегодном выступлении студенческого хора. Уйму времени заняли розыски куда-то завалившейся библиотечной книги. В последнюю минуту оказалось, что надо еще сдавать «практическое занятие по химии», и Пол, как всегда, с волнением ждал результатов экзамена. Но когда списки были вывешены, выяснилось, что он занял отнюдь не последнее место. Пола любили в университете: он был хорошим студентом, приятным собеседником и отличным спортсменом. Впрочем, популярность его могла бы быть и большей, если бы кое-кто из студентов, особенно медики — публика вообще малоприятная, — не высмеивал его исподтишка за примерное поведение и не обзывал святошей, когда он отказывался принять участие даже в весьма невинных развлечениях.

Раз или два среди этой суеты Пол все же вспоминал недавнее объяснение с матерью; ее вид явно свидетельствовал о том, что она чем-то угнетена. Она нервничала, была бледнее обычного и то и дело погружалась в какую-то непонятную задумчивость. Правда, несмотря на властный от природы характер и суровые жизненные испытания, которые, казалось бы, должны были закалить ее, она частенько давала волю нервам. Помнится, в первые дни их жизни в Белфасте она вздрагивала и менялась в лице от каждого стука в дверь. Но это было совсем не похоже на то, что творилось с ней сейчас — словно тайная тревога неотступно преследовала ее. И в четверг, и в пятницу она после ужина ходила к пастору и самому давнему их другу Эммануэлу Флемингу, настоятелю церкви Меррион, и примерно через час

возвращалась оттуда, несколько успокоенная, но измученная, с покрасневшими глазами, в которых застыл испуг.

В четверг утром Пол напрямик спросил ее, получила ли она ответ из Сомерсет-хауз. Она сказала:

— Нет.

Потом он несколько раз порывался расспросить ее подробнее, но привычка считаться с матерью и беспрекословно ее слушаться удерживала его. Ведь ничего плохого не могло быть, ровным счетом ничего. Однако странное поведение матери озадачивало его, и он пытался найти ему объяснение в прошлом. Но прошлое у Пола было такое простое и заурядное.

Первые пять лет своей жизни он провел на севере Англии, в Тайнкасле, где и родился. От этого периода в его памяти сохранились лишь смутные воспоминания о стуке клепальных молотков и пронзительном вое по утрам «гудилки», сзывавшей рабочих в доки. И он вспомнил отца — веселого, удивительно благодушного человека, который по воскресеньям брал сына за руку и отправлялся с ним в долину Джесмонд, где они пускали по пруду кораблики, сделанные из синей плотной бумаги. Когда сынишка уставал, отец садился с ним где-нибудь в тени на парковой скамейке и рисовал все, что попадалось на глаза, — людей, собак, лошадок, деревья, так что получались чудесные картинки, которые манили и разжигали детское воображение. А когда наступали будние дни, отец, возвращаясь вечером домой, неизменно приносил разноцветные фрукты из марципана; землянику на зеленых стебельках, желтые бананы, розовощекие персики, прелестные на вид и вкус, — все это изготовлялось кондитерской фирмой, где он служил коммивояжером.

Вскоре после того как был отпразднован день рождения Пола, семейство переехало в Уортли — большой город, расположенный в сердце Англии. От жизни там у Пола остались более серые и менее счастливые воспоминания: дым, дождь, толкотня на улицах, пламя, вылетающее из труб сталелитейных заводов, мрачные лица родителей и в завершение — отъезд отца по делам в Южную Америку. О, каким ударом была для мальчика потеря этого близкого веселого друга, с каким нетерпением он ждал его возвращения, а затем — словно в подтверждение предчувствий, теснившихся в детском сердце, — каким неопишуемым горем была весть о том, что отец погиб в железнодорожной катастрофе под Буэнос-Айресом.

И вот печальный пилигрим, которому не было еще и шести лет, прибыл в Белфаст. Здесь, с помощью Эммануэла Флеминга, его мать поступила на работу в бухгалтерию городского отдела здравоохранения. Жалованье она получала маленькое, но все-таки это был постоянный источник существования, давший вдове возможность иметь крышу над головой и, проявляя чудеса экономии и самопожертвования, обучить сына и подготовить его к преподавательской деятельности. Пятнадцать лет она тянула эту лямку, и вот он стоит на пороге окончания университета.

Оглядываясь назад, Пол подумал, какого напряжения стоила матери жизнь, вынуждая ее ограничивать свое существование в Белфасте крайне узкими рамками. Ведь мать никуда не ходила, если не считать частых посещений церкви. У нее не было иных знакомых, кроме пастора Флеминга и его дочери Эллы. Миссис Бэрджес едва ли знала своих ближайших соседей. Из-за этого и Пол держался в университете обособленно, не проявляя общительности: ему всегда казалось, что мать неодобрительно относится к друзьям. Его это раздражало, однако он отлично сознавал, сколь многим обязан матери, да и вообще привык подчиняться ее требованиям, а потому терпел.

В прошлом он объяснял замкнутость матери ее чрезвычайной и воинственной религиозностью. Но видя, как она ведет себя сейчас, подумал, нет ли тут какой-то другой

причины. И ему пришел на память один случай: год назад он удостоился приглашения участвовать в международном соревновании по регби между Ирландией и Англией. Казалось бы, ничто не могло больше польстить материнскому сердцу. Однако мать категорически запретила ему принять приглашение. Почему? Тогда он так и не смог найти ответ. А сейчас, казалось, он угадал причину. И в самом деле, весь ее образ жизни, это тщательно соблюдаемое уединение, это желание избегать каких-либо знакомств, эта боязнь общения, это страстное упование на Всевышнего — все (и сердце у него сжалось от таких мыслей) указывало на то, что человек, ведущий такую жизнь, скрывает какую-то тайну.

В субботу миссис Бэрджес работала только полдня и в два часа уже пришла домой. К этому времени Пол принял твердое решение поговорить с ней начистоту. Погода испортилась, шел дождь. Миссис Бэрджес, оставив зонтик в прихожей, вошла в гостиную, где сидел Пол и листал книжку. Ее вид испугал его: лицо у нее за эти дни стало совсем серым. Но держалась она спокойно.

— Ты завтракал, сынок?

— Я съел бутерброд в клубе. А ты?

— Эмма Флеминг угостила меня чашкой какао.

Он быстро вскинул на нее глаза.

— Ты опять была там?

Она устало опустила на стул.

— Да, Пол. Я опять была там. Молилась Всевышнему и просила, чтобы он наставил меня.

Оба помолчали; затем Пол выпрямился и крепко сжал ручки кресла.

— Мама, так больше продолжаться не может. Что-то творится неладное. Скажи: ты получила наконец свидетельство?

— Нет, сынок. Не получила. Я даже и не писала туда.

— Но почему же?

— Потому что оно все время находилось у меня. Я солгала тебе. Оно и сейчас у меня — вот здесь, в сумочке.

Гнев Пола сразу остыл. Он в изумлении смотрел на мать, а она порылась в сумке, лежавшей на коленях, и вынула оттуда серовато-голубую, сложенную вчетверо бумагу.

— Долгие годы я скрывала это от тебя, Пол. Сначала думала, что не смогу — так мне было мучительно и трудно. Услышав шаги на лестнице, чей-то громкий голос на улице, начинала дрожать. «Вот сейчас он узнает все», — думала я. Но по мере того как шли годы и ты вырослел, мне начало казаться, что с Божьей помощью все удалось... И однако же Богу было угодно, чтобы все вышло наоборот. Я опасалась чего-то большого, серьезного, а вот ведь совсем ничтожный случай, такой пустяк, как преподавание в летней школе, — и мои труды пошли прахом. Может быть, все и так рано или поздно открылось бы. Во всяком случае, таково мнение пастора. Я просила его помочь мне оттянуть развязку. Но он сказал: «Нет». Сказал, что ты уже взрослый и должен знать правду.

С каждым словом волнение ее возрастало, и, хоть она и старалась держаться спокойно, из груди ее вырвался тяжкий стон. Рука, протягивавшая сыну свидетельство, дрожала. Словно во сне, Пол взял бумагу, взглянул на нее и сразу увидел, что там стоит другая, не его

фамилия. Вместо «Пол Бэрджес» значилось: «Пол Мэфри».

— Здесь какая-то ошибка.

Он умолк, отвел взгляд от бумаги и пристально посмотрел на мать. Фамилия Мэфри напоминала ему о чем-то.

— Что это значит?

— Когда мы переехали сюда, я приняла свою девичью фамилию — Бэрджес. А вообще я — миссис Мэфри, отца твоего звали Риз Мэфри, а ты — Пол Мэфри. Но мне хотелось забыть это имя. — Губы ее задрожали. — Мне хотелось, чтобы ты никогда не знал его и не слышал.

— Почему?

Снова наступило молчание. Миссис Бэрджес опустила глаза и еле слышно сказала:

— Чтобы ты избег... страшного позора.

Сердце у Пола бешено колотилось, он ждал не шевелясь, когда она вновь заговорит. Однако это, казалось, было выше ее сил. Она в отчаянии взглянула на сына.

— Не заставляй меня продолжать, сынок. Мистер Флеминг обещал обо всем тебе рассказать. Иди к нему. Он тебя ждет.

Пол видел, что продолжать разговор для нее пытка, но он ведь тоже страдал и потому был беспощаден.

— Продолжай, — еле слышно сказал он. — Ты обязана рассказать мне все.

Она заплакала — узкие плечи ее содрогались от конвульсивных рыданий. Никогда прежде Пол не видел мать в слезах. Немного погодя она судорожно глотнула воздух, как бы собираясь с силами, и, не глядя на сына, пробормотала:

— Твой отец не умер по пути в Южную Америку. Он пытался уехать туда, но был задержан полицией.

Пол ожидал всего, но только не этого. Сердце у него замерло, потом пульс учащенно забился где-то у самого горла.

— За что? — прерывающимся голосом спросил он.

— За убийство.

В маленькой комнатке наступила тишина. Убийство. Страшное слово эхом отдавалось в мозгу Пола. Он весь обмяк. Тело покрылось холодным потом, и он прерывистым шепотом спросил:

— Значит... его повесили?

Мать покачала головой, в глазах ее отразилась ненависть.

— Нам было бы лучше, если б это было так. Его приговорили к смерти... но в последнюю минуту приговор отменили... Он отбывает пожизненное заключение в тюрьме, в Каменной Степи.

Дом пастора Флеминга стоял в деловом центре Белфаста, близ Большого северного вокзала. Это было уродливое узкое строение, выкрашенное в серый цвет, под стать примыкавшей к нему церкви. Хотя Пол чувствовал безмерную физическую усталость, словно его долго колотили, — в пору забиться куда-нибудь в угол и не вылезать, — неудержимое желание узнать правду заставило его выйти на мокрые, сверкавшие огнями улицы, где шумела субботняя толпа, и отправиться к пастору. Мать, придя в себя после обморока, легла в постель. А он понимал, что не заснет, пока не узнает подробностей, пока не узнает всего.

В ответ на его стук в холле пасторского дома зажегся свет, и Элла Флеминг открыла дверь.

— А, Пол! Входи.

Она провела его в гостиную — комнату с низким потолком, уставленную мягкой мебелью и казавшуюся очень уютной благодаря темно-красным портьерам и огню, пылавшему в камине.

— Отец сейчас занят с каким-то прихожанином. Но это ненадолго. — На ее лице появилась слабая, приличествующая случаю улыбка. — На улице так сыро. Я приготовлю тебе какао.

Элла считала чашку какао панацеей почти от всех бед, что было вполне естественно для дочери приходского пастора, а Пол, хоть и вовсе не жаждал вкусить этого безобидного напитка, был слишком измучен, чтобы отказаться. Кажется это ему или безмятежность Эллы в самом деле наигранна, а слегка поджатые губы указывают на то, что она знает о его беде? Пол машинально опустил в кресло; тем временем Элла принесла из кухни поднос, положила в чашку сахар и какао и, помешивая ложечкой, налила кипятку.

Она была на два года старше Пола, но стройная фигура с тонкой талией и бледное лицо делали ее похожей на девочку. Глаза у нее были зеленовато-серые, большие и выразительные. Ясные и мечтательные, они могли наполняться слезами и даже способны были метать молнии. Элла всегда заботилась о своей внешности, и сейчас на ней была скромная плиссированная юбка, черные чулки и свободная белая, тщательно наглаженная блузка с круглым вырезом.

Пол принял из ее рук чашку и молча выпил какао. Раз или два Элла отрывалась от вязания и вопросительно поглядывала на него. Она была от природы разговорчива и умела поддерживать оживленную беседу: роль хозяйки, которую она взяла на себя в доме овдовевшего отца, привила ей известную светскую непринужденность. Но сегодня, после нескольких замечаний о том о сем, на которые Пол никак не откликнулся, она сдвинула молча свои красиво вычерченные брови.

Вскоре из коридора донеслись голоса, затем хлопнула входная дверь. Элла тотчас поднялась.

— Я скажу отцу, что ты здесь.

Она вышла из комнаты, и мгновение спустя появился сам пастор Эммануэл Флеминг. Это был мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с большими нескладными руками. Одежда его не отличалась изысканностью: темные брюки, грубые рабочие башмаки и черный пиджак из альпаки, побелевший на швах. Его борода отливала сединой, но в широко раскрытых глазах застыло детски-наивное выражение.

Он подошел к Полу, с излишним пылом пожал ему руку, затем с подчеркнутым дружелюбием

обнял за плечи.

— Ты пришел, мой мальчик. Я очень рад. Пойдем побеседуем.

Он провел Пола в свой кабинет — маленькую, спартанского вида комнату в глубине дома с дощатым, испещренным пятнами полом, где стояло лишь бюро светлого дуба с выдвигной крышкой, несколько дешевых стульев и застекленный книжный шкаф. Уродливые часы из зеленого мрамора, поддерживаемые золотыми ангелами, — чей-то дар, — неуклюжей громадой возвышались на хрупкой каминной доске, накрытой дорожкой с бахромой из бархатных шариков. Усадив гостя, пастор медленно опустился на свое место за бюро.

— Дорогой мой мальчик, это было для тебя, конечно, страшным ударом, — помедлив немного, дружеским, исполненным сочувствия тоном начал он. — Но, главное, помни: такова воля Господа. Тогда тебе легче будет примириться с тем, что произошло.

Пол с трудом проглотил слюну — в горле у него пересохло.

— Как я могу с чем-то мириться, когда не знаю, что произошло. Я должен все знать.

— Это печальная и тяжелая история, мой мальчик, — нахмурившись, сказал пастор. — Стоит ли ворошить прошлое?

— Нет, я хочу, чтоб мне все рассказали. Я должен выслушать эту историю, а не то мне все время будет казаться... — Он умолк.

Наступило молчание. Пастор Флеминг, опершись локтем на бюро, прикрыл глаза большой рукой — казалось, он в глубине души взывал к Всевышнему о помощи. Это был добрый и благонамеренный человек, который уже давно, не жалея сил, трудился «на ниве Божьей». Но взгляды его были довольно ограничены, и он нередко с грустью признавался себе, что все его усилия и старания пошли прахом. Он был одиноким и частенько предавался самобичеванию, корил себя даже за любовь к дочери, так как сознавал ее недостатки, мелочность, тщеславие, но слишком любил Эллу, чтобы попытаться это исправить. Трагедия его заключалась в том, что он жаждал быть святым, верным учеником Христовым, способным исцелять одним своим прикосновением и дарить радость пастве, проповедуя слово Господне, которое он сам так хорошо понимал. Ему хотелось парить в заоблачных высях. Но, увы, язык его был неуклюж, а ноги с трудом передвигались — словом, он был напрочь привязан к земле. Вот и сейчас пастор заговорил, запинаясь, сухие педантичные фразы слетали с его уст:

— Двадцать два года тому назад в Тайнкасле я обвенчал Риза Мэффри с Ханной Бэрджес. Я знал Ханну уже несколько лет, она была одной из любимых моих прихожанок. Риза я не знал раньше, но это оказался приятный молодой человек с хорошими манерами, уроженец Уэльса; он мне понравился и внушил доверие. У него было прекрасное место — он работал представителем крупной кондитерской фирмы в Северных графствах. Все говорило о том, что они должны быть счастливы, особенно после того как у них родился сын. Я, дорогой мой мальчик, и окрестил тебя Полом Мэффри.

Он помолчал, как бы взвешивая то, что ему предстояло сказать.

— Не стану отрицать, в вашем семействе не всегда царило согласие. Твоя матушка была очень религиозна — как и подобает истинной христианке, тогда как отец, мягко говоря, придерживался более широких взглядов, и это, естественно, приводило к конфликтам. Мать, например, была решительно против употребления вина и табака — предубеждение, которого отец никогда не мог понять. К тому же работа вынуждала его проводить по крайней мере неделю в месяц вне дома, что, очевидно, разбалтывало его. А потом он любил заводить друзей, я сказал бы даже, что их было у него слишком много, так как он был красивый,

приятный малый, и друзья эти не всегда оказывались людьми достойными: Мэфри встречался с ними в бильярдных, барах и прочих значных местах. И все же вплоть до ужасных событий двадцать первого года ни в каких серьезных проступках я не мог его упрекнуть.

Пастор вздохнул, отнял руку ото лба и, сложив вместе кончики толстых пальцев, устремил страдальческий взор куда-то вдаль, словно там вставали перед ним грустные картины прошлого.

— В январе тысяча девятьсот двадцать первого года фирма, где работал твой отец, произвела некоторые перемещения служащих, в результате чего родители переехали вместе с тобой в Центральные графства Англии. Надо сказать, что за несколько месяцев до этого меня самого перевели сюда, в Белфаст, но я переписывался с твоей матушкой. И, должен признать, ваша жизнь в Уортли с самого начала не клеилась. Отец твой, видно, был обижен тем, что его перевели в такое место, где не очень-то развернешься. Да и матушке там не слишком нравилось: Уортли — серый, несимпатичный город, хотя и с красивыми окрестностями. К тому же твои родители никак не могли подыскать себе подходящий дом и без конца переезжали из одних меблированных комнат в другие. И вот в сентябре — точнее, девятого числа — твой отец вдруг объявил, что терпению его пришел конец. Он сказал, что хочет бросить работу и предлагает всем семейством перебраться в Аргентину: там-де им будет лучше. Он заказал три билета на пароход «Истерн стар», который отплывал пятнадцатого сентября. Тринадцатого он отправил тебя с матерью в Ливерпул, где вы должны были дожидаться его в отеле «Грейт централ». А сам четырнадцатого поздно вечером сел на поезд и выехал вслед за вами из Уортли, но с вами не встретился. Когда в два часа ночи он прибыл в Ливерпул на Центральный вокзал, на платформе его ждала полиция. После отчаянного сопротивления Мэфри был арестован и отвезен в тюрьму на Кэнтон-стрит. Бог мой, я до сих пор помню, какой это был ошеломляющий удар: ведь его обвинили в преднамеренном убийстве.

Наступило долгое напряженное молчание. Пол сидел в своем кресле неподвижно, точно загипнотизированный: затаив дыхание, он ждал, что будет дальше.

— В ночь на восьмое сентября было совершено удивительно жестокое, страшное убийство. Мона Спэрлинг, хорошенькая молодая женщина двадцати шести лет, работавшая в цветочном магазине близ Леонард-сквер, была зверски зарезана у себя на квартире, в доме номер пятьдесят два на Эшоу-террейс в Элдоне, одном из ближайших пригородов Уортли. Преступление было совершено между восемью часами и десятью минутами девятого. Вернувшись с работы в половине восьмого, мисс Спэрлинг, видимо, перекусила, затем переделась в воздушный пеньюар, в котором ее и нашли убитой. В восемь часов супруги Прасти, занимавшие квартиру этажом ниже, услышали необычную возню на верхнем этаже, и Альберт Прасти, поддавшись уговорам жены, пошел посмотреть, что там происходит. Он громко постучал в дверь верхней квартиры, но на его стук никто не откликнулся. Несколько озадаченный этим обстоятельством, он стоял на площадке, раздумывая, что предпринять, как вдруг на лестнице появился молодой рассыльный из прачечной по имени Эдвард Коллинз с пакетом белья. В ту же минуту дверь из квартиры Спэрлинг распахнулась, оттуда выскочил мужчина и, пробежав мимо них, ринулся вниз по лестнице, а Прасти с Коллинзом бросились в квартиру и в гостиной обнаружили мисс Спэрлинг: она лежала на коврике у камина с перерезанным горлом, в луже крови.

Мистер Прасти тотчас побежал за доктором. Тот немедленно прибыл на место происшествия, но это уже ничего не дало, так как женщина была мертва. Послали за полицией; приехал местный полицейский хирург и инспектор по фамилии Суон. Сначала казалось, что убийца не оставил никаких следов, но через некоторое время были обнаружены три предмета, которые могли послужить ключом к разгадке. Инспектор Суон нашел в бюро почтовую открытку с рисунком, сделанным от руки; открытка была отправлена всего неделю назад из Шеффилда,

на ней было написано: «В разлуке сердце полнится любовью. Не поужинаешь ли со мной у Друри, когда вернешь?» И стояла подпись: «Бон-бон».

Кроме того, он нашел записку, полусожженную, с обгоревшими краями; подписи на ней не было, только штамп от восьмого сентября и несколько слов: «Я должен непременно увидеть тебя сегодня вечером». И, наконец, на коврике у камина, рядом с убитой, лежал кошелек для мелочи в виде мешочка, закрывающегося с помощью металлического кольца; кошелек этот был сделан из очень мягкой и необычайно тонкой кожи. В нем оказалось около десяти фунтов банкнотами и серебром. На основании показаний Эдварда Коллинза и Альберта Прасти было тотчас составлено описание выбежавшего из квартиры человека и предложена большая награда тому, кто сообщит о его местонахождении.

На следующий день хозяйка местного прачечного заведения явилась в полицейский участок вместе с одной из своих гладильщиц, семнадцатилетней девушкой по имени Луиза Бэрт. Выяснилось, что Луиза, приходившаяся двоюродной сестрой Эдварду Коллинзу, рассыльному этой прачечной, в тот вечер, когда было совершено преступление, ездила с ним на Эшоу-террейс и поджидала его в тупичке. Ей не очень-то улыбалось лазить с ним по лестницам. И вот, пока она ждала его, из дома номер пятьдесят два выскочил какой-то человек, который чуть не сшиб ее с ног. Она описала этого человека. Таким образом, у полиции было уже три свидетеля, видевших преступника.

Пастор Флеминг умолк и смущенно посмотрел на молодого человека своими добрыми, бесхитростными глазами.

— Не очень-то приятно касаться некоторых обстоятельств, Пол, но — увы! — они имеют прямое отношение к этой трагической истории. Словом, Мона Спэрлинг — женщина, не отличавшаяся высокой моралью, — была довольно близко знакома со многими мужчинами, а с одним из них находилась в постоянной связи. Никто не знал, кто этот человек, но ее товарки — другие продавщицы — утверждали, что последнее время Мона была чем-то взволнована и расстроена. Однажды они даже слышали, как она раздраженно упрекала кого-то по телефону: «С кого же мне еще спрашивать, как не с тебя!» И еще: «Если ты меня бросишь, я тебя выведу на чистую воду». Наконец, вскрытие тела выявило еще одно прискорбное обстоятельство: убитая была беременна. Итак, причина убийства казалась ясной: женщину, конечно, зарезал тот, кто был повинен в ее состоянии. Возможно, она надоела ему. А когда стала угрожать, он назначил ей письмом свидание и убил.

Вооруженная этими данными, полиция все и вся поставила на ноги, чтобы разыскать убийцу. В газетах появились снимки рисованной открытки с подписью «Бон-бон», и лиц, знающих ее отправителя, просили сообщить об этом в уортлийскую полицию. Все железнодорожные вокзалы и морские порты были взяты под наблюдение — почти неделю шли поиски. Затем, тринадцатого сентября, поздно вечером, помощник букмекера по имени Гарри Рокка попросил начальника полиции принять его. Волнуясь, этот человек сказал, что хочет дать показания. Он признался, что состоял в близких отношениях с покойной, и даже сообщил, что был с нею вечером, накануне убийства. Затем заявил, что знает того, кто послал открытку, — это один его приятель, с которым они часто играют в бильярд и который неплохо рисует. Некоторое время тому назад он познакомил этого молодого человека с Моной Спэрлинг. Кроме того, когда в печати появились фотографии открытки, его приятель пришел к нему крайне взволнованный и сказал: «Если кто-нибудь спросит тебя, где я был восьмого вечером, скажи, что я играл с тобой в бильярд в отеле „Шервуд“».

Этого, разумеется, было вполне достаточно. Один из полисменов в сопровождении инспектора Суона немедленно отправился по адресу, который дал им Рокка. Там они узнали, что нужный им человек сел в ливерпульский экспресс, отошедший с вокзала на Леонард-сквер всего час назад. Естественно, последовал его арест в Ливерпуле. Арестовали, Пол, твоего отца.

Снова наступило молчание. Пастор налил себе воды из графина, стоявшего на бюро, и слегка смочил губы. Затем, сосредоточенно насупив брови, продолжал:

— Случилось так, что Альберт Прасти, главный свидетель, был прикован к постели острым приступом астмы. Он держал табачную лавочку, где продавал сигареты собственного изготовления, и никотиновая пыль частенько вызывала у него приступы этой болезни. Но двое других свидетелей были немедленно отвезены в Ливерпул. Их сопровождал полисмен и инспектор Суон. Там перед ними выстроили десяток людей, и они, ни минуты не колеблясь, тотчас указали на твоего отца как на человека, которого видели в вечер убийства. В их уверенности было даже что-то страшное. Эдвард Коллинз воскликнул: «Вот он, ей же Богу, он!», а девушка — Луиза Бэрт — от сознания лежавшей на ней ответственности громко, истерически разрыдалась. «Я знаю, что надеваю на его шею петлю, — воскликнула она, — но это — он!»

Общественное мнение было чрезвычайно возбуждено против преступника. Решив уберечь твоего отца от разъяренной толпы, полицейские сняли его в Барбридже с поезда и в закрытом фургоне привезли в уортлийскую тюрьму. О Господи, милый Пол, я совсем истерзал тебе сердце. Суд начался пятнадцатого декабря в Уортли под председательством судьи Омэна. В какой тревоге жили мы все эти роковые дни! Одного за другим вызывали свидетелей, и те давали свои убийственные показания. При обыске в чемоданах отца была обнаружена бритва, которую медицинские эксперты признали как орудие преступления. Эксперт-каллиграф удостоверил, что полуобгоревшая записка, в которой назначалось свидание, найденная на квартире убитой, была написана Мэфри, только левой рукой. Многие видели, как он заходил в цветочный магазин и, покупая себе цветок в петлицу, весело смеялся и судачил с мисс Спэрлинг. И так далее и так далее. Намерение бежать в Аргентину, ожесточенное сопротивление, оказанное полиции, — все говорило против него. И самым губительным была его роковая попытка установить ложное алиби с помощью Рокка. Наконец, настал его черед давать показания, но — увы! — он не сумел себя защитить, сбивался, терял самообладание и даже кричал на судью. Мэфри не мог сказать ничего определенного относительно того, где был, когда произошло убийство, и только твердил, что провел часть этого злополучного вечера в кино. Но это жалкое объяснение было поднято на смех прокурором. Сгустившуюся тьму пробил всего один слабый луч надежды. Альберт Прасти, хотя и признал, что твой отец похож на человека, выбежавшего из квартиры, однако не решался клятвенно подтвердить, что это именно он. Впрочем, вскоре выяснилось, что Прасти страдает близорукостью, а при перекрестном допросе обнаружилось, что он зол на полицию, которая не взяла его вместе с Коллинзом и Луизой Бэрт в Ливерпул.

В своем заключительном слове судья обрушился на обвиняемого. Двадцать третьего декабря в три часа дня присяжные удалились на совещание. Они отсутствовали всего сорок минут. Их вердикт гласил: «Да, виновен». Я был в суде — твоя матушка слишком плохо себя чувствовала и не могла пойти — и до последнего дня не забуду той страшной минуты, когда судья надел черную шапочку и объявил приговор, препоручая душу твоего отца милосердию Всевышнего. Когда Мэфри повели из зала, он, словно обезумев, принялся вырываться и все кричал: «Бога нет! Будь проклято людское милосердие и Божье тоже! Мне его не надо!»

Ах, над Господом Богом нельзя глумиться, Пол. Но, может быть, как раз в ответ на такое богохульство Всевышний и проявил милосердие к грешнику. Когда никто уже не надеялся, в самый канун казни, смертный приговор твоему отцу был заменен пожизненным заключением, которое он и отбывает в Каменной Степи.

Пастор умолк, и в комнате воцарилась тишина. Оба собеседника старались не смотреть друг на друга. Пол, так глубоко ушедший в свое кресло, что, казалось, его силой вогнали туда, вытер лоб платком, зажатым во влажной руке.

— Он еще жив?

— Да.

— И никто не видел его... с тех пор?

Пастор глубоко вздохнул.

— Сначала я пытался поддерживать с ним связь через тюремного капеллана, но мои попытки натолкнулись на такую злобу, можно даже сказать — на такое ожесточение, что я вынужден был от них отказаться. А матушка... Видишь ли, голубчик, она считала, что твой отец обошелся с ней нечеловечески жестоко. А ей надо было думать о тебе. В твоих же интересах она почла за благо вырвать эту страшную главу из юной жизни сына, То, что ей это не совсем удалось, не имеет особого значения. Ты хороший мальчик и способен снести этот удар. Вот почему я рассказал тебе все без утайки вместо того, чтобы обманывать и говорить недомолвками. А теперь я хочу, чтобы ты забыл обо всем сказанном. Человек ты самостоятельный, и у тебя впереди вся жизнь. Так иди же своим путем, как если бы всего того, о чем я тебе рассказал, никогда не было, иди вперед и вперед, уверенный в себе, а о том — забудь.

Глава IV

Прошла неделя со времени разговора в кабинете Флеминга. Было воскресенье. Урок закона Божия в Мэррионской приходской школе только что кончился. Последние дети ушли, и у входа Пола ждала Элла в парадном синем костюме и скромной соломенной шляпке, которую она сама украсила голубой лентой. Пол с трудом поднялся, сошел с кафедры и по проходу между опустевшими скамьями направился к двери. Хотя вести эти занятия он согласился главным образом, чтобы доставить удовольствие матери, они и ему пришлось по душе. Очень уж забавные мальчишки жили на Мэррион-стрит. Но сегодня мысли у него путались и голова раскалывалась от бессонной ночи — одному Богу известно, как он довел занятия до конца.

— Я уверена, что сегодня тебе не до музыки, Пол, — тактично начала Элла. — Но погода такая хорошая. Может быть, мы немного пройдемся?

Обычно, перед тем как отправиться на воскресную прогулку, Пол присаживался к маленькому органу — у него были незаурядные музыкальные способности — и, зная вполне определенный вкус Эллы, отнюдь не совпадавший с его собственным, играл ей что-нибудь из Генделя или Элгара. Но сегодня это было выше его сил. Гулять ему тоже не хотелось, но он понимал, что она предложила эту прогулку, чтобы немного развлечь его, и потому не стал возражать.

Элла взяла Пола под руку, властно прижав к себе его локоть, и они пошли в направлении парка Орм. Хотя час был еще ранний, по улицам прогуливалось довольно много народу: женщины щеголяли нарядами, мужчины в воскресных костюмах выглядели как-то особенно респектабельно и самодовольно, и от всего отдавало такой воскресной благопристойностью, что Пол почувствовал глухое раздражение.

— Я сегодня что-то не в настроении для парада, — пробормотал он, когда они входили в парк.

Элла обиженно на него посмотрела, но ничего не сказала. Она не способна была на сильное чувство, однако Пола любила уже давно. Правда, боязнь нарушить приличия сдерживала ее и не позволяла ему открыться. Пол же, привыкший видеть в ней близкого друга, несмотря на

туманные намеки матери, желавшей подтолкнуть сына к более серьезному шагу, охотно поддерживал с Эллой отношения, ничуть не задумываясь над тем, как мало общего между его вольнолюбивой, широкой натурой и узколобой христианской моралью, отличавшей все поступки Эллы. Тем не менее Элла считала вопрос решенным, и все ее планы на будущее строились из расчета на этот брак. Она была честолюбива и хотела многого добиться в жизни как для себя, так и для него: вот тут, казалось ей, на помощь его уму и должен прийти ее «организаторский дар». Она уже мысленно видела, как, подчиняясь благому влиянию, Пол достигнет вершин академической карьеры и будет — вместе с нею, конечно, — приобщен к самому избранному обществу.

Понятно, что недавнее открытие нанесло серьезный удар ее гордости. Она видела, как потрясен Пол. Но если она, Элла, готова примириться со злополучной историей и забыть ее, то почему бы и ему не поступить так же? Ничего страшного не случилось, все это — в прошлом и давно погребено, а потому надо только быть чуточку поосторожнее, и никто ни о чем не узнает. Такова была ее точка зрения. И вот сейчас, когда она увидела, что Пол все еще потрясен и подавлен, к ее сочувствию стала примешиваться досада, даже раздражение. Хотя Элла великолепно умела владеть собой, нрав у нее был отнюдь не кроткий, а скорее сварливый, и, слушая Пола, она с трудом сдерживала злость.

— У меня такое ощущение, будто все эти годы я жил под чужой личиной. — Пол с трудом подыскивал слова, пытаясь передать мучившие его мысли. — Ведь теперь я не могу больше носить фамилию Бэрджес — меня зовут Мэфри, Пол Мэфри... И если я буду жить не под этой фамилией — значит, я лгун и обманщик. А если я приму ее, то куда бы я ни пошел, мне будет чудиться, будто люди показывают на меня пальцем, перешептываются: «Смотрите, вот идет Мэфри, сын того человека, который...»

— Не надо, Пол, — прервала его Элла. — Ты слишком все усложняешь. Никто и никогда не должен об этом знать.

— Пусть никто не знает, но я-то ведь знаю. — Он продолжал идти, упорно глядя себе под ноги: так сильна была боль, что он не мог поднять глаза. — Ну... что же все-таки мне... что же мне делать?

— Забыть об этом.

— Забыть? — не веря собственным ушам, повторил он.

— Ну да. — Она уже начинала терять терпение. — Все очень просто. Ты должен выбросить из головы всякую мысль об... об этом Мэфри.

Он растерянно посмотрел на нее.

— Отказаться от своего отца?

— Да разве таким человеком можно гордиться?

— Что бы он ни сделал, он дорого заплатил за это: черт побери, полжизни провести за решеткой... Бедняга.

— Я думала прежде всего о тебе, — оборвала она его. — И, пожалуйста, не ругайся при мне.

— Но я же ничего такого не сказал.

— Нет, сказал. — Она не в силах была больше сдерживаться. Кровь бросилась ей в лицо. — Ты употребил выражение, совершенно недопустимое в присутствии дамы! — выкрикнула она. — Твоему поведению просто нет названия.

— А как, по-твоему, я должен вести себя?

— Во всяком случае, более пристойно. Ты, видимо, не понимаешь, что все это затрагивает меня ничуть не меньше, чем тебя.

— Ах, Элла, ради Бога, хватит ребячиться: сейчас для этого, право, не время.

Она внезапно остановилась: чувство обиды захлестнуло ее, но еще сильнее было желание заставить его подчиниться. Лицо ее стало зеленовато-серым, в возведенных к небу глазах заблестели слезы.

— Раз ты в таком настроении... нам не стоит больше гулять.

Оба помолчали. Он в изумлении посмотрел на нее. Мысли его были далеко.

— Как тебе угодно.

Огорченная тем, что ее поймали на слове, Элла прикусила губу, стараясь совладать с выступившими от злости слезами. Затем, поскольку Пол ничего не делал, чтобы ее удержать, одарила его слабой улыбкой, исполненной сознания оскорбленной добродетели, — вымученной улыбкой, какой, должно быть, улыбались юные девственницы на заре христианства, когда язычники раскаленными щипцами вырывали им груди.

— Прекрасно. Тогда я иду домой. До свидания. Надеюсь, ты будешь в лучшем настроении при следующей встрече.

Она повернулась и пошла прочь, высоко вскинув голову: стыдно так обращаться с друзьями, казалось, говорила ее спина. Несколько минут Пол смотрел ей вслед, сожалея о нелепой ссоре и в то же время чувствуя облегчение от того, что наконец остался один. И когда она исчезла из виду, он медленно повернулся и пошел в обратном направлении.

Ему претила даже мысль о том, чтобы вернуться на Ларн-роуд. Там ждет его мать со своими невыносимыми вздохами и сочувствием. Пола передернуло при мысли о том, что вот сейчас он услышит ее скорбно-приглушенный голос, она подаст ему ночные туфли, и он тихо, мирно проведет очередной вечер дома, окруженный молчаливым вниманием матери.

Странно: почему он вдруг стал так относиться к ней? Но еще более странным и еще менее логичным было чувство, подсознательно зревшее в нем по отношению к отцу. Ведь он — преступник, причина его несчастий. И все же Пол не в силах был возненавидеть его. Напротив, на протяжении всех этих последних мучительных ночей, проведенных без сна, мысль его устремлялась к отцу, а сердце наполнилось жалостью. Пятнадцать лет просидеть в тюрьме — да разве это недостаточное наказание для любого человека? Перед Полом вставали картины раннего детства — смутные, но безмерно волнующие. Каким нежным был всегда отец! Пол не мог припомнить ни одного резкого слова или окрика. И слезы вдруг застлали ему глаза.

Он увидел, что находится на набережной Доунгел, в бедном районе города, возле доков. Он пришел сюда, сам не зная почему. Повинуясь какому-то странному импульсу, Пол понуро побрел дальше, через железнодорожные пути, мимо сложенных штабелями тюков, мешков и оплетенных бутылей, загромождавших гавань. С моря потянулся вечерний туман, к которому примешивались соленые испарения, поднимавшиеся из бухты, и стрелы подъемных кранов сразу приобрели призрачные очертания. На дальнем маяке сирена низким басом завела свою печальную песнь.

Наконец баррикада из ящиков, наваленных между сараями, вынудила Пола остановиться, — он присел на один из них. Как раз напротив старое грузовое суденышко готовилось к

отплытию с началом прилива. Пол узнал его — это был «Эвонский дол», судно каботажного плавания, курсировавшее между Белфастом и Холихедом. Иногда оно брало несколько палубных пассажиров, и сейчас у схода стояла небольшая группа мужчин и женщин с пожитками, завербованных для уборки картошки линкольнширскими фермерами, — они прощались с родными, прежде чем взойти на борт.

Вокруг Пола прихотливо клубился туман, в ушах гудела и гудела сирена маяка, а он сидел и напряженно всматривался в корабль. Каникулы у него начались, планы преподавания в летней школе рухнули — впереди ничего, кроме томительного безделья. Внезапно непонятное волнение охватило Пола; он понял, что его поступки predetermined. Не раздумывая, вытащил из кармана записную книжку и написал на листке: «Уезжаю на несколько дней. Не волнуйся. Пол».

Вырвав листок, он сложил его и на обороте написал фамилию и адрес матери. Затем подозвал одного из мальчишек, стоявших среди зевак, и отдал ему записку, присовокупив для верности монету — гонорар за доставку. Потом встал, твердым шагом подошел к пароходной кассе и за несколько шиллингов купил себе билет до Холихеда. Уже отдавали концы, когда он ступил на сходни. Вот тяжелый канат шлепнулся в воду, машины заработали, и судно, вздрогнув, направилось в открытое море.

Глава V

Было шесть часов утра, и шел сильный дождь, когда «Эвонский дол» стал на якорь у Холихеда. Продрогший, с трудом передвигая одеревеневшие ноги, Пол сошел на берег и направился к вокзалу. Он едва успел проглотить чашку чая в буфете, как объявили о прибытии поезда, следующего на юг. Пол, расплатившись с полусонной официанткой, вскочил в вагон и занял свободное место в уголке купе третьего класса. Паровоз дал гудок — и поезд тронулся.

Это было утомительное путешествие через Шрусбери и Глостершир, с двумя пересадками, во время которых Пол промок до костей, так как был без пальто. Однако эти мытарства привели лишь к тому, что он еще больше утвердился в своем намерении довести затею до конца. Словно под стать его мрачному настроению, пасторальный характер местности постепенно менялся, и теперь поезд уже шел по дикому, пустынному краю. Ровные квадраты огороженных полей исчезли, появились каменистые пустоши и степь, поросшая жалкими побегами вереска. Поля пестрели высокими монолитами — они стояли кругами, древние и призрачные. На западе из-за хвойных лесов поднимались серые горы, прорезанные бурными водопадами, увенчанные темными облаками. Паровоз пыхтел, преодолевая сопротивление дувшего с моря ветра, а за одним из поворотов Пол увидел и море — холодные волны его с грохотом разбивались о высокие скалы.

Наконец, часов около четырех пополудни, поезд остановился у маленькой станции среди вересковой степи — сюда-то и ехал Пол. Единственная платформа была почти пуста, когда он вышел и, чувствуя, как у него гудит в ушах от бешеного тока крови, предъявил свой билет одинокому станционному служителю. Пол собирался спросить у него, как добраться до тюрьмы, но язык словно прилип к гортани, и он молча прошел через белый турникет. Выйдя со станции, Пол тотчас увидел в отдалении — за полосой красной земли, поросшей мокрым от дождя вереском, — серую громаду тюрьмы, обнесенную высокими стенами. И направился к ней по узкой дороге, вившейся через пустошь.

Чем ближе он подходил к мрачной крепости, тем сильнее билось его сердце. Во рту у него пересохло, грудь сдавило, в желудке было пусто, и противно сосало под ложечкой, так как за

весь день он проглотил лишь сандвич и чашку чаю. Дорожка пошла под уклон, и Пол, остановившись, прислонился к чахлой березе, чтобы перевести дух. На западе образовался разрыв в облаках и проглянул кусочек зеленовато-молочного неба, на фоне которого проступили очертания тюрьмы, достаточно хорошо различимые отсюда, с вершины холма.

Она вздымалась огромным глухим массивом, прорезанным лишь низкими воротами со сторожевыми башнями по углам, похожими на нахохлившихся орлов, — вздымалась отвесно, как скала, мрачная, будто средневековый форт. Возле нее в два ряда выстроились домики тюремщиков, сараи и мастерские, а вокруг простиралась голая вересковая степь. Непрístupная стена, утыканная шипами, окружала всю территорию, на которой, подобно огромным разверстым ранам, зияли три каменоломни. В одной из них работало несколько команд арестантов, издали похожих на серых муравьев; их охраняли четверо тюремщиков в синем, медленно и грозно шагавших с винтовкой на плече. Пол не сводил глаз с бурых фигурок, которые усердно трудились, то сгибаясь, то разгибаясь, а вокруг стояла первозданная тишина.

В эту минуту позади раздались шаги. Пол вздрогнул и стремительно обернулся. На вершину холма поднимался пастух в сопровождении косматой овчарки. Вид у него был суровый и неприветливый — казалось, эта дикая, мрачная природа наложила на него свой отпечаток: он остановился рядом с Полом и, опершись на посох, с врожденной подозрительностью оглядел незнакомца.

— Не слишком приятное зрелище, — промолвил он после долгого молчания.

— Да, — с трудом выговорил Пол.

Тот медленно кивнул.

— Вот проклятое место — другого такого не сыщешь. Я-то уж знаю: сорок лет здесь прожил. — Он помолчал. — У них там в прошлом месяце бунт был — погибли пять арестантов и двое тюремщиков, а с виду будто ничего и не случилось. Так же было тихо и спокойно, как сейчас. Шито-крыто! Вот мы с вами тут стоим, разговариваем, а часовой на той вон башне уже наставил на нас бинокль и следит за каждым нашим движением.

Пол вздрогнул, но тотчас взял себя в руки, решив выяснить то, что так интересовало его:

— А когда там у них дни свиданий?

— Дни свиданий? — Пастух посмотрел на него с явным недоумением. — Таких дней там нет.

У Пола захолонуло сердце.

— Но ведь есть же... — вырвалось у него, — конечно, есть такие дни... когда родственникам разрешают видеться с арестантами?!

— Им никого видеть не разрешают, — отрубил пастух. — Никогда. — Его обветренное лицо, не знающее улыбки, исказила кривая усмешка. — Нам так же трудно попасть туда, как им — оттуда выйти. А теперь — до свидания, молодой сэр.

Он свистнул собаке и, еще раз кивнув, пошел своей дорогой.

Оставшись снова один среди воцарившейся тишины, Пол долго стоял неподвижно: надеяться было не на что. Никаких посетителей... Никогда! Он не может увидеть отца... не может хотя бы словом обменяться с ним... То, ради чего он приехал сюда, — неосуществимо. Столкнувшись с холодной реальностью тюрьмы, он понял, что его надежды тщетны, как тщетно и путешествие, предпринятое в это проклятое место под влиянием сентиментального порыва.

Начало смеркаться, а он все стоял, не решаясь уйти; в тюрьме медленно, тягуче зазвонил колокол, нарушая вечную тишину своим погребальным звоном. Пол увидел, как арестанты прекратили работу и под конвоем вереницей потянулись в тюрьму. Ворота поднялись, поглотили их и снова спустились. В эту минуту последний клочок зеленоватого неба снова заволкло тучами.

Что-то надломилось в душе Пола. И из груди его вырвался крик, исполненный горя, боли, ужасного сознания своего бессилия. Горячие слезы брызнули из глаз и побежали по щекам. Он повернулся спиной к проклятой степи и, как слепой, побрел на станцию.

Глава VI

На окраине города Уортли, на углу Эйрас-стрит и проспекта Элдон, находится табачная лавка с выцветшей вывеской: «А. Прасти. Торговля бирманскими сигарами». Предприятие это, старомодное с виду, однако солидное и процветающее, занимает помещение с двумя окнами. В одном из них чинно разложены сигары, нюхательные табаки, пенковые трубки и лучшие сорта рубленого табака, другое — матовое стекло с «глазком», окруженным золотой каймой. «Глазок» приходится как раз над столиком, за которым владелец одного предприятия изготавливает вручную сигареты «Нарезные робин-гудовские», прославившие его на всю округу.

В этот июльский день, часов около двенадцати, мистер Прасти сидел за своим столиком, в переднике, без пиджака, и быстрыми, ловкими движениями набивал свои знаменитые сигареты. Это был сухонький человечек лет за шестьдесят, с коротким угреватым носом и желчным лицом, совсем лысый, если не считать одной-единственной пряди седых волос, с крупным, как слива, жировиком на блестящей макушке. Лохматые седые усы пожелтели от никотина, как и кончики пальцев. На носу красовалось пенсне в стальной оправе.

Восседая на своем стуле и время от времени поглядывая в «глазок», мистер Прасти заметил молодого человека без шляпы, чье поведение показалось ему подозрительным: этот юноша вот уже несколько минут прогуливался взад и вперед возле лавки, раза два-три подходил к двери, словно хотел войти, но в последний момент поворачивал обратно. Наконец он, как видно, собрался с духом, — бледный, исполненный решимости, он быстро вошел в лавку. Мистер Прасти, не державший помощника, медленно поднялся со стула.

— Да? — не очень любезно произнес он.

— Я хотел бы видеть мистера Альберта Прасти. Если... если, конечно, он еще жив.

Табачник кисло улыбнулся.

— Насколько мне известно, он жив. Я и есть Альберт Прасти.

Молодой человек, точно пловец перед тем, как нырнуть в ледяную воду, сделал глубокий вдох.

— Меня зовут Пол Мэффри. — (Ну вот, наконец-то. Стоило ему произнести эту фамилию, как сразу стало легче, и язык уже не прилипает к гортани.) — Ну да, Мэффри. По буквам: эм-э-эф-эр-и. Не совсем обычная фамилия. Она вам ничего не говорит?

Лицо табачника даже не дрогнуло.

— А что, собственно, она должна мне говорить? — раздраженно переспросил он. — Если вы

имеете в виду дело Мэфри, то я его помню. Мало кто способен забыть самую неприятную пору своей жизни. Но к вам-то, черт побери, какое это имеет отношение?

— Я сын Риза Мэфри.

В низенькой лавчонке воцарилась звенящая тишина. Старик оглядел Пола с головы до ног, взял из банки, стоявшей перед ним на столике, понюшку табаку и медленно вдохнул едкую пыль.

— А зачем вы пришли ко мне?

— Я не сумею этого объяснить... Просто не мог поступить иначе.

В нескольких кратких, отрывистых фразах Пол попытался изложить обстоятельства, побудившие его предпринять поездку в Каменную Степь. И добавил:

— Я приехал сюда сегодня утром... В девять вечера идет поезд, с которого я могу попасть на пароход, отходящий в двенадцать ночи в Белфаст. Мне казалось, что если бы я что-то узнал... Даже сам толком не знаю, что именно... Возможно, какие-то смягчающие обстоятельства... Мне стало бы легче. А к вам я пришел потому... что вы были единственным свидетелем, выступившим в пользу отца.

— Что значит «в пользу»? — сердито переспросил Прасти. — Не понимаю.

— В таком случае... В таком случае, вы, значит, ничего не можете мне сказать?

— А что, черт побери, я могу вам сказать?

— Я... Я не знаю. — Пол вздохнул. Постояв немного, он выпрямился и направился к двери. — Что ж, я пошел. — Голос его уже не дрожал. — Извините, что побеспокоил. Спасибо за то, что не выставили.

— Подождите! — остановил его резкий окрик, когда он был уже за дверью.

Пол медленно вернулся в лавку. Прасти снова оглядел его с головы до ног — от молодого взволнованного лица до испачканных грязью брюк — и снова взял понюшку табаку.

— И куда это вы торопитесь! Свалились, как с неба, когда я и думать обо всей этой истории забыл, влетели в магазин и выскочили, будто коробок спичек зашли купить. Черт бы вас всех побрал! Не могу же я вернуться на пятнадцать лет назад за какие-то пятнадцать минут.

Но прежде чем Пол успел что-либо сказать, звякнул колокольчик, и в лавку вошел покупатель. Когда, получив унцию флотского табаку, он уже собрался уходить, появился новый клиент — один из постоянных покупателей Прасти, дородный мужчина, который, выбрав себе сигару, закурил ее с явным намерением задержаться и поболтать. Тогда табачник подошел к Полу и тихо сказал:

— Сейчас время обеда — у меня самая горячая пора. Нам не удастся поговорить. Рассказать мне вам, собственно, нечего, но, поскольку я закрываю магазин в семь, а ваш поезд отходит только в девять, вы могли бы зайти ко мне домой этак в половине восьмого. Я попотчую вас чашечкой кофе на дорогу.

— Благодарю вас! — Глаза у Пола загорелись. — К вам на квартиру?

Прасти кивнул с какой-то странной усмешкой, сощутив близорукие глаза.

— Адрес прежний: Эшоу-террейс, пятьдесят два. Дом стоит все на том же месте. И я живу все

там же.

Он вернулся к покупателю, а Пол вышел из лавки. Едва волоча ноги от голода и усталости — всю предыдущую ночь он провел на жесткой скамье в зале ожидания на вокзале, — Пол вдруг вспомнил, что по пути из центра проезжал мимо здания с вывеской «Христианская ассоциация молодых людей» и, сев на желтый трамвай, через пять минут уже был в гостинице, принадлежащей этой ассоциации. Приняв горячую ванну, он почистил одежду и привел себя в порядок, затем съел сытный обед, состоявший из супа, отбивной и рисового пудинга.

Было всего два часа. Основательно подкрепившись, Пол вышел из столовой. А дальше что делать, как убить время до встречи с Прасти? И вдруг его осенило. Он справился у клерка и, пройдя минут десять по людной Леонард-сквер, вышел на Кэнтон-стрит и там свернул в подъезд городской публичной библиотеки.

В высоком зале, где гулко отдавались шаги, он нашел отдел газетных подшивок.

— Не могли бы вы сказать мне, какая газета в Уортли пользуется наиболее почтенной репутацией?

Молодой человек, стоявший за столиком, насмешливо спросил:

— А разве есть почтенные газеты? — И тотчас, тоном человека, на обязанности которого лежит выдача справок чужеземцам, добавил: — Пожалуй, самой лучшей будет «Курьер». Вполне солидная газета.

— Спасибо. Можно посмотреть ее подшивку за тысяча девятьсот двадцать первый год?

— За весь год?

— Ну нет. — Несмотря на напускную самоуверенность, Пол покраснел. — Меня вполне устроят последние четыре месяца двадцать первого года.

— Заполните, пожалуйста, формуляр.

— Извольте.

Карандашом, прикрепленным цепочкой к столику, Пол заполнил бланк и вручил его библиотекарю.

Молодой человек, любезно улыбнувшись, нажал кнопку вделанного в столик звонка. Через несколько минут служитель принес толстую кожаную папку и положил ее на соседний столик.

Волнуясь, Пол принялся перелистывать сухие, пожелтевшие страницы и затрепетал, когда ему на глаза попало первое упоминание о преступлении. Да, вот оно, перед ним: «

Подлое преступление в Элдоне. Зверски убита молодая женщина ».

Пол взял себя в руки и, стиснув зубы, принялся читать. Он читал, не отрываясь, низко склонившись над текстом, а стрелки больших часов над его головой неуклонно совершали свой бег. Так прочел он все, с начала и до конца. В основном это была та же история, которую он уже знал, только изложенная более драматично. Когда Пол дошел до описания ареста, пот выступил у него на лбу. Слово за словом разворачивалась перед ним трагедия, разыгравшаяся на суде. Он застонал. Речь прокурора Мэтью Спротта, королевского адвоката, обожгла его, как удар хлыстом.

«

Это зверское убийство , — читал он, —

хладнокровно совершенное прожженным мерзавцем, по своей дикой, неопишущей жестокости не имеет себе равного в анналах криминалистики. Такое преступление мог совершить лишь вконец опустившийся негодяй, гнусный подонок! Для него мало виселицы, господ присяжные! »

Затем в специальном приложении к последней странице Пол увидел фотографии: жертва преступления — хорошенькая, глупо улыбающаяся женщина с высоко взбитыми волосами, в блузке с бантиком. Доказательства: свидетельство презренного доносчика Рокка — слабовольного тощего субъекта с прилизанными волосами, разделенными прямым пробором; открытка, сыгравшая роковую роль в обвинении, с начертанной на ней дурацкой фразой: «В разлуке сердце полнится любовью»; орудие убийства — немецкая бритва фирмы «Брасс». Ничто не было забыто — даже рассекающий волны корабль «Истерн стар», на котором намеревался бежать преступник. А в центре страницы — сам осужденный между двумя блюстителем закона, снятый в тот момент, когда его вводили в суд для слушания приговора. Пол с болью смотрел на этот снимок: лицо отца, испуганное и в то же время покорное, обреченное, как у загнанного зверя, преисполнило его безмерной муки.

Пол поспешно захлопнул подшивку. Последняя надежда, за которую он вопреки всему так цеплялся, исчезла. «Виновен! Виновен! — прошептал он про себя. — В этом нет сомнения!»

Взглянув на часы, он даже удивился: оказывается, стрелка уже приблизилась к восьми. Он встал и отнес подшивку. Библиотекарь, который выдавал ему газеты, по-прежнему стоял за своим столиком.

— Вам это еще понадобится? — спросил он. — Если да, то мы не будем убирать.

Несмотря на свое смятение, Пол заметил, что молодой человек смотрит на него с дружеским интересом. Библиотекарь был малый лет девятнадцати, худенький, невысокого роста, с большим насмешливым ртом, серыми умными глазами и курносый носом, который придавал его лицу живое, веселое выражение. Полу стало неприятно, что он не сумел совладать с собой и молодой человек, наверно, заметил его волнение.

— Нет, не понадобится.

Он постоял с минуту, словно ждал какой-то реплики, но библиотекарь лишь молча смотрел на него. Пол повернулся и вышел на шумную улицу.

Глава VII

Теперь, когда Пол знал все, первой его мыслью было отказаться от свидания с Альбертом Прасти (к чему лишний раз мучить себя?). И все же он направился в Элдон.

Шел он медленно: уже начали сгущаться сумерки, когда он ступил на каменные плиты Эшоу-террейс. Это была узкая улочка, по обеим сторонам которой вздымались высокие оштукатуренные дома с подъездами и воротами — некогда, видимо, обиталища аристократических семейств. Хотя район был вполне респектабельный, однако сейчас эти бывшие особняки, превращенные в многоквартирные дома, выглядели отнюдь не величественными, а жалкими и даже мрачными. Пол невольно вздрогнул, подойдя к дому, где было совершено убийство, но упрямо сжал зубы и заставил себя войти в подъезд. Затем поднялся по каменной лестнице, насквозь пропахшей сыростью, и позвонил у двери на

втором этаже.

Ждать пришлось недолго; мистер Прасти открыл ему, и они прошли через темную переднюю в захлавленную комнату, где на крошечной газовой плитке булькал кофе, испуская чудесный аромат.

Маленький табачник встретил Пола в ковровых ночных туфлях и в старой бархатной куртке; на голове у него, как бы подчеркивая эксцентричность, красовалась потрепанная феска. Желая быть гостеприимным хозяином, он засуетился, быстро налил Полу чашку кофе и, положив в нее желтого сахарного песка, поставил перед ним.

Пол отхлебнул черного, сладковато-горького, полного гущи напитка. Горячий кофе приободрил его. Тем временем табачник снял соломинку с длинной сигары, понюхал ее с видом знатока, потер об ухо и закурил.

— Я сам себя обслуживаю, — заметил он, убогаторенно вдыхая сигарный дым. — Жена умерла шесть лет назад. Надеюсь, вам понравился кофе... Я его выписываю из-за границы.

Пол пробормотал что-то в ответ. Ему вдруг стало неловко: зачем, собственно, он сюда пришел? Он растерянно оглядел комнату, обставленную потертой мебелью красного дерева, заметил красивую бронзовую люстру, и взор его надолго приковался к потолку.

— Да, да, — сказал Прасти, поняв по выражению лица Пола, о чем тот думает. — Я сидел на этом самом месте, когда услышал стук, какое там стук — страшный грохот, и бросился вверх. Боже мой! Никогда не забуду ее... Она лежала полуобнаженная, такая аппетитная... Только горло у нее было перерезано от уха до уха... — Он запнулся. — Не надо пугаться. Там сейчас никого нет... Квартира пустая. У меня есть ключ... Хозяин дал мне... Если хотите посмотреть...

Пол отрицательно покачал головой и сжал виски руками.

— Я сегодня столько всего узнал, что ум мутится. Я весь день читал судебные отчеты в «Курьере».

— О да, — задумчиво произнес Прасти, — там все было описано как надо. Даже мне воздали должное. А я ведь не очень-то отличился. Спротт сделал из меня настоящего дурака. А все потому, что я не мог подтвердить под присягой, что человек, который вышел из этой квартиры... — Он откинул голову и затянулся сигарой. — ...был Риз Мэффи.

— Вы не признали в нем... моего отца?

— На площадке было темно. И у меня не было при себе очков. Возможно, я ошибся... Эд — парень из прачечной — да и все остальные были уверены, что это он. Но, — Прасти не без гордости расправил плечи, — я человек упрямый. Я не был убежден, и, сколько бы надо мной ни глумился этот выскочка Спротт, не мог я поклясться, что человек, попавшийся мне на лестнице, был ваш отец. Вы когда-нибудь выступали свидетелем на суде?

— Нет.

— Так вот: стоит этим судейским вытащить человека на свидетельское место, они тут же его опутают по рукам и ногам. Сначала ты сам не знаешь, что говоришь. Потом тебе не дают сказать то, что ты хочешь. А ведь было одно любопытное обстоятельство, о котором мне так и не дали сказать. Мы столько раз вспоминали об этом с женой и с доктором Тьюком — я его позвал тогда осмотреть тело. На суде он не выступал, нет, у них были свои медицинские эксперты, да и не только медицинские, но и его тоже заинтересовало упомянутое мной обстоятельство, и мы частенько с ним толковали об этом.

Табачник затаился сигарой и задумчиво помешал ложечкой кофе.

— Когда я вошел к Спэрлинг в гостиную и увидел, что она убита, то инстинктивно бросился к окну и распахнул его. Мне хотелось еще раз взглянуть на человека, который пробежал мимо нас. И, ей-Богу, я его видел. При свете, падавшем из окна, я увидел, как он схватил велосипед, стоявший у подъезда, вскочил на него и умчался, будто сумасшедший. Так вот: велосипед этот был зеленый... Могу поклясться, что зеленый. Странно, а? — И Прасти, который, видимо, любил немножко порисоваться, многозначительно умолк. — Особенно если учесть, что у Мэфри за всю его жизнь не было даже самого обыкновенного велосипеда. — Он неодобрительно развел руками. — Конечно, они там заявили, что он схватил первую попавшуюся машину, чтобы побыстрее удрать. Но если так, то кому же принадлежал этот зеленый велосипед и куда, черт побери, этот человек скрылся? Они даже обыскали канал, но трупа там не нашли.

В комнате воцарилось напряженное молчание.

— И еще одно, — задумчиво продолжал Прасти, — этот кожаный кошелек, который валялся возле тела. Он не принадлежал убитой. И Мэфри не принадлежал. Тогда чей же он? Вот в чем загвоздка... И эта загвоздка заставила немало поломать голову человека поумнее меня. Того, кто вел расследование, — Суона.

— Суона? — машинально повторил Пол.

Прасти кивнул с неожиданной серьезностью.

— Инспектора сыскной полиции Джеймса Суона. — Табачник инстинктивно оглянулся и, словно боясь, как бы кто-нибудь не подслушал, придвинулся к Полу. — Я не такой уж человеколюбец. И отнюдь не намерен ставить себя под удар из-за кого бы то ни было. Но на вашем месте... Я считаю, что вам надо бы разузнать насчет Суона.

Перемена, происшедшая в собеседнике, вывела Пола из апатии. Он насторожился, а Прасти приглушенным голосом, с опаской продолжал:

— Суон был славный малый и хороший работник. Но не в этом дело. Если, скажем, во время дежурства по городу он замечал, что какие-нибудь парни безобразничают, он не отправлял их в каталажку, а начинал увещевать, как добрый дядюшка... Словом, это был человек порядочный. К несчастью только, имел он одну слабость, и притом прескверную: пил. — Прасти посмотрел на тлеющий кончик сигары и покачал головой. — Странно это все получилось, ей-Богу, странно.

У Пола по спине пробежали мурашки. Он весь превратился в слух.

— Я хорошо его знал: он два раза в неделю приходил ко мне в магазин за пол-унцией табаку. Ну, и, конечно, мы часто встречались, пока шло разбирательство. И вот, когда все кончилось и жизнь вошла в свою колею, я заметил в нем перемену. Начать с того, что он стал чаще прикладываться к бутылке. Он и всегда-то был не очень разговорчив, а тут из него слова нельзя было вытянуть. Ходил мрачнее тучи: видно, что-то его мучило. Я частенько подтрунивал над ним, спрашивал: может, он влюбился и тому подобное, но он пропускал мои шуточки мимо ушей. И вот однажды, так через год, пришел ко мне совсем уж в мрачном настроении, может быть, даже и под хмельком. «Я хочу сделать один серьезный шаг, Альберт, — сказал он мне. — Пойду посоветуюсь с Уолтером Джилеттом».

Прасти помолчал и глотнул кофе.

— А Уолтер Джилетт — адвокат с отличной репутацией — много работал в полицейских судах. И, естественно, я спросил Суона, что это он вздумал к нему обращаться. Но Джимми

только головой покачал. «Сейчас я ничего не могу сказать, — загадочно ответил он. — Но, возможно, скоро вы обо всем узнаете».

Табачник снова взял чашку и отхлебнул кофе. Пол с трудом сдерживал нетерпение.

— Ну, вот, — угрюмо продолжал Прасти, — скоро я и вправду кое-что услышал. На следующий же день Суон явился на дежурство пьяный в стельку. Устроил на улице пробку, потом свернул не на тот свет, и получилась неприятность: какую-то женщину сбил машиной, ее чуть не убило. Ну, конечно, поднялся страшный шум. Суона судили, выгнали из полиции и — наверно, так уж положено — приговорили к шести месяцам принудительных работ.

— Посадили в тюрьму! — воскликнул Пол. — И... что же с ним случилось?

— Сломали они его, — сказал Прасти. — Выйдя из тюрьмы, Суон перепробовал немало занятий: работал и частным сыщиком, и носильщиком в гостинице, и рассыльным в кино, но нигде подолгу не задерживался. Он стал совсем другим. Честно вам говорю: вино и все эти неприятности сгубили его. Где он сейчас и что с ним — не знаю: последние два года я потерял его из виду.

— Но почему? — вырвалось у Пола. — Почему это случилось? Виделся он с Джилеттом?

— Ах! — многозначительно произнес Прасти. — Лучше не спрашивайте!

Он допил кофе и еще тише продолжал:

— Я всего несколько раз видел Суона после того, как он вышел из тюрьмы. Но однажды вечером он явился в мой магазин. Он, видно, пил несколько дней подряд и был изрядно под мухой. Войдя, он постоял у двери, раскачиваясь из стороны в сторону и не раскрывая рта. Потом вдруг говорит: «Знаешь что?» — «Нет, Джимми», — ответил я в тон ему. «Так вот, — сказал он. — Никогда не пытайся учить ученого». Да как захохочет! Так, не переставая хохотать, он и вышел из магазина. Страшно даже вспомнить этот хохот.

— А что он еще сказал? — вырвалось у Пола.

— Ничего... Ни тогда, ни потом... Ни единого слова. Ей-Богу, не знаю, прав я или нет, а только кажется мне, что он стал таким из-за дела Мэфри.

Наступила долгая тишина. К горлу Пола подкатил комок. Он, не шевелясь, сидел на своем стуле. Потом голова его снова запрокинулась и взгляд устремился в потолок. Все было туманно, мрак сгустился сильнее прежнего, и тем не менее, несмотря на эту тьму, он чувствовал, как в груди его что-то ширится и растет, побуждая к действию.

— Уже поздно. — Прасти бросил окурочек сигары в камин и посмотрел на часы. — Я не хочу вас торопить, но если вы не поспешите, то опоздаете на поезд.

Пол поднялся.

— Я не могу сегодня уехать, — твердым голосом сказал он. — Я должен узнать... что могут сообщить мне Суон и Джилетт.

Глава VIII

Утро настало свежее и ясное. Пол проснулся рано — ночевал он в гостинице «Христианской

ассоциации молодых людей», где еще накануне днем, выйдя из лавки Прасти, снял номер. Позавтракав, он написал и отнес на почту коротенькое письмо к матери, в котором просил ее не беспокоиться, затем деловито зашагал к центру города. Табачник, давно уже почти не выходящий за пределы своего квартала, понятия не имел, где живут Суон и Джилетт, однако, порывшись в бумагах, нашел адрес конторы адвоката, помещавшейся на Темпл-лейн, а также номер дома возле Хлебного рынка, в котором, насколько ему известно, Суон жил года два назад.

Около половины десятого Пол подошел к дому номер пятнадцать по Темпл-лейн и, на свое счастье, увидел мужчину в сером бязевом переднике, — тот, должно быть, как раз открыл помещение конторы и старательно начищал медную табличку у двери.

— Скажите, здесь контора мистера Уолтера Джилетта?

Привратник оторвался от своего занятия. Это был грубый с виду субъект, кривоногий, с налитыми кровью глазками.

— Была здесь, — довольно любезно ответил он.

— А теперь он, что же, перебрался отсюда?

— Совершенно верно.

Оба помолчали.

— А вы не знаете, куда?

Привратник искоса глянул на Пола.

— Знаю, конечно.

— Где же я могу его увидеть?

— Сомневаюсь, чтобы вы могли его увидеть. — Он еще раз покосился на Пола. — А впрочем, попытайтесь: попытка не пытка. — Он задумчиво потеревил нос. — Медяка не пожалееете?

Пол сунул ему шиллинг из своих оскудевших запасов.

Привратник ловко подбросил монету и отер губы тыльной стороной ладони.

— Вы найдете его на Орм-сквер. Отсюда недалеко, в старом городе, возле собора. Дойдите до конца Темпл-лейн, поверните направо и потом идите все прямо и прямо. Там увидите его фамилию. Не беспокойтесь: мимо не пройдете.

Пол никак не ожидал, что все выяснится так быстро и легко. Он повернулся и, чувствуя на себе взгляд привратника, поспешно зашагал по длинному переулку, мимо бесконечного ряда контор.

Орм-сквер Пол нашел без всяких затруднений. Место это, как и сказал привратник, находилось возле собора. Собственно говоря, это было кладбище, живописное старое кладбище с деревянной, черной с белым сторожкой у входа, затененного высокими вязами. До Пола не сразу дошло, почему привратник прислал его сюда. Потом вдруг он понял: Джилетт на кладбище, он мертв. Пол вспыхнул от досады: на какой-то миг у него возникло желание вернуться и задать хорошую трепку человеку в бязевом фартуке. Но ничего подобного он не сделал, а пошел на кладбище и через полчаса набрел на предмет своих исканий — белый мраморный памятник, затерянный в дальнем углу. Пол пробежал глазами краткую эпитафию:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

УОЛТЕР ДЖИЛЕТТ

Родился в 1881 г. — Умер в 1930 г.

Достойный член нашего общества, он был почитаем при жизни и оплакан после смерти.

Дела человеческие не пропадают втуне.

Пол машинально несколько раз повторил про себя последнюю фразу: он понимал, что теперь, раз Джилетт мертв, надо приложить все усилия, чтобы разыскать Джеймса Суона. И, решительно повернувшись, пошел к воротам.

Через некоторое время он уже стучал в дверь одного из домов за Хлебным рынком. На лестнице, ведущей в подвальное помещение, показалась приличная с виду женщина средних лет в синем клетчатом халате.

— Мне нужен мистер Суон... мистер Джеймс Суон, — возможно более деловитым тоном произнес Пол. — Насколько мне известно, он жил здесь.

— Да, — призналась женщина. — Он несколько месяцев снимал здесь комнату. Но вот уже два года как переехал.

— А куда?

Она помедлила.

— Я не имею никаких претензий к бедняге: он исправно платил за квартиру, когда мог. Вы что, ищите его за какую-нибудь провинность?

— О нет, — поспешил заверить ее Пол. — Совсем наоборот.

— Ну, тогда ладно... Он живет в меблированных комнатах на Уэйр-стрит. Номера я не знаю, знаю только, что дом принадлежит человеку по фамилии Харт.

Уэйр-стрит находилась приблизительно в полумиле оттуда; это была длинная убогая улица в густо застроенном районе города — здесь теснились дешевые лавчонки, тележки торговцев загораживали проезжую часть, с грохотом проносились трамваи. Пол зашел в ближайшее почтовое отделение и, заглянув в справочник, без труда отыскал меблированные комнаты Харта.

Это оказался высокий кирпичный дом в глубине грязного двора, окруженного высокими закопченными зданиями, — попадали туда через узкую подворотню. Ручка от звонка была оторвана — на ее месте в стене зияла дыра; никакого другого приспособления для стука или звонка на шаткой двери не было. Пол несколько раз постучал по ободранной обшивке. Наконец появился мальчишка лет двенадцати с грязным лицом и распухшей шеей, обмотанной красной фланелью.

— Никого нет дома, — хрипло объявил он, еще прежде чем Пол успел раскрыть рот.

Затем, в ответ на расспросы Пола, пояснил, что болен и не ходит в школу, а все мужчины, живущие в доме, — сейчас на работе, на металлургическом заводе. Никакого Суона он не знает. Но в четыре часа придет мама — она-то уж, конечно, знает всех.

Сказав мальчишке, что он еще зайдет, Пол выбрался на шумную Уэйр-стрит. Слоняться без дела он не мог — слишком напряжены были нервы. Неукротимая тяга к действию,

зародившаяся в нем накануне, снова погнала его в библиотеку.

Там дежурил вчерашний библиотекарь. Когда Пол вошел, он в мечтательной задумчивости сидел за своим столиком, но, подняв голову и увидев Пола, тотчас насторожился и с возрастающим интересом смотрел на него, пока тот шел по длинному читальному залу. Пол протянул ему заполненный бланк, и библиотекарь молча взял его. Затем нажал на кнопку звонка, вызывая служителя.

Когда тот ушел, он выдвинул ящик из столика, за которым сидел.

— В прошлый раз вы оставили в подшивке свои заметки. Вот они.

Пол взглянул на листок. Он тогда начал записывать все перипетии процесса, но потом бросил. Инстинкт подсказывал ему, что библиотекарь, несмотря на свой внешне бесстрастный вид, конечно, прочел записи, не поленился заглянуть в подшивку и, возможно, даже знает, кто такой Пол.

— Мне это не нужно, — сказал он. — Но все равно: спасибо.

Молодой человек как-то странно посмотрел на него своими блестящими, как у птицы, любопытными глазами.

— Такие записи следует рвать.

И он тут же разорвал листок на мелкие кусочки. В эту минуту появился служитель с двумя тяжелыми томами — переплетенными в папки экземплярами «Курьера» за тысяча девятьсот двадцать второй год. Пол прошел за ним к ближайшему столику, сел и раскрыл первый том.

Старательно водя пальцем по колонкам, он пробежал глазами каждую страницу. Это было мучительное занятие, от которого у него вскоре разболелись глаза. Но он не отступался и, покончив с первым томом, принялся листать второй. Когда и этот был просмотрен, он откинулся на стуле и, нахмурившись, потер рукой лоб. Часы, висевшие под потолком, показывали четвертый час. Вспомнив, где ему надо быть в четыре, Пол встал, чтобы вернуть подшивку.

— Нашли то, что вам требовалось? — как бы мимоходом спросил библиотекарь.

Пол почувствовал в этом вопросе жгучее любопытство.

— Нет, не нашел.

Оба замолчали. Пол понимал, что библиотекарь больше не заговорит. Сейчас достаточно было повернуться и уйти — и конец знакомству. Однако Пол почему-то вдруг почувствовал, что молчание юноши и его выжидательный взгляд — пусть бесцеремонный, но вполне доброжелательный — как бы призывает его к откровенности. Неудержимое желание облегчить душу овладело им.

— Я искал отчет о процессе по делу инспектора Суона, которого судили в двадцать втором году.

Молодой человек удивился, но постарался это скрыть.

— Это не такое трудное дело. Если я найду отчет в какой-нибудь другой газете, то отложу для вас подшивку. — Он помолчал. — А вас... очень интересует этот джентльмен?

— Я пытаюсь разыскать его.

— Но вы хоть знаете, где его искать?

— Он, видимо, живет где-то поблизости. И, кажется, очень бедствует.

— Вот оно что...

Молчание. Пол постоял с минуту, затем, смущенный собственной болтливостью, неуклюже поблагодарил библиотекаря, надел шляпу и вышел.

Он не торопясь добрался до Уэйр-стрит и в четыре часа уже был в мебелированных комнатах Харта, где его встретила вернувшаяся хозяйка — дородная женщина в грубошерстной юбке, клетчатом платке на плечах и в мужской кепке, из-под которой торчал пучок, заколотый двумя большими шпильками из поддельного агата.

— Да, — сказала она, — я хорошо помню Суона. Не повезло ему. Заболел и должен был оставить работу на заводе. Слишком часто закладывал за галстук. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я говорю? Я ничуть не жалела, когда он съехал.

— А давно это было?

— Ну, этак с полгода.

— И вы не знаете, куда он перебрался?

— Откуда же мне знать! Наверно, в Бромли, на строительство.

— Это, кажется, тут недалеко?

— Не очень... Отсюда около трех миль будет.

— Он вам не оставил своего адреса?

— Суон не из тех, кто оставляет адрес. Из него и слова-то никогда не вытянешь. А впрочем, подождите-ка, что-то он, кажется, говорил насчет письма и просил переслать ему, если оно придет, но оно так и не пришло. Вот только записала я тогда адрес или нет? — Она повернулась к мальчишке, стоявшему, ушки на макушке, у двери. — Принеси-ка мне из комнаты книгу, Джози.

Мальчишка живо притащил истрепанную книгу с замусоленными страницами. Послюнив палец, хозяйка принялась ее листать.

— Ага, вот он. Ну, что я вам говорила?

Придвинувшись ближе, Пол с внезапно пробудившейся надеждой впился глазами в то место, на которое она указала. На грязной странице был нацарапан карандашом желанный адрес: «Бромли. Кэсл-роуд, 15. Робертсу для Джеймса Суона».

Пол быстро переписал его к себе в блокнот, поблагодарил женщину и ушел. Шагая по узкому проулку, освещенному одной-единственной слабой лампочкой, он подумал, что день этот оказался отнюдь не потерянным. Пол действительно напал на след Суона, даже составил себе представление об этом человеке — несчастный, потерпевший полный крах в жизни, видимо, опускался все ниже и ниже, топя горе в вине и самой черной работой добывая себе пропитание. Сегодня было уже поздно ехать в Бромли, Но он поедет завтра. Да, завтра же разыщет Суона.

Под вечер, ровно сутки спустя, Пол возвращался в гостиницу «Христианской ассоциации молодых людей».

Вскоре после полудня пошел дождь, но Пол упрямо брел своим путем, не обращая внимания на промокшие ботинки и набухшую от влаги одежду. Все его радужные надежды развеялись. Он был в Бромли, ходил по адресу, который дала ему хозяйка меблированных комнат, разговаривал с подрядчиком той стройки, где работал Суон, прочесал весь район из конца в конец, но тщетно. Суона ему так и не удалось обнаружить: он бесследно исчез.

Усталый и понурый, Пол вошел в гостиницу и медленно поднялся к себе в номер. Опустив монетку в счетчик, он зажег газ в крошечном камине и, когда выпрямился, заметил на каминной доске телеграмму. Он вскрыл ее и прочитал: «

Страшно волнуясь возвращайся немедленно назначение летнюю школу получено привет от всех мама ».

Пригнувшись поближе к крошечному пламени так, что от его мокрой одежды пошел пар, Пол еще раз пробежал глазами телеграмму. Ничего удивительного, что мать просит его вернуться; ему самому это казалось сейчас единственно правильным решением. Разлука смягчила его ожесточение против матери. Она, видимо, поговорила с профессором Слейдом, а может быть, попросила это сделать пастора Флеминга — и вот место в Портрее ждет его. Слова «привет от всех» вызвали у Пола горькую усмешку: они явно означали, что Элла простила его.

Пообсохнув немного, он выключил газ и спустился вниз перекусить. В холле, у входа в обеденный зал, к нему подошел рассыльный.

— Вас спрашивает один молодой человек. Он в гостинной.

Немало удивленный, Пол проследовал за юношей в небольшую душную нишу, где стояли стулья с жесткими плетеными сиденьями и пальма в кадке, стыдливо отделенные от холла занавеской из бус. Раздвинув тихонько застучавшие бусы, Пол не без изумления увидел молодого библиотекаря и нерешительно подошел к нему.

— Добрый вечер.

— Вы не ожидали меня увидеть?

— Нет, не ожидал.

Библиотекарь ответил на такую откровенность веселой улыбкой. Сейчас, вне стен своей службы, он держался еще более бойко и развязно, так что мог кого угодно обезоружить своей прямоотой, но Пола — в его нынешнем настроении — это только раздражало.

— Я хочу вам кое-что рассказать. — Он окинул быстрым взглядом пустую комнату. — Надеюсь, нас никто здесь не подслушает.

Пол так посмотрел на него, что тот поперхнулся.

— Вы, конечно, совсем меня не знаете, но я, право, вполне приличный человек. Зовут меня Булия — Марк Булия.

Он протянул руку. Пол пожал ее и сел. У него вдруг появилась надежда, что сейчас что-то выяснится. Марк посмотрел на него долгим ироническим взглядом и лишь после этого заговорил:

— Когда вы в первый раз пришли в библиотеку, я наблюдал за вами — не мог не наблюдать: уж очень заметно было, что вы... что вам тяжело. Мне стало жаль вас, да и потом я почувствовал к вам симпатию. Ведь бывает же так: вдруг тебе понравится кто-то. После вашего ухода я просмотрел подшивку. — Он не без самодовольства признался в этом. — Теперь я знаю, кто вы, и вообще все знаю.

Об этом Пол и раньше догадывался. Он молча и внимательно слушал, а Булия продолжал:

— Вчера вы стали искать дополнительные сведения. Но не сумели ничего обнаружить. И вот, когда вы ушли, я сам занялся розысками. В одной газете, только в одной — «Клэрион», либеральной газетенке с крошечным тиражом, я нашел заметку о суде над Суоном. Как ни странно, это был протест против чрезмерной строгости приговора, который ему вынесли.

На бледном лице Пола ничего нельзя было прочесть, однако глаза его загорелись. Наконец он спросил:

— Зачем вы мне это рассказываете?

Марк пожал плечами, уголки его рта опустились в иронической усмешке.

— Затем, что вы ищете Суона.

Пол слегка повел плечами.

— Это бесцельная затея.

— Почему?

— Нельзя найти человека через пятнадцать лет.

— Ну, это как сказать. — Марк оживился и, выждав достаточно долго, чтобы произвести надлежащее впечатление, сказал: — Дело в том, что я нашел его.

Во рту у Пола мгновенно пересохло. Он недоверчиво уставился на этого странного человека, а тот спокойно кивнул в подтверждение своих слов.

— Это оказалось совсем нетрудно: после того, что вы мне рассказали, я решил рискнуть и просмотреть списки лиц, находящихся на пособии, а также реестры работного дома и всех городских больниц. Суон — в Белведерской клинике.

Глава X

Комната, где лежал Суон, была длинная, узкая, с выбеленными стенами и покатым потолком. Настоящая палата для бедняков, голая и мрачная. Кровать Суона, отгороженная ширмой, стояла на деревянных чурках. Подле нее на полу находился цилиндр с кислородом, от которого тянулась длинная трубка. Над всем, даже над едким запахом карболки, здесь торжествовал неуловимый, но острый запах болезни.

Суон лежал на двух подушках, вытянув ноги, устремив взгляд в потолок. Судя по длине его тела, в свое время это был крупный мужчина, но сейчас он страшно похудел, лицо, с ввалившимися щеками и заострившимся длинным носом, казалось на фоне белой наволочки совсем желтым, даже бронзовым. Пальцы его, бессильно лежавшие на пододеяльнике, опухли. Короткое, прерывистое дыхание почти не поднимало грудь.

Был час приема посетителей, и у кровати больного стояли Пол и Марк Булия. Они пришли десять минут назад, и Марк весьма тщательно представил Пола больному. А Пол уже принялся умолять Суона прийти ему на помощь. И сейчас, взволнованный важностью момента, напряженно ждал, что скажет Суон.

Однако Суон не спешил: ему было над чем подумать. Но вот, не повернув даже головы, он перевел взгляд на Пола и немного спустя тихим, хриплым шепотом произнес:

— Вы на него похожи.

Затем снова устремил взгляд в окно и долго молчал.

— Странно все-таки, что мне довелось с вами встретиться, — еле слышно сказал он наконец. — После того, что случилось со мной, я поклялся никогда больше не раскрывать рта — дурак я был, что не смолчал. Но вы — сын Мэфри. А я — человек конченный. Так что не все ли равно?

Наступила короткая пауза: казалось, Суон заглядывает в далекие глубины прошлого.

— В ту пору, когда мне поручили вести расследование убийства в Элдоне, я был как огонь — не то, что теперь. И я помню тот день, когда нашел первый ключ к разгадке, словно это было вчера. К нам в управление явился помощник букмекера по фамилии Рокка... Да-да, не как-нибудь, а Гарри Рокка... Ну и трус же это был: так и дрожал от страха, казалось, слова не выговорит. А все-таки выговорил, и вот что сказал: он больше года дружил с убитой, часто ночевал у нее и провел с ней ночь на седьмое сентября. Но он не убивал ее — просто не мог убить, потому что восьмого и девятого сентября был на скачках в Донкастере, человек двенадцать могут это подтвердить. И потом ведь он сам пришел, по доброй воле, чтобы на его имя не легло никакого пятна.

Надо сказать, что его признание ничего для нас не прояснило: мы знали, что у Спэрлинг было много поклонников, но решили на всякий случай задержать Рокка. Когда тот услышал об этом, он позеленел и выложил все как на духу. Рассказал, что у него есть приятель — Риз Мэфри, которому нравится Спэрлинг. Рассказал, как встревожился Мэфри, увидев в газетах снимки открытки, нарисованной от руки. И, главное, рассказал о попытке Мэфри сфабриковать алиби. Мы с радостью ухватились за эти сведения: ведь целую неделю были в тупике, а тут вдруг — горячий след. И он стал еще горячее, когда мы узнали, что нужный нам человек отбыл в Ливерпул. Тотчас позвонили в Ливерпул — и Риз Мэфри был схвачен.

Суон помолчал, облизнул пересохшие губы.

— На свою беду, Мэфри оказался человеком горячего нрава, он сопротивлялся при аресте и совершил роковую ошибку — ударил полицейского. Добавьте к этому то, что, как я уже говорил, он был арестован в момент, когда собирался ехать в Южную Америку, — и вы поймете, что все складывалось не в его пользу. А он еще ухудшил свое положение. На предварительном допросе его, естественно, прежде всего спросили: «Где вы были между восемью и девятью вечера восьмого сентября?» Не зная, что приятель выдал его, Мэфри ответил: «Играл в бильярд с неким Рокка». Это, казалось, решало все.

Суон откинулся на подушки, в его тусклых глазах появилось какое-то странное выражение.

— А теперь я должен рассказать вам о моем начальнике — сейчас он возглавляет всю уортлийскую полицию — об Адаме Дейле. Он сын кумберлендского фермера, вышел из низов, по части дисциплины был очень требователен, но в общем к подчиненным относился хорошо. Словом, это был образцовый офицер, который в жизни не брал взяток. Он любил свое дело и не раз похвалялся мне, что может за милую душу узнать преступника. И он тоже с самого начала был убежден, что Мэфри — преступник.

Разгорячившись от собственных слов, больной попытался приподняться на локте.

— Ну, а мне это дело не казалось таким простым. Несмотря на все улики, я отметил, что Мэффри заказал билеты в Южную Америку на свою фамилию, что он снял номер в ливерпульской гостинице для себя и своей семьи, не скрывая, кто он такой, а уж этого никогда бы не сделал человек, который боится преследования и хочет замести следы. Кроме того, хотя факты свидетельствовали не в его пользу, Мэффри произвел на меня благоприятное впечатление. Он и не пытался отрицать, что был знаком со Спэрлинг, и признал, что посылал ей открытку с рисунком от руки. Он заявил, что сделал это просто так, для развлечения. И надо сказать, что игривая, пошловатая надпись на открытке: «

В разлуке сердце полнится любовью », — вполне соответствовала этому утверждению. Опять же — раны на теле Спэрлинг были столь ужасны, что их мог нанести только очень сильный человек, а Риз был довольно тщедушный. И к тому же легкомысленный. Только этим можно было объяснить попытку устроить себе алиби с помощью Рокка. Он, видимо, и так нервничал, а тут еще эта дурацкая открытка, фотографии которой были воспроизведены во всех газетах. Словом, он совсем потерял голову и, возможно, счел нужным заручиться чьей-то поддержкой. Шаг, конечно, неумный, но вполне объяснимый, если посмотреть на все его глазами.

Я изложил эти свои соображения начальнику, но он и слушать меня не стал, так был убежден (причем, учтите, вполне искренне), что Мэффри — убийца.

Суон снова откинулся на подушки и, передохнув немного, уже спокойнее продолжал:

— Мысль чиновника течет по раз навсегда установленному руслу — никто не знает этого лучше меня, и следствие, начатое Дейлом, развертывалось в соответствии с общепринятой практикой. Необходимо было найти среди личных вещей Мэффри орудие, которым он мог нанести раны, обнаруженные на теле покойной. Необходимо было отыскать на костюме Мэффри кровавые пятна. Необходимы были свидетели, которые могли бы опознать его как человека, виденного на месте преступления.

И почти сразу же в одном из чемоданов начальник обнаружил искомое. Это была бритва, допотопная немецкая бритва с широким лезвием, слегка заржавевшая от того, что ею долго не пользовались. Без малейшего смущения Мэффри признал, что она у него давно: он получил ее в наследство от отца. У него не раз мелькала мысль продать ее на лом, но мешали сентиментальные соображения. И если бы Мэффри совершил убийство с помощью этой бритвы, неужели бы он стал заботливо и бережно хранить ее для нас? Нет, конечно, нет, убийца прежде всего старается отделаться от орудия преступления. Однако Дейл чуть не прыгал от гордости и восторга, показывая мне бритву.

«Ну, что я вам говорил?! — воскликнул он. — Теперь он в наших руках».

Бритву послали экспертам на предмет обнаружения кровавых пятен, вместе с большим пакетом одежды, принадлежавшей Мэффри. Тем временем начался опрос свидетелей — мистера Прасти, Эдварда Коллинза и Луизы Бэрт, которые в тот вечер видели убийцу, выбежавшего из квартиры. Прасти оказался близоруким, а Коллинз просто добрым малым, которому очень не хотелось выступать в качестве свидетеля. Но вот Бэрт, это уж была особа совсем другого рода. Перед ней на какой-то миг, промелькнул преступник, притом было это в темный, дождливый сентябрьский вечер, да еще на улице, где и фонарей-то почти нет. И тем не менее она заявила, что может во всех подробностях его описать. Я будто сейчас вижу ее круглое взволнованное лицо, когда она давала показания.

«Это был человек лет тридцати пяти, — заявила она. — Высокий, стройный, темноволосый, бритый, очень бледный, с прямым носом. На нем была клетчатая кепка, серый макинтош и коричневые ботинки».

Сначала Дейл обрадовался, что у него есть описание убийцы. Но после ареста Мэфри надо было менять пластинку — Мэфри-то не был ни высокий, ни темноволосый, ни бритый. Он был среднего роста, светлый, с темными усиками. Да и одет он был совсем не так. Однако Бэрт не растерялась. Она заявила, что в первый раз все перепутала, потому что уж очень волновалась. И вот крупный гладковыбритый субъект спокойно уступил место человеку невысокого роста с усиками. Да и Коллинз, который сразу после убийства решительно утверждал, что не сможет опознать преступника, теперь запел в один голос с Бэртом. Светлая клетчатая кепка превратилась в темную мягкую шляпу, макинтош — в пальто. Словом, описание стало совпадать с приметам Мэфри.

Суон снова помолчал: бледные губы его втянулись от усилия, какого ему стоил вздох.

— Теперь надо было, чтоб они опознали арестованного. Начальник сам пошел с ними, и я тоже. В помещении, где находился Мэфри, выстроили еще одиннадцать полисменов в партикулярном платье. Традиционный метод опознания преступника, который считается вроде бы самым справедливым. Так или иначе, но оба свидетеля безоговорочно опознали одного и того же человека. Мэфри был обвинен в убийстве Моны Спэрлинг и отправлен в Уортли.

Больной повернулся на бок и в упор посмотрел на Пола.

— И все же мне не верилось, что это — он... Очень уж гладко все было разыграно, как по нотам, и я считал, что где-то вся эта штука должна дать трещину. Но не учел юриста, выступавшего в качестве прокурора. Вы можете подумать, что это мой начальник — честный работяга Дейл — повинен во всем, что случилось с Мэфри. Нет, нет, решающую роль тут сыграл Спротт — умнейший субъект, придумавший весь этот трюк. Теперь его зовут сэр Мэтью, он добрался почти до самой верхушки и залезет еще выше, но тогда это был никому не известный человек, и уж очень ему хотелось выйти в люди. Как только он раскрыл рот, я понял: он делает все, чтобы Мэфри был повешен.

Итак, суд начался. Обвинение вызвало разных экспертов. Однако доктора Тьюка, который первым осматривал тело, среди них не оказалось. Помимо полицейского хирурга Добсона, был приглашен еще некий профессор по фамилии Дженкинс, который подтвердил, что такой бритвой, какая имелась в распоряжении обвиняемого, вполне можно нанести смертельные раны. Далее, он не ручался, что на бритве или на одежде заключенного имеются кровяные пятна, но на них были обнаружены следы некоего инородного вещества, которое могло быть брызгами женского грудного молока. Затем настала очередь эксперта-каллиграфа, который под присягой заявил, что полуобугленная записка, обнаруженная на квартире убитой, была написана Мэфри «измененным почерком, левой рукой». Коллинз и Бэрт при даче свидетельских показаний превзошли сами себя. Особенно сильное впечатление на присяжных произвела Бэрт, с ее невинным личиком и большими испуганными глазами. Стоя с ангельским видом на возвышении для свидетелей, она под присягой говорила: «Это то самое пальто», «Это тот самый человек», а когда речь зашла о процедуре опознания, она с явной гордостью заявила: «Я первая указала на него!»

Затем настала очередь прокурора. Добрых три часа говорил Спротт — без передышки не заглядывая ни в какие записи. Слова текли потоком, и суд как зачарованный слушал его. Да уж, Спротт не пожалел красок, описывая картину преступления: как преступник, поглаживая бритву в кармане, безжалостно напал на свою беззащитную любовницу, мать своего еще не рожденного ребенка, а потом очертя голову ринулся за границу спасать свою шкуру. Говорю вам: это было мастерски проделано. Присяжные, разинув рот, ловили каждое его слово.

Защитник обвиняемого мог бы и не выступать после такого спектакля. Денег для защиты было очень мало; адвокат был старенький, невыносимо медлительный, с писклявым голосом и к тому же не слишком сведущий. В частности, он, видимо, понятия не имел о том, какие

доказательства можно привести в пользу Мэфри.

Словом, скоро все было кончено. Виновен. Протестующий вопль заключенного полоснул меня, как ножом. Но, ко всеобщему удовольствию, его быстро уволок из зала суда. Пятьсот фунтов награды за поимку преступника были назначены Коллинзу и Бэрт. И, ей-Богу, они заслужили эти деньги.

Тут силы, видимо, окончательно изменили больному, он откинулся на подушки и слабым голосом сказал, что не может продолжать.

— Приходите через денек-другой. Я тогда доскажу.

В крохотном закоулке воцарилось долгое, напряженное молчание. Булия тихонько встал, налил воды в стакан и поднес его к губам Суона. Тот проглотил воду, даже не приподнявшись. А Пол сидел ошеломленный, подперев голову руками, — в груди его бушевала буря. Сколько вопросов готово было сорваться с его языка! Но он понимал, что сейчас не время их задавать — на сегодня свидание было окончено. Суон закрыл глаза, ибо так ослаб, что не способен был даже на самое малое усилие. Марк на цыпочках направился к выходу. Тогда Пол, пошатываясь, встал, обеими руками крепко пожал руку больного и тоже вышел.

Глава XI

Неужели невинного человека могли продержать заживо погребенным в течение пятнадцати лет? Не зная, чему верить, совершенно сбитый с толку, бросаясь из одной крайности в другую, Пол едва осмеливался задавать себе этот страшный вопрос. Суон ведь не привел пока никаких конкретных доказательств, а только изложил свои соображения. Но уже одна мысль, что над его отцом учинена чудовищная несправедливость, доводила Пола чуть не до безумия. Он не должен об этом думать. Во что бы то ни стало надо взять себя в руки. Сейчас ему больше чем когда-либо надо быть спокойным, разумным и решительным.

Первым делом он написал домой, прося прислать белье, а затем приступил к поискам жилья, которое дало бы ему большую свободу действий, чем гостиница «Христианской ассоциации молодых людей». Через некоторое время он отыскал мансарду на пятом этаже дома на Пул-стрит, где по дешевке сдавались меблированные комнаты. Улица эта — довольно грязная, но вполне респектабельная, расположенная в излучине канала Шервуда и застроенная преимущественно второсортными пансионатами, — шла к югу от шумной, запруженной транспортом Уэйр-стрит. Хозяйка, миссис Коппин, худощавая, маленькая женщина с зычным голосом, провела Пола наверх, дала ему мыло и грубое, но чистое полотенце. Сумма, уплаченная вперед за комнату, почти истощила скромные капиталы, с которыми Пол приехал из Белфаста, и, умывшись, он отправился на поиски заработка.

Уортли был шумный, деятельный город — гигантский улей среди плоской сельской местности, но промышленность в нем, как и в соседних городах Ковентри и Нортгемптоне, была очень специализированная: фарфор, ножи, вилки и кожевенные изделия — словом, производство, требующее технических навыков и знаний, которыми Пол не обладал. К тому же он не состоял в профсоюзе, не имел никаких рекомендательных писем, да и учительствовать толком еще не мог. По прошествии двух дней Пол уже с возрастающей тревогой стал просматривать газетные столбцы под рубрикой «Вакантные должности».

Но на утро третьего дня ему здорово повезло. Выйдя из своей мансарды, он направился по шумной Уэйр-стрит к извозничьему трактиру, где, как оказалось, можно было за несколько

пенсов получить завтрак, состоящий из бутерброда с колбасой и кофе, и вдруг в витрине большого магазина под названием «Бонанза-базар» увидел объявление: «Требуется пианист. Обращаться к управляющему г-ну Виктору Херрису».

Поколебавшись с минуту, Пол вошел. Это был один из тех универсальных магазинов, где продается все, начиная от хозяйственных товаров и предметов косметики и кончая нижним бельем и детскими игрушками, и все это горами навалено на прилавках, — словом, местный вариант магазина стандартных цен. Управляющий, мужчина лет тридцати, с завитыми волосами, любезный и деловитый, окинул Пола быстрым взглядом и повел его в тот отдел, где стояло пианино и лежало множество нот. На ходу пестрый галстук выбился из его двубортного, в полоску, пиджака и затрепался на ветру от электрических вентиляторов. Взяв наугад какие-то ноты, он поставил их на пианино и приказал:

— Играйте!

Пол сел и пробежал пальцами по клавишам. Он мог играть с листа даже трудные вещи, а этот популярный вальс был проще простого. Он сыграл его до конца, повторив с кое-какими собственными вариациями, затем взял другие ноты и сыграл еще несколько пьесок. Продавщицы за ближайшими прилавками прислушивались, а господин Херрис одобрительно отбивал такт по прилавку своим перстнем.

— Вы нам подходите. — Управляющий решительно кивнул. — Считайте себя принятым. Три фунта в неделю и холодный завтрак. Только не лодырничать, а не то выкину в два счета. И педалей не жалеть. Пусть люди слушают и покупают.

Он покровительственно улыбнулся Полу, блеснув золотыми зубами, хмуро глянул на продавщиц, недовольный тем, что они отвлеклись от дела, и ушел в другой отдел.

Пол играл весь день. Место это оказалось отнюдь не блестящим. Начал он бодро, но время шло, и мускулы его стали ныть от долгого сидения, а когда плохо проветриваемый магазин наполнялся покупателями и вокруг толпились люди, дыша ему в затылок, толкая под локоть, чуть не садясь на клавиши, то и вовсе стало тяжело. К тому же Пол пребывал в смятении: его терзали мысли об отце, наметки разных планов и проектов, необходимость принять какое-то решение.

Около часа дня Херрис торжественно отправился завтракать, а несколькими минутами позже девушка из кафетерия принесла Полу кофе и тарелочку с сэндвичами. Обрадовавшись передышке, он встал, потянулся и с улыбкой спросил девушку, как ее зовут.

— Лена Андерсен, — коротко ответила она.

Ему хотелось бы перекинуться с ней словечком, но она тотчас ушла в другой конец магазина. В этом не было ничего нелюбезного, но Полу показалось, что держится она как-то неестественно, словно нарочно избегает общения с людьми, и, несмотря на одолевавшие его тревожные мысли, в нем проснулось любопытство. Поэтому когда она возвращалась через магазин в кафетерий, он почти инстинктивно проводил ее взглядом, прежде чем снова приняться за игру.

Ей было не больше двадцати лет, и она походила на скандинавку — высокая, светловолосая, длинноногая. Черты лица у нее правильные, и она была бы очень привлекательна, несмотря даже на узкий белый шрам, пересекавший щеку, если бы какое-то горе не проложило морщинок меж ее бровей. В минуты, когда она оставалась наедине со своими мыслями, на ее лице появлялось грустное, сосредоточенное и в то же время отсутствующее выражение. Несколько раз в течение этого дня взгляд Пола невольно обращался к ней. Он заметил, что форменная одежда ладно сидит на ней и сшита со вкусом. Хотя у нее, видно, были неплохие отношения с другими продавщицами, она не фамильярничала с ними и держалась вежливо,

но холодно со всеми, кроме нескольких постоянных посетителей. Что она за человек? Пол решил испытать девушку и принялся изучать ее любопытным и явно дружелюбным взглядом, но она не ответила на его взгляд — опустила глаза и отвернулась.

Время тянулось бесконечно долго. Пол, закрыв глаза, барабанил по клавишам мелодию, которую успел выучить наизусть. Наконец пробило шесть часов, и он вздохнул с облегчением: рабочий день окончен. Чуть не бегом направился он в больницу и там не без труда добился разрешения пройти к Суону. Больному, видимо, стало хуже: настроение у него было мрачное, подавленное, говорить он был не склонен и, казалось, жалел, что так разоткровенничался в прошлый раз. Но, видя, что Пол терпеливо сидит у его кровати и нисколько его не торопит, Суон смягчился. Он повернул голову и не без жалости взглянул на молодого человека.

— Значит, вы опять пришли? — произнес он наконец.

— Да, — тихо ответил Пол.

— Я хочу предупредить вас... Если вы не отступитесь, вся ваша жизнь пойдет прахом, как пошла прахом моя... Но отступить вы уже не сможете.

— А я и не собираюсь отступать.

— Тогда что же вы намерены делать?

— Мне подумалось, что если бы я отстукал на машинке заявление, а вы бы его подписали, я мог бы обратиться в соответствующие инстанции.

Суон не мог смеяться, но легкая ироническая усмешка все же тронула его бледные губы.

— В инстанции? В полицию то есть? Но им уже все известно, и они ничего не намерены менять. Или к человеку, который выступал тогда в роли обвинителя, — сэру Мэтью Спротту? На основании личного знакомства с этим джентльменом я не советовал бы вам вступать с ним в какие бы то ни было отношения. — Суон умолк, борясь с долгим приступом кашля. — Нет. Один только министр внутренних дел имеет право поставить вопрос об этом в парламенте, но вы не подойдете к нему и на миллю с теми доказательствами, какими сейчас располагаете. Предсмертный бред — ведь они так это назовут — бывшего полисмена, да еще вышедшего из доверия. Разве это может иметь какое-либо значение! Вас просто засмеют.

— Но ведь вы же считаете моего отца невиновным.

— Я знаю, что он невиновен, — грубовато перебил его Суон. — В своей заключительной речи судья назвал убийство Спэрлинг жестоким, гнусным, чудовищным преступлением, заслуживающим высшей меры наказания. А Мэфри ее не получил. Спрашивается, почему? Возможно, потому, что судьи не были так уж уверены в виновности осужденного человека и по доброте сердечной не вздернули его, а приговорили к медленной смерти — пожизненному заключению в Каменной Степи.

Пол сидел молча, глубоко подавленный услышанным, пока больной с мучительным трудом переводил дыхание.

— Нет, — вдруг сказал Суон совсем другим, деловым тоном. — Есть только одна возможность заставить их пересмотреть дело. Вы должны найти настоящего убийцу.

Это было настолько неожиданно, что Пол почувствовал, как по коже у него пробежал мороз. До сих пор он думал лишь о том, чтобы доказать невиновность отца, мысль о настоящем убийце ему и в голову не приходила.

— Рокка? — после долгого молчания осмелился сказать Пол. — Да?

Суон презрительно покачал головой.

— Он тут совершенно ни при чем — у него бы духу не хватило. Ему только хотелось спасти свою шкуру. Кстати, о шкуре. — Губы больного искривила гримаса. — Я вспомнил про кошелек, который был найден возле трупа. Хотите верьте, хотите нет, но этот неизвестно кому принадлежащий кошелек был сделан из самой тонкой на свете кожи — человеческой, только покрашенной.

С минуту в комнате царила полная тишина.

— Так что видите, — заключил Суон все с той же едкой иронией, — вам надо только найти субъекта, достаточно извращенного, чтобы иметь подобную штуку, увязать его облик и поведение с фактами, которые сейчас приписываются другим, и перед вами — убийца. — Снова ироническая гримаса пробежала по его лицу. — Через пятнадцать лет... Это будет не очень трудно.

— Не говорите так! — вырвалось у Пола. — Ради Бога, не говорите... Мне нужна ваша помощь... Любая, какую вы только сможете мне оказать.

На лице Суона появилось новое выражение, и он чуть ли не с отчаянием взглянул на Пола.

— Ну что ж, раз вы решили не отступать... Я расскажу вам подробнее о двух главных свидетелях, которые опознали не того человека — об Эдварде Коллинзе и Луизе Бэрт.

Когда Бэрт с Коллинзом пришли в полицейское управление за наградой, я был дежурным. Я уже говорил вам, что у меня были серьезные сомнения насчет этой пары — и не столько в отношении Коллинза, который казался мне слабохарактерным, но в общем добропорядочным парнем, сколько в отношении Луизы Бэрт: мне казалось, что для семнадцатилетней девушки она... Ну, словом, что это особа, за которой надо понаблюдать. Я провел их в другое помещение и велел подождать, а сам сел работать в соседней комнате и благодаря одному акустическому устройству, имевшемуся там, слышал все, о чем они говорили. И все записал. Сначала они молчали. Потом Коллинз спросил таким испуганным голосом: «А деньги-то мы получим?» — «Не волнуйся, Эд, как пить дать получим, — холодно ответила ему Бэрт и добавила: — Мы бы и больше могли получить». — «Как так?» — спрашивает он. Она рассмеялась: «Ты бы немало удивился, скажи я тебе, что я знаю». Коллинза это встревожило. Он опять некоторое время молчал, потом, точно попугай, который без конца твердит одно и то же, спросил: «А Мэфри в самом деле тот человек, Луиза?» — «Да замолчи ты, слышишь! — прикрикнула она на него. — Сейчас уже поздно давать задний ход. Мы же ничего дурного не сделали. Против Мэфри столько улик, что с ним все равно бы расправились. И потом его ведь не повесили. Неужто ты не понимаешь, дурень, что нельзя идти против полиции? Да к тому же мы на этом столько можем выиграть, сколько тебе и во сне не снилось. У меня кое-что оставлено про запас, — мечтательным голосом продолжала она. — Я так полагаю, Эд, что скоро буду жить как настоящая леди, может, даже как королева, и мне будут слуги прислуживать, и посуду будут мыть, и помои выносить, представься мне только случай — я на весь мир поклеп возведу и уж больше чужие рубашки гладить не стану».

Суон помолчал, переводя дух. Затем снова заговорил, глядя в лицо Полу:

— На этом их беседа и окончилась. Но я слышал достаточно: мои худшие подозрения подтвердились. Бэрт сама все выболтала. Она видела убийцу и описала его. Но поскольку описание не совпадало с внешностью Мэфри, она быстро перестроилась. Ведь в управлении ей предстояло пройти дознание и выдержать перекрестный допрос, так почему же не принять этот план, раз все и так указывает на то, что Мэфри виновен. Потом ей не хотелось портить

отношения с властями и вообще приятно выступить в роли такой примадонны. Да еще получить награду. Она и сбила с толку Коллинза. Может, она и в самом деле убедила себя, что видела Мэфри... С такими это случается. А позже, когда все кончилось: исчезли заголовки в газетах, реклама, похвалы — весь этот кошачий концерт — и у нее было время подумать, она удивилась, что какие-то факты не всплыли на суде, и начала сомневаться, видела она Мэфри или кого-то, кого встречала в Элдоне на пути в прачечную и из прачечной. И вдруг догадалась... кто мог быть этот человек... Она поняла, что перед нею — неповторимый случай... золотая возможность.

Мне следовало бы пойти к начальнику, но я не пошел... Слишком я надоедал ему на первых порах, так что он, может, не стал бы и слушать; и потом всего за неделю до этого он выговаривал мне за медлительность, и нельзя сказать, чтобы у нас были наилучшие отношения. Итак, некоторое время я таил про себя все, что узнал, а потом отправился за советом к адвокату по имени Уолтер Джилетт. Я любил его и доверял ему, и, кажется, он тоже любил меня. И что бы вы думали, он мне сказал? Не вмешивайся в это дело! Он знал, что в полиции я не на очень-то хорошем счету. И может, потому, что знал о моем пристрастии к рюмке, не слишком поверил в достоверность того, что я ему сообщил. Он сказал: «Джимми, Бога ради, не тревожь ты осиногое гнездо». Ну и что же я сделал? В голове у меня был такой сумбур и такое смятение, что я напился до бесчувствия, пришел на дежурство пьяный в стельку и... словом... остальное вам известно. А когда я вышел из-под ареста, мне уже на все было наплевать...

Суон говорил все глуше и глуше. А после длительного приступа кашля и вовсе умолк. Жестом он дал понять, что больше ему сказать нечего.

Пол сидел весь напрягшись, не шевелясь. Наконец он спросил:

— А они живут по-прежнему здесь — Бэрт и Коллинз?

— Коллинза вам не найти: он женился несколько лет назад и эмигрировал в Новую Зеландию. А вот Бэрт все еще здесь... Да, Бэрт... маленькая Луиза Бэрт — Бог мой, ну и особа! У нее ключ к разгадке. — Суон помолчал. — Но всего лишь один шанс из миллиона, что вам удастся что-то выпытать у нее.

— Где мне ее искать? — вырвалось у Пола.

— Она работает в одной очень уважаемой семье... Вот вам еще одно доказательство ее способности околпачивать порядочных людей.

Суон достал из-под подушки листок бумаги, на котором было что-то написано, и молча протянул его Полу.

— Вот! — сказал он глухо. — Хотя это едва ли принесет вам большую пользу. А теперь оставьте меня в покое. Я достаточно сделал для вас и большего сделать не могу. Мне плохо, и я хочу спать.

Он повернулся на бок и натянул одеяло до подбородка, явно давая понять, что беседа окончена.

Пол поднялся.

— Благодарю вас, — взволнованно и просто проговорил он. — Я скоро опять к вам приду.

И, бросив последний взгляд на иссохшее, неподвижное тело, повернулся и вышел из палаты. Спускаясь по лестнице, он чувствовал, как сердце у него забилося новой надеждой. От Суона он узнал больше, чем ожидал. И тем не менее Пол не мог отделаться от ощущения, что

больной утаил что-то, чего не хотел или боялся открыть. Обо всем этом Пол решил дознаться в следующий свой приход.

Глава XII

На другой день, после работы, Пол встретился с Марком у «Бонанзы» — они договорились об этой встрече заранее по телефону. Булия, казалось, был рад видеть Пола и, когда они обменялись рукопожатием, нетерпеливо воскликнул:

— Значит, сегодня приступаем к делу?!

— Да, — сказал Пол. — Как насчет того, чтобы сначала поесть?

— Нет, благодарю. Я уже перекусил. Итак, что слышно?

— Все в порядке.

— После нашего телефонного разговора я с трудом дождался вечера, — взволнованно заговорил Марк, когда они двинулись по запруженному народом тротуару. — Расскажите мне про Бэрт.

Пол молчал. Веселый нрав Булия, то, как он относился к делу, видимо, считая это забавным и увлекательным приключением, побудили Пола призадуматься: а стоило ли брать его с собой? Однако весьма ощутимая помощь, которую тот великодушно оказал ему, в какой-то мере обязывала Пола. А потому он после небольшой паузы сказал:

— Бэрт живет в прислугах. Насколько я понимаю, жизнь у нее сложилась не слишком удачно. Сегодня вечером она свободна. Я примерно представляю себе, как она выглядит и где ее искать.

— А вы неплохо потрудились! — воскликнул Марк и добавил: — В каком состоянии вы оставили Суона?

Пол сокрушенно покачал головой и искоса взглянул на Булия. Тот сразу изменил тон.

— Ему хуже? — шепотом осведомился он.

— Я ездил в больницу в обеденный перерыв. Суон настолько плох, что мне даже не разрешили пройти к нему.

Оба умолкли. Путь их лежал через парк; они миновали раковину для оркестра, на зиму забитую досками и призрачно белевшую в сумерках, обогнули декоративный пруд и достигли высоких холмов, громоздившихся на севере, над Городской художественной галереей и Национальным историческим музеем. Перед ними вздымался холм Бримлок — одна из лучших частей города, где на значительном расстоянии друг от друга среди спускавшихся уступами садов стояли красивые особняки с подъездными аллеями из высоких каштанов. К этому прекрасному району примыкал, однако, нелепый пережиток прошлого — настоящий лабиринт узких улочек и тупичков, мощенных булыжником, пустыри, крохотные лавчонки и кабачок «Королевский дуб».

— Вот то, что нам надо, — сказал Пол, когда они подошли достаточно близко и уже можно было прочитать название на вывеске. — Мне нечего предупреждать вас, что надо быть осторожным. Если не знаете, что сказать, лучше молчите.

Они перешли через дорогу, на противоположной стороне которой светились окна с частыми переплетами, и, толкнув качающиеся створки двери, вошли в кабачок.

Зал был старый, запущенный, хоть и обставленный без претензий: мягкая мебель, обитая выцветшим плюшем, на столиках — лампы под расползающимися абажурами, на стенах — репродукции картин, изображающих скаковых лошадей, позади полукруглого бара — треснутое зеркало в золоченой раме. Кабачок только еще начал заполняться вечерними посетителями — в основном местными торговцами и несколькими запоздавшими ремесленниками. Пол провел своего спутника к одному из некрашенных дубовых столов и, заказав две кружки эля, осторожно оглядел помещение.

— Еще не пришла. — Он повернулся к Марку. — Может, нам сегодня и не будет удачи.

Не успел он это сказать, как дверные створки качнулись. В кабачок вошла женщина и с видом завсегдатая быстро направилась к угловой кабинке. По какому-то странному стеснению в груди Пол понял, что это Луиза Бэрт. Судя по довольно массивным бедрам и полной груди, подчеркнутых костюмом из дешевенькой шотландки, ей было лет за тридцать. В руках, обтянутых желтыми перчатками, Луиза держала сумочку. И выглядела она до того вульгарно, настолько явно было, что это горничная, принарядившаяся для свободного вечера, что Пол, хотя сердце у него и колотилось, лишился дара речи.

Она уселась, заказала порцию джина и, оглядев себя в вынутое из сумки зеркальце, обвела глазами зал. Пол, поймав ее взгляд, слегка улыбнулся. Она тотчас отвернулась с видом оскорбленной добродетели, но минуты через две, правда, с обиженной миной, снова глянула в их сторону. Тогда Пол встал и направился к ее кабинке. Такой образ действий был абсолютно чужд его натуре, но, словно вдруг созрев, он проделал все это спокойно и уверенно.

— Добрый вечер, — самым непринужденным тоном сказал он.

Молчание.

— Это вы ко мне обращаетесь?

— Да. Не разрешите ли присоединиться к вам, если вы — одна?

— Я, собственно, не одна. Я жду знакомого.

— Ах вот как!

— Он может, конечно, и задержаться: много работает. Уж очень важная шишка.

— В таком случае он наверняка задержится и будет внакладе, а мы — в барыше. Угостить вас чем-нибудь?

— Ах что вы! Я непьющая. Разве что вы очень будете настаивать.

Пол сделал знак Марку, и тот подошел к кабине, неся свою кружку и кружку Пола.

— Разрешите представить вам моего приятеля?

— Очень приятно познакомиться. Я не захватила с собой визитных карточек, но зовут меня Луиза Бэрт.

Когда молодые люди сели, она слегка отодвинулась, кокетливо, «как и подобает настоящей леди», оправляя юбку, затем, оттопырив мизинец, осушила свой стакан.

— Теперь заказывать буду я, мисс Бэрт, — сказал Марк. — Что вы хотите пить?

— Ах что вы! У меня и в мыслях этого не было. Разве что джину.

— Вот разорительница, — любезно улыбнулся Марк.

Она не ответила на его улыбку. Ее светло-голубые, как у куклы, глаза перебежали с одного собеседника на другого — недоуменно и оценивающе. Лицо у нее было бледное, с нездоровой, пористой кожей; она усиленно его пудрила — особенно нос, короткий и вздернутый. На щеках, по-детски пухлых, виднелись ямочки, отчего казалось, что с ее тонких, вечно влажных губ не сходит ироническая, настороженная усмешка, так не вязавшаяся с общим выражением лица, начисто лишенным юмора. Лба у нее, можно сказать, не было.

— За ваше благополучие! — предложил Пол, когда ей принесли джин. И поднял кружку с пивом.

— По-моему, — заметил Марк, — ничего нет приятнее, как провести вечер в хорошей компании. Среди друзей. На душе так весело становится. Даже чувствуешь себя лучше. И как-никак — разнообразие.

— Мне сегодня надо быть дома к девяти. — Бэрт с достоинством выпрямилась и оправила платье: знай, мол, наших. — Да и не могу я идти невесть куда. А сегодня тем более.

— Ну хорошо, — поспешно согласился Пол. — Отложим это на другой раз. Тогда мы будем лучше знакомы.

Она посмотрела на одного, потом на другого, осмысливая слова Пола.

— Да, скажу я вам, оба вы — джентльмены что надо. Есть ведь грубияны, которые сразу начинают лезть, без всяких околичностей. — Она снова посмотрела на Пола, на этот раз не без интереса. — А вы раньше никогда со мной не встречались?

— Нет, — сказал Пол. — К сожалению, нет.

— Это удовольствие у него еще впереди, — любезно улыбнулся Марк.

Держась все время настороже, Пол умело вел разговор: он играл на тщеславии Бэрт, терпеливо выслушивал ее разглагольствования, ахал по поводу того, что она является «домоправительницей» в большой резиденции на холме Бримлок. После нескольких порций джина она стала держаться менее настороженно, зато еще более жеманно, а потом вдруг принялась жалеть себя, и ее стеклянные глаза наполнились слезами.

— Так приятно встретить двух настоящих джентльменов. Не то, что некоторые — могла бы их назвать, да не стану. Я ведь тоже настоящая леди, хоть, наверно, и не должна бы это говорить. Воспитывали меня, понимаете ли, в большой строгости — я ведь училась у монашек во французском монастыре. И до чего же хорошо там было — тишина, покой, а уж какие душеньки эти монашки и до чего же они обожали меня! Как только не называли — и Луизанька, и Луизочка. Можете не сомневаться — только так, особенно мать-настоятельница. Ей все было мало: она и завтрак мне в постель подавала, мои сорочки ручными кружевами обшила. А все, конечно, потому, что сама-то я наполовину француженка, да и потом они ведь знали, кем я была бы, если б не отняли мои права, а может, и догадывались, какая тяжкая предстоит мне жизнь. — Она умолкла и пристально поглядела на своих собеседников влажными от слез глазами. — Удивляетесь? А?

Пол сокрушенно покачал головой, а сам в это время подумал: «Великий Боже, ну и лгунья!»

— Если б вы только знали! — Бэрт вцепилась Полу в плечо. — Чего я только не натерпелась!

Отец мой служил в армии, не в Армии Спасения, а в настоящей — он был полковник. И бил мою мать, скотина, смертным боем, бил особенно по субботам, когда приходил домой наливавшись. Я хотела удрать из дому. Всю жизнь мечтала о сцене: чтоб люди смотрели на меня и восхищались. Ах, если б подвернулся случай!..

— А вам он так и не подвернулся? — сочувственно спросил Марк.

Она покачала головой, но глаза ее под припухшими веками неожиданно блеснули.

— Было одно дело. И я поступила по справедливости, заметьте. Я сказала только правду, чистую правду и ничего, кроме правды, да поможет мне Бог. А что я за это получила? Какие-то жалкие гроши, которые разошлись у меня за полгода.

— Так оно всегда бывает, — с наигранной горечью согласился Пол. — Делаешь человеку добро, а благодарности — никакой.

— Да не нужна мне ничья благодарность! — вспыхнула она. — Я хотела только, чтоб меня за человека признали... чтоб у меня было свое место в жизни. Я ведь не собиралась до конца своих дней быть в при... то есть я хочу сказать: в домоправительницах.

У Пола хватило ума молча выслушать это, но Марк, не выдержав, пригнулся к Бэрт.

— Почему вы не расскажете нам, что с вами случилось? — в упор спросил он. — А вдруг мы могли бы вам помочь.

Неожиданно воцарилось молчание. Пол закусил губу и опустил глаза. Бэрт посмотрела на Булия и словно бы сразу протрезвела. Румянец досады, проступивший на ее пухлых щеках, исчез. Она взглянула на стенные часы, допила свой джин и встала.

— Видите, сколько времени? Мне пора.

Скрывая огорчение, Пол подал Бэрт сумочку и перчатки, расплатился и вышел вслед за ней из кабачка.

— Какой чудесный вечер! — Он посмотрел на звезды. — Можно вас проводить?

Она поколебалась, затем нехотя дала согласие:

— Ну что ж... Но только до калитки — не дальше.

Они свернули с мощеной улицы и пошли по пустынной пригородной дороге. Луиза осторожно вышагивала на высоких каблуках между Полом и Марком. Пол из кожи лез вон, стараясь ей понравиться. Но вот они добрались до широкой аллеи, обсаженной двойным рядом высоких лип, за которыми среди садов стояли виллы с красными черепичными крышами. У последнего дома Бэрт остановилась.

— Ну, — сказала она, — вот мы и пришли.

— Какой красивый особняк, — заметил Пол.

— Да, — согласилась польщенная Бэрт. — Я живу у Освальдов... Очень благородные люди.

— Ну, естественно. — И Пол тут же вкрадчиво спросил: — Мы могли бы встретиться в следующую среду?

Бэрт помедлила, но лишь какой-то миг.

— Ладно, — согласилась она. — В это же время, в «Королевском дубе».

— Прекрасно.

Пол снял шляпу и с преувеличенной любезностью пожал своей даме руку. В эту минуту дверь виллы отворилась, из дома вышел пожилой джентльмен, без шляпы, с сигарой во рту. В руке он нес несколько писем. Он неторопливо подошел к калитке и открыл ее, видимо, направляясь к почтовому ящику, висевшему в конце дороги. В темноте трудно было разглядеть его, но Пол все же заметил, что у него совсем седые волосы и задумчивое, доброе лицо. Проходя мимо маленькой группы, он увидел Бэрт и мягко промолвил:

— Добрый вечер, Луиза.

— Добрый вечер, сэр, — с угодливой почтительностью отозвалась та: очень смешно было слышать, как она сразу переменяла тон.

Лишь только седой джентльмен исчез в темноте, оставив позади себя приятный аромат сигарного дыма, Бэрт, явно растерявшаяся, поспешила распрощаться со своими провожатыми. Войдя в сад, она свернула влево — на дорожку для прислуги — и скрылась за лавровыми кустами. Пол и Булия повернулись и пошли обратно. Издали до них долетел звук захлопнувшейся двери.

Добрых пять минут они молча шли по аллее, затем Булия покаянным тоном сказал:

— Простите меня, Мэфри. Она только было разговорилась... а я снова заставил ее спрятаться в свою скорлупу.

Пол крепко стиснул губы, чтобы не сказать резкости.

Глава XIII

Было уже около одиннадцати, когда Пол поднялся к себе в мансарду. Спать он не мог. Шагая по крошечному пространству между шатким умывальником и низенькой раскладной кроватью, Пол почти не слышал звуков, неизменно долетавших к нему по вечерам сквозь тонкие стенки: радио, игравшее внизу у индийского студента-медика; унылое посвистывание Джеймса Крокета, бухгалтерского клерка, жившего рядом и под эту мелодию обычно чистившего ботинки; скрип ступенек под ногами старого мистера Гарвина, бывшего аукционщика, спускавшегося вниз, чтобы наполнить кувшин водой. Сейчас Пол снова переживал волнующие события минувшего вечера.

Наконец он разделся и лег в постель. Но спал плохо, так как мозг его по-прежнему лихорадочно работал, а нервы были напряжены. Он обрадовался, когда небо засерело над трубами и первые проблески дневного света проникли в комнату сквозь грязное окно.

Весь этот день, работая в магазине, Пол был взвинчен и озабочен. Когда Лена Андерсен принесла ему из кафетерия завтрак, он съел сэндвичи без обычного аппетита. По-видимому, она это заметила.

— Вы не любите ветчину? — серьезно и тихо спросила она.

Оторвавшись от своих мыслей, Пол поднял на нее глаза и заставил себя улыбнуться.

— Нет, люблю. Просто мне сегодня не хочется есть. — И добавил: — Вы чрезвычайно добры ко мне. Я помню, Херрис говорил, что мне будут давать здесь перекусить. Но вы приносите мне целый завтрак.

— Какой же это завтрак! Сандвичи — это не еда. Но, я надеюсь, вы обедаете вечером?

Он утвердительно кивнул. Несмотря на мрачное настроение, в каком пребывал Пол, ему приятно было то, что она стоит и разговаривает с ним. Не просто болтает, а словно бы с трудом, против воли, выдавливая из себя слова. Быть может, его молчаливые взгляды — а он так часто глядел на нее, что между ними уже как бы протянулась ниточка интимности, — побудили ее нарушить молчание. Казалось, каждый чувствовал, как одинок другой, и, очевидно, потому она и заговорила об этом.

— Вы, видно, живете один?

— Да, — признался он. — А вы?

— О нет. Я в этом отношении очень счастливая. — Тень гордости промелькнула по ее лицу.
— У меня премилая квартирка — две комнаты в доме одних знакомых на Уэйр-террейс.

— Ну, это уже не квартирка, а целый дворец.

Лена кивнула, глядя куда-то в сторону. Жажда жизни и легкая грусть оттого, что жизнь не задалась, отразились в ее темно-карих глазах.

— Ничего, с расходами я справляюсь. Много работаю. Вечерами часто прислуживаю на банкетах. За это хорошо платят.

— А вы когда-нибудь ходите на танцы или в кино, как другие? — не без любопытства спросил он.

— Нет. — Лена передернула плечами. — Меня это не интересует.

Она постояла еще немного, рассеянно устремив взгляд куда-то вдаль, затем взяла пустую чашку Пола и с легкой улыбкой пошла назад в кафетерий.

Этот разговор не прошел незамеченным для некоторых востроглазых продавщиц, поскольку работы сейчас было не так уж много, и, когда Лена вернулась к своей стойке, одна из девушек, по имени Нэнси Уилсон, подтолкнула локтем соседку. Это была бойкая, обожавшая наряды девчонка, из тех, что околачиваются на Уэйр-стрит. На ней и сейчас был красный лакированный пояс, ажурные чулки и ботинки на пуговках с суконным верхом.

— Видала? — И она кивнула в сторону Лены. — Мисс Андерсен сегодня добрый час брала урок музыки.

— До-ре-ми! — пропела ее соседка.

— Эй, Лена, — с улыбкой окликнула ее другая девушка. — Ты что, договаривалась, чтоб тебе пианино настроили?

Все захихикали, но Нэнси Уилсон решила оставить за собой пальму первенства.

— Будь осторожна, Лена! — нежным голоском прожурчала она. — Обжегшись на молоке, подуй на воду.

Воцарилось неловкое молчание. Девушки сразу занялись своим делом, некоторые бросили на Нэнси сердитый взгляд. Лена, сделав вид, будто ничего не слышала, взяла приходо-расходную книгу и стала вносить в нее цифры. Обычно она добродушно отшучивалась. Но на этот раз ничего не сказала.

Пола на минуту заинтересовало, о чем они там говорят, но вскоре он об этом забыл. Он жил в

состоянии напряженного ожидания, и ничто не могло надолго заинтересовать его: все мысли были заняты предстоящей встречей с Бэрт, и он с нетерпением считал оставшиеся дни.

Наконец наступила среда, и нервы Пола напряглись еще больше: его ждал нелегкий вечер. Он с трудом дотянул до конца дня. Они условились с Марком встретиться у «Бонанзы» в семь часов, и, как только магазин закрылся, Пол одним из первых покинул его. Поскольку Булия еще не было, он занял место под электрической рекламой на противоположном тротуаре и стал ждать, нетерпеливо поглядывая то в одну, то в другую сторону. Но вот, выныривая из-под спущенных наполовину железных ставен, начали появляться и другие продавщицы — они шли поодиночке или парами, болтая, взявшись под руку. Под конец появилась и Лена — в макинтоше и маленькой, далеко не новой, коричневой фетровой шляпке, под которую она старательно запрятала свои светлые волосы. Несмотря на скромную одежду, в ее грациозной, статной фигуре с высокой грудью, в том, как она шла, засунув руки в карманы макинтоша, было что-то привлекавшее внимание и радовавшее глаз. Провожая ее взглядом, Пол вдруг увидел, как Лена замахала рукой низенькой дородной пожилой женщине с несколькими пакетами в руках, показавшейся в толпе. Женщина нежно поцеловала Лену, и они вместе пошли в направлении Уэйр-стрит.

У Пола потеплело на душе от этого зрелища, но тут он взглянул на часы и, к своему удивлению, обнаружил, что уже двадцать минут восьмого. Какого черта так задерживается Марк? Пол еще раз с возрастающим нетерпением посмотрел вверх и вниз по людной улице, надеясь увидеть приближающуюся фигуру Булия. Уже было половина восьмого, а тот все не появлялся. По мере того как шли минуты, нетерпение Пола стало сменяться тревогой. Наконец он не выдержал и, озабоченно хмурясь, зашагал к библиотеке. Через десять минут он уже был там и увидел, что Марк все еще работает. Подбежав к его столу, Пол воскликнул:

— В чем дело? Вы что, не идете со мной?!

Булия как-то съежился, помедлил, затем, встревоженно оглянувшись, тихо проговорил:

— Я дежурю. И не могу уйти.

Пол, ничего не понимая, уставился на молодого человека: его тон, манеры, даже облик стали другими. От бойкости и обычной беззаботности не осталось и следа — он казался пришибленным, даже запуганным; глава со страхом и беспокойством обегали читальный зал.

— Вы могли бы все-таки сообщить мне об этом, — сказал Пол с вполне понятной досадой.

— Не так громко, — буркнул Булия. Он придвинулся ближе к Полу и приглушенным голосом быстро заговорил: — Вы извините, что я бросаю вас, Мэфри, но дело в том, что... я вынужден выйти из игры. Я ввязался в эту историю, не подумав, интереса ради, а, оказывается, это вовсе не шутка.

— Что же произошло?

— Я не могу вам сказать. Но... — Марк еще больше понизил голос. — Послушайте моего совета и плюньте тоже. Больше ничего не скажу. Но говорю совершенно серьезно: я в жизни еще не был так серьезен.

Наступило напряженное молчание.

— Но мы хоть еще увидимся? — спросил Пол.

Марк посмотрел в сторону и покачал головой.

— Меня переводят отсюда... в Ретвуд, в публичную библиотеку. Я переезжаю в конце недели.

Снова наступило молчание — натянутое и долгое. Пол, видимо, понял и тихо свистнул. По правде говоря, он не возлагал особых надежд на помощь Марка. И все-таки даже этой помощи теперь лишился. Снова остался один... и один должен будет встретить то, что ждет его в будущем. Больше того: сейчас, по тому, как переменялся молодой библиотекарь, как он вдруг сложил оружие, Пол впервые почувствовал, с какими непредвиденными силами придется ему иметь дело.

Множество вопросов вертелось у него на языке. Но он чувствовал, что Булия ждет не дождется, когда он уйдет, а потому протянул руку и сказал просто:

— Извините, что я вовлек вас в такую историю. Спасибо за все, что вы для меня сделали. Желаю вам счастья. И надеюсь, что мы еще встретимся.

Он круто повернулся и, выйдя из библиотеки, направился к ближайшей телефонной будке. Быть может, еще не поздно. Он нетерпеливо перелистал обтрепанную, с загнутыми страницами книгу, висевшую на медной цепочке, нашел наконец нужный номер и опустил две монеты в автомат. После, казалось бы, бесконечного ожидания его соединили.

— Это «Королевский дуб»?

— Да, «Королевский дуб». Джек у телефона.

Полу показалось, что он узнал голос официанта, прислуживавшего ему неделю назад.

— Это говорит один знакомый мисс Бэрт. Я должен был встретиться с ней у вас в семь. Не будете ли вы так любезны передать ей кое-что? Скажите, пожалуйста, что я задержался, но сейчас еду.

— К сожалению, — донесся до Пола голос официанта, — мисс Бэрт здесь нет.

— Она что, не приходила сегодня?

— Нет, приходила и просидела этак с полчаса. Но ушла около восьми.

Пол опустил трубку на рычаг, подумал немного, затем вышел из будки. Через три минуты он был уже на площади и сел в трамвай, идущий на холм Бримлок. Часы Пола показывали половину девятого, когда он добрался до последнего дома на аллее.

Фасад тонул в темноте, но в одном из боковых окон наверху виднелся свет. Пол открыл калитку и вошел в сад, затем, собравшись с духом, обогнул дом по дорожке для слуг и постучал у задней двери. Внутри тотчас залаяла собака, и через некоторое время дверь отворилась. На пороге стояла худая женщина лет пятидесяти в черном платье экономки и спокойно смотрела на Пола.

— Простите, пожалуйста, могу я видеть мисс Луизу Бэрт?

Женщина оглядела Пола с головы до пят.

— Она у себя в комнате — у нее голова болит.

— А не могла бы она спуститься на минутку? — не отступался Пол. — Я ее знакомый.

— К сожалению, нет. — Экономка отрицательно покачала головой. — Мы не разрешаем друзьям нашей прислуги приходиться сюда. Таково правило этого дома.

И, пробормотав извинение, она закрыла дверь. Пол был обескуражен, но решил не сдаваться. Он во что бы то ни стало должен увидеть Бэрт.

Вечер стоял сухой и ясный, в темноте мягко мерцали звезды. Небо очистилось, и легкая корочка морозца, покрывшая опавшую листву, слегка похрустывала под ногами Пола, когда он шел назад к фасаду дома. Там теперь светилось большое окно; занавеси — очевидно, из-за красоты вечера — не были задернуты, и Пол увидел хозяина — мужчину, который шел тогда к почтовому ящику, и пожилую даму с приятным, добрым лицом — видимо, его жену. В нарядно обставленной гостиной сидела еще одна пара — должно быть, гости. Все четверо были в вечерних туалетах.

Укрывшись за лавровыми кустами, Пол наблюдал изящный и красивый спектакль, действующие лица которого были так далеки от мучительных страстей, бушевавших в его груди. Вот в комнату внесли столик для бриджа. Судя по тому, как эти люди неторопливо, со смехом и разговорами принялись за игру, ясно было, что кончат они не скоро, и Пол приготовился к длительному ожиданию, в надежде, что потом удастся все же увидеть Луизу.

Внезапно в темноте он услышал за спиной тяжелые шаги. И, быстро обернувшись, увидел полисмена.

Глава XIV

— Вы что здесь делаете?

При этих словах Пола словно обдало ледяной водой, на секунду у него перехватило дыхание. Но он быстро взял себя в руки.

— Хотел повидать кое-кого из обитателей этого дома.

— Как же это вы собирались их повидать? Скрываясь среди кустов в темноте?

— Я вовсе не скрывался.

— Нет, скрывались. Я слежу за вами с тех пор, как вы сюда пришли. И скрывались вы намеренно.

— Ничего подобного, — возразил Пол. — Я могу вам все объяснить, если только вы меня выслушаете.

— Объясните сержанту в участке, — перебил его полисмен. — Пошли — и без сопротивления.

Сжав зубы, Пол посмотрел на стоявшего перед ним человека в форме. Худшей беды трудно было ожидать. Но ему оставалось только подчиниться. И он молча пошел рядом с полисменом.

Они долго шли к центру города по освещенным, заполненным народом улицам. А это уже само по себе кое о чем говорило: Пол понял, что его ведут не в ближайший полицейский участок. Наконец они вошли в подворотню, освещенную высоко подвешенной синей лампочкой, а затем — в приемную полицейского управления города Уортли.

Комната была маленькая, ярко освещенная и совсем голая, с окном, забранном решеткой, двумя дверями — в одной из них было квадратное оконце, тоже зарешеченное, — и двумя скамьями вдоль стен. У высокого пюпитра, расстегнув воротник мундира, стоял могучий краснолицый сержант по фамилии Джапп — это было указано на табличке — и старательно записывал что-то, точно школьник, готовящий урок. Он был дороден, как владелец сельской

гостиницы. Крупная голова его находилась в кружке света, падавшего от затененной зеленым абажуром лампы, и редкие, тщательно напомаженные и аккуратно разделенные пробором волосы не могли скрыть поблескивающей лысины.

Он заставил Пола простоять перед ним добрых пять минут, пока старательно не вывел все крючки и закорючки, затем поднял на него глаза, перевернул страницу и спросил:

— Ну, что там еще?

Следуя обычному порядку, Джапп почти механически записал то, что сказал ему полисмен, время от времени он лишь покручивал свой навощенный ус и искоса, как-то странно поглядывал на Пола. Наконец он указал тупым пером на скамью.

— Думаю, что начальник захочет поговорить с вами. Посидите здесь, я вас позову.

Пол не стал возражать. Теперь он был уже убежден, что его забрали и привели сюда не случайно. Он просидел на скамье, должно быть, около часа. За это время привели двух моряков — оба были пьяны и, казалось, успели вывалиться во всех сточных канавах города, — а также ярко-рыжее крашеное существо с застывшим лицом и сломанным пером на шляпе — уличную девицу, обвинявшуюся в том, что она приставала к прохожим. Всех троих увели через левую дверь с зарешеченным оконцем. Когда она открылась, в комнату проник приглушенный, но не уничтоженный дезинфекцией кислый запах невымытых человеческих тел.

Наконец сержант Джапп подал знак Полу. Тот поднялся и пошел за сержантом по коридору направо. Через обитую зеленым войлоком дверь они вошли в уютный кабинет, где стояли кожаные кресла, большой письменный стол красного дерева и высокая горка с серебряными кубками и прочими трофеями. На стенах в рамках висели многочисленные фотографии полицейских футбольных и атлетических команд, а также любопытная витрина со старинными полицейскими дубинками. На полу лежал толстый красный ковер.

Но Полу не стало легче при виде этой веселой комнаты — все его внимание было приковано к человеку, сидевшему за столом. Он знал его по фотографиям и сразу понял, что находится перед начальником полиции города Уортли — Адамом Дейлом.

— Присаживайтесь, мой мальчик. Вот сюда. Вам тут будет удобно.

Тихий голос с неожиданно теплыми, дружелюбными интонациями застал Пола врасплох, и он покорно опустился в кресло у стола. Взгляд его не отрывался от Дейла.

Начальнику полиции было сейчас лет пятьдесят пять, и он находился, пожалуй, в самом расцвете сил. Это был богатырь с массивной шеей, отличавшийся такими бицепсами, что руки у него казались толще, чем ляжки у обычных людей. При этом ни грамма жира — одни кости и мускулы. Лицо его, словно высеченное из гранита, прямым носом и резко очерченными скулами, пугало своей силой. Лоб говорил о наличии здравого смысла и, пожалуй, даже интеллекта, но подбородок, указывавший на железную волю и как бы вытесанный из камня, бросал вызов всему свету. Глаза были серые и холодные, точно лед.

— Я уже несколько дней хочу вас видеть, друг мой, — заговорил Дейл все тем же спокойным, уважительным тоном, — и данный случай показался мне вполне подходящим.

Пол призвал на помощь все свое мужество.

— Но я же ничего не сделал.

— Уверен, что нет. Но мы поговорим об этом позже. Сначала я хочу, чтоб вы знали, что мне известно, кто вы и чем занимаетесь. Вам Уортли, возможно, кажется большим городом. А для нас — это деревушка. Мы знаем обо всем, что здесь происходит. Так или иначе все ведь

становится известно. Это до какой-то степени входит в наши обязанности. Поэтому не успели вы приехать, как ко мне уже поступили сведения о вас. — Он отыскал телеграфный бланк в лаковой коробке, стоявшей слева от него на столе. — Ваши добрые друзья из Белфаста прислали нам телеграмму с просьбой выследить вас и уберечь от беды. Я знаю, где вы остановились, где работаете и что вообще делаете.

Начальник полиции взял эбонитовую линейку и задумчиво повертел в своих ручищах, которые в молодости, когда он выступал на ринге от Кумберленда, уложили на мат не одного противника.

— Теперь вот что, мой дорогой друг... Я примерно понимаю, какие чувства вы должны испытывать ко мне. Вы полны ненависти. Я — тот зверь, который на всю жизнь закатал в тюрьму вашего отца и чуть не вздернул его на виселицу. Так вы на это смотрите. Теперь я расскажу вам, как смотрю на это я. А смотрю я вот как. Я всего лишь выполнял свой долг. Факты были таковы, что иного выбора у меня не было. Через мои руки прошли сотни таких, как ваш отец. По правде говоря, я и думать о нем забыл, пока вы не появились.

Дейл снова помолчал и обратил на Пола стальные жерла своих глаз.

— Я нахожусь на этом посту, чтобы охранять безопасность общества. А оно делится на две категории — на тех, кто творит добро, и на тех, кто творит зло. Моя обязанность — преследовать злоумышленников и оберегать порядочных людей. Вам это понятно? Если да, то я хочу спросить вас напрямик. — Он помолчал и ткнул линейкой в Пола. — К какой категории вы себя причисляете? Ну-ка? Если вы намерены восстать против сил закона и порядка, то навлечете на себя большие неприятности. Вы уже видите, к чему это привело. Вас обнаружили на территории большого особняка после наступления темноты, где вы бродили без согласия и даже ведома владельца. Следующим вашим шагом будет проникновение в дом. Учтите, я ни в чем вас не обвиняю. Но мы здесь придерживаемся разумной политики и считаем, что лучше предупредить человека, чем потом исправлять. Поэтому я и пытаюсь для вашего же блага показать, чем все это может закончиться.

Наступила пауза. Пол сидел молча, не двигаясь. Сначала он намеревался раскрыть Дейлу душу, объяснить, как он смотрит на дело, спорить, возражать, убеждать. Но какая-то тайная сила, вернее, инстинкт уберег его от этого.

— Не мне давать вам советы. — Дейл говорил, безусловно, искренне, в тоне его звучало желание образумить, убедить собеседника. — Но послушайте меня и возвращайтесь к вашей матушке в Белфаст. Вас ждет там неплохое место и, насколько я понимаю, неплохая девушка. Не ходите по краю пропасти. Слышите? У меня ведь есть дети — я тоже человек. И мне бы не хотелось, чтоб вам искалечили жизнь. Вот и все. Теперь можете уезжать восвояси. И если вы человек умный, то никогда больше не возвращайтесь сюда.

Он жестом попрощался с Полом — скорее сердечно, чем вежливо. Не произнес ни слова, Пол встал, вышел из кабинета, беспрепятственно миновал коридор и приемную и очутился на свежем ночном воздухе. Он был свободен. Весь мокрый от испарины, он быстро зашагал прочь. Его глубоко потрясла прямота и откровенность начальника полиции. В том, что это человек честный и искренний, можно было не сомневаться. Однако Пол чувствовал, как где-то глубоко в нем неволью возникало возмущение. Ведь он не сделал ничего дурного. В этой стране, где столько говорят о свободе, никто не имеет права навязывать ему свою волю, а он не может и не хочет подчиняться Дейлу. Наоборот: его требование и обстоятельства, которые ему предшествовали, вызвали в Поле жгучий протест, желание перейти к более активным действиям, о которых он думал вот уже несколько дней.

Необходимо было немедленно с кем-то посоветоваться, и, несмотря на поздний час, он с отчаяния решил:

«Надо повидать Суона... Сейчас. Правда, он советовал не спешить... но ведь тогда... тогда он не знал того, что произошло теперь. Раз мне чинят препятствия здесь — в Уортли... придется... Что ж, придется брать быка за рога. В конце концов ведь именно Суон и сказал мне, что я могу чего-то добиться только в самых высших инстанциях».

Пол быстро добрался до больницы по пустынным, гулким улицам.

Но там, когда он изложил свою просьбу, старик привратник, проведя сломанным ногтем по списку больных, посмотрел на него сквозь очки и слегка покачал головой.

— Суон... Джеймс Суон. Мне очень жаль, молодой человек, но он вычеркнут из списка. Он с миром преставился сегодня... в четыре часа.

Глава XV

Член парламента от Уортли либерал Джордж Берли любил приезжать в свой избирательный округ — тем более в ноябре, когда так хороша охота на куропаток. Джордж Берли был уроженцем здешних мест, и карьера, которую он сделал в Лондоне, женившись на леди Урсуле Данкастер и таким образом породнившись с одним из наиболее влиятельных в либеральной партии семейств, не уменьшила его приверженности к старым друзьям и любимому спорту. Он был весьма популярной фигурой в Уортли и в пятьдесят лет, румяный, гладко выбритый, добродушный, отличный рассказчик, тонкий ценитель сигар, всегда прекрасно одетый — ему доставляло истинное удовольствие на досуге заниматься своим туалетом, — в любую минуту готовый помочь приятелю и поставить свою подпись на листке пожертвований, стал своего рода олицетворением местного жителя, которого не способен испортить даже успех.

По правде говоря, его парламентская карьера не была особенно примечательной. Он аккуратно посещал заседания, честно голосовал в комиссиях и ежегодно принимал участие в состязаниях по гольфу — палата общин против палаты лордов. У каждого общественного деятеля есть недоброжелатели, а потому кое-кто утверждал, что Берли недостает ума и опыта для того положения, которое он занимает, что не всякий добрый малый может быть хорошим политиком, что он дрожит перед своей знатной супругой и, уж конечно, перед всем аристократическим семейством Данкастеров, что его приветливое благодушие всего лишь обратная сторона снобизма и, наконец, что если бы не жена и ее связи в высших сферах, Джордж никогда бы так долго не удержался на своем высоком посту.

В это утро Берли пребывал в отличнейшем расположении духа. Поездка в утреннем экспрессе оказалась весьма приятной, и теперь, сидя за завтраком в апартаментах, которые всегда оставляли для него в «Королевском отеле», и воздав должное внушительной яичнице с беконом, а также бараньей отбивной с фасолью, он уписывал поджаренный хлеб с вареньем и допивал уже третью чашку кофе. Приятно было заглянуть и в «Курьер», лежавший у него на коленях: его партия преуспевала на дополнительных выборах в Котсуолде, никаких забастовок не ожидалось, акции на бирже поднимались в цене. Вчера вечером подморозило, как раз настолько, чтобы подсушить почву, а сейчас проглянуло солнце.

Через десять минут ему подадут машину, а через час он уже будет вдыхать запахи своего детства, будет бродить по здешним лугам с тремя приятными спутниками. Они тоже хорошие стрелки, хотя и не такие искусные, как он. Ко всему у него еще новый спаниель, только что натасканный, который, надо думать, поработает на славу.

Вошел официант — пожилой человек с бакенбардами, весьма благообразный и почтительный. Джордж любил атмосферу этого отеля, где бережно хранили добрые старые традиции и остерегались новомодных глупостей, которых он терпеть не мог.

— Вас спрашивает какой-то молодой человек, сэр.

Берли поднял глаза от газеты и насупился.

— Я не могу его принять. Через десять минут я уезжаю.

— Он говорит, что вы назначили ему прийти, сэр. И передал вот это письмо.

Берли взял письмо, учтиво поданное официантом, — это было его собственное письмо на бланке палаты общин. Вот досада! Эту встречу Берли назначил давно, в ответ на довольно туманную просьбу о личном свидании, и тотчас же о ней забыл. Но так или иначе, он всегда гордился тем, что держал слово.

— Ладно, — сказал он. — Проводите его сюда.

Минуту спустя Пол уже стоял в комнате. Берли, который как раз закуривал пятишиллинговую сигару, с любезным видом пожал ему руку и пригласил к столу.

— Итак! — приветливо воскликнул он сквозь клубы дыма. — Я ждал вас с того дня, как получил ваше письмо. Не угодно ли чашечку кофе?

— Нет, благодарю вас, сэр.

Пол был бледен, но решительное выражение его лица и статная фигура произвели явно благоприятное впечатление на Берли, любившего оказывать помощь почтительным, хорошо воспитанным людям.

— Что ж, в таком случае перейдем к делу, молодой человек! — Берли говорил дружелюбно покровительственным и чуть-чуть насмешливым тоном, на что был великий мастер. — У меня мало времени. Сейчас предстоит важное совещание за городом. И сегодня же вечером я должен выехать в Лондон.

— Я так и думал, что вы стеснены во времени, сэр. — Пол торопливо вынул из внутреннего кармана какие-то бумаги. — И потому заранее напечатал перечень фактов.

— Хорошо, очень хорошо! — вежливо одобрил Берли и в то же время протестующе поднял руку: он терпеть не мог читать прошения и, верно, потому держал двух секретарей в парламенте. — Изложите мне кратко суть дела.

Пол провел языком по губам, глубоко вдохнул воздух.

— Мой отец пятнадцать лет сидит в тюрьме за преступление, которого не совершал.

Берли открыл рот и вытаращил глаза. Он смотрел на Пола так, словно перед ним вдруг возникло нечто весьма неподобающее. Но тот не дал ему заговорить и стал торопливо выкладывать все, что было у него на душе.

Поначалу казалось, что Берли вот-вот прервет его. Но он не сделал этого. Его лицо вытягивалось все больше и больше, он продолжал подозрительно, даже с отвращением поглядывать на Пола, но все же не прерывал его. И под конец даже перестал попыхивать сигарой.

Монолог Пола длился ровно семь минут, и когда он кончил, у Берли был такой вид, точно его

поймали в ловушку. Он откашлялся.

— Я не верю. Это похоже на басню. Но если даже я ошибаюсь... Это ведь очень старая история.

— Но не для человека в Каменной Степи. Для него она продолжается.

Берли сделал нетерпеливое движение.

— Я этого не допускаю. И не считаю возможным ворошить грязное болото. Во всяком случае, мне до этого дела нет.

— Вы — член парламента и депутат от Уортли, сэр.

— Да, черт подери! Но не депутат от Каменной Степи. Я представляю порядочных людей, а не банду каторжников.

Он вскочил и зашагал по комнате, вне себя от того, что ему испортили приятный день. И зачем только он позволил явиться этому юному сумасброду! Нет, совать голову в осиное гнездо он не станет. Ни один человек в здравом уме и доброй памяти не захочет копаться в такой грязи. И тем не менее, покосившись на Пола, неподвижно сидевшего у стола, он почувствовал угрызения совести.

— Хорошо! — вдруг изрек он, сердито взглянув на часы. — Оставьте мне эту чертову бумагу. Я просмотрю ее еще сегодня. Зайдите снова часов в семь вечера.

Пол, сдержанно поблагодарив, передал ему документ и спокойно вышел из комнаты. Очутившись на улице, он жадно вдохнул свежий утренний воздух. Если бы ему удалось принудить к действию этого человека в парламенте, в самом сердце правительства, весь клубок, несомненно, был бы распутан. Торопясь в «Бонанзу», он надеялся, что произвел некоторое впечатление на Берли.

День тянулся томительно долго. Понимая, сколь важные процессы происходят сейчас в мозгу Берли, Пол то и дело нетерпеливо поглядывал на часы. Управляющий Херрис уже много раз подходил и наблюдал за ним, словно хотел подловить Пола и обвинить в безделье. Но вот наконец настал желанный час. Перед самым закрытием магазина Пол прошел в туалет и, чтобы освежиться, окунул голову в холодную воду.

В четверть восьмого он был в «Королевском отеле», где, после недолгого ожидания, его провели наверх.

На этот раз Берли уже не светился приветливостью. Депутат от Уортли стоял спиной к камину, его чемодан был упакован и закрыт, тяжелое дорожное пальто небрежно брошено на стол. Он едва кивнул в знак приветствия и долго внимательно и недружелюбно смотрел на молодого человека. Наконец заговорил:

— Я просмотрел ваши бумаги... очень внимательно. Читал в машине по дороге в деревню. Потом перечитал, когда вернулся. Надо признать, вы их неглупо составили. Но в любом деле имеются две стороны. Вы же изложили только одну.

— Правда здесь на одной стороне, — живо возразил Пол.

Берли нахмурился и покачал головой.

— У нас подобные истории исключены. Возможно, в какой-нибудь отсталой стране... но не в Англии. Разве у нас не лучшая в мире юстиция? В этом отношении, как и во всех других, мы стоим на первом месте. Да и что может быть беспристрастнее суда присяжных? Бог ты мой?

У нас он существует уже семь веков!

— Это аргумент скорее против, чем за, — тихим голосом возразил Пол. — Я много думал об этом, сэр, что вполне понятно в моих обстоятельствах. Но разве в число присяжных не могут попасть глупые, невежественные, предубежденные люди, не разбирающиеся в технике судопроизводства, не имеющие представления о психологии, бездумно принимающие на веру свидетельские показания, легко поддающиеся выпренней риторике умного прокурора?

— Господи ты боже мой! — воскликнул Берли. — Уж не собираетесь ли вы облить помоями самого министра юстиции?

Странное возмущение, теперь день и ночь бродившее в Поле, заставило его ответить:

— Человек, чья карьера зависит от умения лишить жизни того, кто сидит перед ним на скамье подсудимых, по-моему, заслуживает не больше уважения, чем обыкновенный палач.

— Вы забываете, что нам нужны обыкновенные палачи.

— Зачем?

— Черт вас возьми совсем! — вспылил Берли. — Понятно, чтобы вешать убийц.

— А должны мы их вешать?

— Конечно, должны. Мы обязаны охранять интересы общества. Если бы не страх перед веревкой, первый попавшийся злоумышленник перерезал бы вам глотку впотьмах из-за пятифунтового билета.

— Статистика доказывает, что в странах, где отменена смертная казнь, преступность не возросла.

— Не верю! Повешение — лучшая мера безопасности. И это гуманная смерть, не то что гильотина или электрический стул. Было бы чистейшим безумием отказаться от этого традиционного наказания.

Горячая волна возмущения захлестнула Пола и заставила забыть об осторожности.

— То же самое говорил лорд Элленборо, наш министр юстиции, несколько лет назад, когда Сэмюэл Ромили внес предложение об отмене смертной казни через повешение за кражу свыше пяти шиллингов.

Кровь бросилась в лицо Берли.

— Вы просто дурак, молодой человек, — прошипел он. — Я-то тут при чем. Я либерал. Я стою за гуманность. Так же, как вся наша система. Нам не доставляет удовольствия вешать людей. Кажется, вы могли бы в этом убедиться на собственном опыте. Любой приговор может быть отменен.

— Ваша лучшая в мире правовая система сначала объявляет человека убийцей и приговаривает к повешению; затем идет на попятный и отправляет в тюрьму до конца его дней. Это что, акт милосердия, гуманности? Это, по-вашему, справедливость? — Пол вскочил на ноги, бледный, сверкая глазами. — Именно так и случилось о моим отцом. Он попал в Каменную Степь из-за этой вашей системы ведения уголовного процесса, когда дело решают улики и показания заведомо недобросовестных свидетелей, системы, позволяющей сторонам произвольно манипулировать фактами, вызывать экспертов, находящихся на жалованье у государства и потому поддакивающих обвинению, и назначать прокурора, единственной целью которого является не установление справедливости, а уничтожение того, кто сидит на

скамье подсудимых.

Не обращая внимания на Берли, одержимый своей идеей, Пол сдавленным голосом продолжал:

— Преступление — продукт социального строя. Те, кто учредил этот строй, зачастую куда более виновны, чем так называемые преступники. Нельзя, чтобы к правонарушителям общество применяло те же принципы, которые сто лет назад заставляли вешать голодного мальчишку за то, что он украл каравай хлеба. Но если уж Мы упорно стоим на том, что око за око, зуб за зуб, то закон должен быть по крайней мере гибок. А вместо этого что происходит? Мера наказания с незапамятных времен — виселица, на которой вслед за учтивой комедией молитвы разыгрывается последний акт отмщения. — Пол задышался, но остановиться не мог. — Пора уже ввести новую, более справедливую систему, но вам не на руку, чтобы менялся ход вещей, пусть все остается, как в добрые старые времена. Возможно, вы хотели бы еще пойти назад, вернуться к феодальному строю, когда только начинался суд присяжных. Что ж, вы вправе держаться этих взглядов. Но не забывайте, что вы — представитель народа, что вы меня представляете в парламенте. Пусть вы не верите тому, что я здесь изложил, но ваша обязанность — позаботиться о пересмотре дела. Если вы откажетесь, я пойду и буду кричать об этом на всех перекрестках.

Вдруг он понял, чт

о говорит, и прикусил язык. Ноги у него подкашивались, он опустил на стул и закрыл лицо руками. В наступившем молчании Пол не смел поднять глаза на Берли. Он чувствовал, что лишил себя всякой надежды на успех.

Но Пол ошибся. Если подобострастные мольбы оставляли Берли равнодушным, то энергией и отвагой его всегда можно было подкупить. Мужество восхищало его, и ему нередко случалось проникаться симпатией к тем, кто, по его словам, «умел постоять за себя». Вдобавок он чувствовал, что за этим странным, неприятным делом и вправду что-то кроется. И, наконец, взывая к чувству долга Берли, Пол задел его за живое. Берли и сам сознавал, что себялюбие и образ жизни, навязанный ему аристократической женой, за последние годы не раз побуждали его увильнуть от наиболее неприятных обязанностей, связанных с занимаемым положением.

Он несколько раз прошелся по ковру туда и обратно, чтобы поостыть. И затем сказал:

— Молодежь, видно, воображает себя носителем всех добродетелей. Ну, это ваше дело! В других вы не в состоянии увидеть ничего хорошего. Я, например, не собираюсь строить из себя святого. Но, вопреки эпитетам, которыми вы меня наградили, я стою за некоторые принципы. И прежде всего за честность. Мне совсем не по душе ваше дело. Но, клянусь Богом, я не стану от него уклоняться. Я возьму его на себя, предам гласности, поставлю перед палатой общин. Более того: даю торжественное обещание сообщить об этом самому министру юстиции.

Пол взглянул на него. Так неожиданна была эта речь, так поразительна победа, что комната ходуном заходила у него перед глазами.

Он попытался пробормотать слова благодарности, но губы его не желали шевелиться, а предметы вокруг словно закружил вихрь.

— Бог ты мой! — Берли торопливо вытащил из кармана дорожную флягу, склонился над Полом и, разжав ему зубы, влил в рот несколько капель спирта. — Так, так! Уже лучше. Лежите тихо, не двигайтесь.

Он стоял с покровительственным видом, глядя, как краска возвращается на лицо Пола, и сам

несколько раз приложился к фляге. Бурная реакция Пола, рассеяв последние остатки гнева, восстановила в Берли приятное чувство собственного достоинства. А впоследствии, когда ему удастся выяснить всю эту дурацкую, немислимую историю, какой у него будет великолепный рассказ для клуба! Он уже слышал свой голос, говоривший: «Упал без сознания к моим ногам, желторотый птенец».

Время шло.

— Вам лучше теперь? Мой поезд уходит в восемь.

Пол поднялся, машинально пожал протянутую ему руку и через несколько минут уже шел по улице. Звон стоял у него в ушах и еще более ликующий — в сердце.

Глава XVI

На следующий день Пол подошел к газетному киоску на углу и попросил, чтобы ему ежедневно доставляли газету «Курьер Уортли». Она давала подробные отчеты о заседаниях в палате общин. И хоть он знал, что немедленного результата ожидать нельзя — в сутолоке парламентских дел Берли ведь надо еще улучшить благоприятную минуту, — все-таки с жадностью прочитывал газету каждый вечер по возвращении с работы.

Окрыленный надеждой, он смирился с нынешним своим положением и постарался весело, наилучшим образом его использовать. Дома он решил не ограничиваться шапочным знакомством с единственным из жильцов, который был его ровесником, счетоводом Джеймсом Крокетом. Этот Крокет, юноша весьма степенный и довольно скучный, пунктуальный в своих привычках, как часовой механизм, всегда в высоких стоячих воротничках и готовых галстуках бантиком, к авансам Пола отнесся с крайней сдержанностью. Но как-то раз, в субботу, он вдруг вынул из записной книжки два билета.

— Не желаете ли пойти? Мне их дал хозяин. Он член этого общества.

Пол повертел в руках билеты.

— А почему вы сами не хотите ими воспользоваться?

— Моя дама не совсем здорова, — отвечал Крокет, — и мы не можем пойти. Там будет очень мило. По воскресеньям туда пускают только членов общества и их друзей.

Не желая обидеть Крокета, Пол взял билеты, поблагодарил и помчался на работу. В новом настроении необходимость играть весь день не тяготила его. Время от времени он поглядывал на Лену Андерсен в надежде хоть немного ее расшевелить. Сделать это было очень нелегко: после тех дней, когда она несколько свободнее разговаривала с ним, к ней вернулась прежняя замкнутость, в глазах застыл какой-то горестный вопрос. Пола огорчало, что она так явно уклонялась от дружбы, которую он предлагал ей, и вот в обеденное время — это было в субботу — внезапный порыв заставил его воскликнуть:

— Лена! — Затем нарочито небрежным тоном Пол добавил: — Почему бы нам с вами не развлечься немножко?.. Ну, скажем, завтра?

Она не ответила, и Пол продолжал:

— Один парень, мой сосед, уступил мне два пригласительных билета в Ботанический сад. Особых радостей это, конечно, не сулит, но надо все-таки внести разнообразие в нашу жизнь.

Она заметно изменилась в лице и некоторое время стояла неподвижно.

— Что с вами? — Озадаченный и уязвленный, он сделал попытку пошутить: — Боитесь, как бы вас не укусила орхидея?

Она слабо улыбнулась. Но лицо ее продолжало оставаться замкнутым, а в глазах застыло выражение страха.

— Это очень любезно с вашей стороны, — не глядя на него, промолвила она. — Я редко где-нибудь бываю.

Он не понимал ее смущения, так не вязавшегося с его шутливым приглашением. Между тем магазин опять стал наполняться покупателями.

— Обдумайте мое предложение, — сказал Пол, придвигая к пианино вертящийся стул. — И дайте мне знать, если захотите принять его.

Взволнованная до глубины души, Лена неторопливо пошла к своей стойке. В течение последних шести месяцев, с самого своего приезда в Уортли, она ни разу не видела ни малейшего внимания к себе со стороны мужчин и ни разу ни одного из них к этому не подстрекала. Правда, кое-какие неприятности в этом смысле ей пришлось испытать. Херрис, например, первое время изрядно докучал ей, но ее непреклонная холодность постепенно остудила его пыл. И на улицах к ней нередко приставали мужчины, преследовали ее, когда она шла вечером домой. В эти минуты ее вновь охватывали тоска и страх, и Лена старалась идти быстрее, с застывшим, неподвижным лицом. Но сегодня все было по-другому и потому, наверно, куда опаснее. Разве она не возвела в житейское правило полное обуздание своих чувств? И все же, когда, наконец, настал вечер, она сказала себе, что большой беды не будет, если она примет приглашение Пола. Для него оно, по-видимому, ровно ничего не значит — ведь его отношение к ней было всегда только искренне-дружелюбным: он даже не коснулся ее руки. Право же, не надо доводить до абсурда решение, принятое однажды в состоянии подавленности и душевной муки. Когда покупателей стало меньше и выдалась свободная минута, она подошла и сказала Полу, что будет рада воспользоваться его приглашением, если он сможет зайти за нею часа в два.

Итак, на следующий день, оказавшийся погожим и солнечным, после завтрака Пол неторопливо шел по Уэйр-плейс. Эта часть города, несмотря на близость универсального магазина, была тиха и респектабельна. Ярко раскрашенные ящики для цветов на окнах высоких, закопченных и грязных домов придавали старомодной улице жизнерадостный вид. Когда Пол поравнялся с домом номер шестьдесят один, дверь открылась и на узкой мощеной дорожке, окаймленной зеленой железной оградой, показалась Лена в темном выходном пальто и шляпе. В дверях дома стояла пожилая женщина, которую он однажды вечером видел возле магазина. Поколебавшись с минуту, она тоже вышла на улицу познакомиться с Полом.

— Я миссис Хэнли. — Она улыбнулась и протянула ему руку, скрученную ревматизмом. — Лена говорила мне о вас.

Седоволосая, лет под пятьдесят, ниже среднего роста, она была до того согнута болезнью, что ей пришлось откинуть голову, чтобы разглядеть Пола. В противоположность одеревенелому телу лицо у нее было свежее и веселое, освещенное блестящими, как у птицы, глазами.

— Я слышала, вы большой музыкант, — заметила она, все еще испытующе вглядываясь в него.

Пол откровенно расхохотался:

— Бренчу понемножку на пианино. И музыкант я не большой, чем шарманщик, который крутит ручку своего ящика.

— Во всяком случае, очень рада, что вы зашли за Леной. Она ведь почти никуда не ходит. Но не буду вас задерживать, я хотела только поздороваться с вами. — Видимо, удовлетворенная, миссис Хэнли отвела глаза от Пола и одарила Лену ласковой, ободряющей улыбкой. — Желаю хорошо провести время.

Она заковыляла назад к дому и, держась за перила, взобралась на ступеньки.

Дверь за ней захлопнулась, и Пол с Леной двинулись в путь. Красный трамвайный вагон повез их по Уэйр-стрит, погруженной в воскресную тишину, и через Леонард-сквер в загородное великолепие Горланд-роуд, где красные кирпичные виллы стояли в зарослях лавра и колючих араукарий. Немного подалее находился Ботанический сад. Сойдя на конечной остановке, они вошли в литые узорные ворота.

— Бывает хуже. — Пол улыбнулся Лене, быстрым взглядом окинув прелестные зеленые лужайки, аллею стройных каштанов, ведущую к отдаленному озеру, и многочисленные изящные оранжереи, разбросанные на обширной территории. — В это время года ничего особенного мы, конечно, в саду не увидим, но давайте все-таки погуляем, прежде чем идти в теплицы. Кстати, Лена, я хотел вам сказать, что вы сегодня необыкновенно мило выглядите.

Она промолчала в ответ на его как бы мимоходом брошенный комплимент. Но это была сущая правда, в которой он убедился, едва увидев ее, и убеждался сейчас, когда прохожие оглядывались на Лену. До сих пор он видел девушку только в форменном платье или в поношенном стареньком пальто и не догадывался о ее врожденной грации и незаурядности. Сегодня она была совсем другая — необычная, с теплым румянцем на щеках, с копной золотистых, как мед, волос. Сколько в ней изящества, как легко она ходит. Глаза у нее — он еще никогда не смотрел в них при дневном свете — темно-карие, с крапинками. Но самое удивительное — это ее непринужденность, простота и что-то достойное и в то же время трогательное в выражении лица. Внезапное любопытство, желание побольше узнать о ней овладело Полом.

— Расскажите мне о себе, Лена... о своей семье... доме.

Короткое молчание — и, не сводя глаз с серебристой глади озера меж высоких, уже сбросивших листья деревьев, она в немногих словах рассказала ему, что родилась на восточном побережье, в рыбацком городке Слизкэйле. Должно быть, ее предки — шведы много лет назад обосновались там... Отец, овдовевший, когда ей было семь лет, владел, в компании с другими рыбаками, судном, тралившим сельдь, и, следовательно, делил с ними все неудачи этого неблагодарного промысла. Год от года путина становилась хуже, и случалось, что судно приходило назад всего с несколькими десятками килограммов рыбы. Если бы не ферма, небольшая полоска земли на мысу, возвышающемся над Северным морем, им бы туго пришлось. В конце концов и она стала давать так мало доходов, что семья волей-неволей распалась. Когда отец умер, оба брата Лены отправились искать счастья на пшеничных полях Манитобы[2]. Они настолько преуспели, что теперь владеют изрядным и весьма многообещающим участком земли в Канаде. Она же, еще до их отъезда, нашла вполне приличное место и тем самым избавила их от тревог и заботы о ней. В восемнадцать лет уехала в Эстбери — морской курорт на двадцать миль восточнее Уортли — и там стала работать в конторе отеля «Герб графства».

Когда Лена кончила свой рассказ, оба довольно долго молчали.

— Итак, вы одна из всей семьи остались здесь?

Лена кивнула.

— Вам не понравилось в Эстбери? — еще осведомился Пол.

— Почему же, понравилось.

— Но вы уехали?

— Да.

Опять наступила томительная пауза. Он чувствовал, что его собеседница могла бы сказать больше, куда больше, но не сказала.

— И тогда вы поселились у миссис Хэнли?

— Да. — Лена посмотрела на него своими широко раскрытыми глазами, и он понял, какую глубокую признательность питает она к этой женщине. — Вы не можете себе представить, как она была добра ко мне.

— Миссис Хэнли сдает комнаты?

— Собственно говоря, нет. Но мне она уступила две комнаты наверху. Не муж часто уходит в плавание — он старший механик на танкере.

Пол удивился, что работе в администрации большого отеля она предпочла бесперспективную службу в дешевом кафетерии. Но это в конце концов ее дело. Глаза Лены смотрели по-прежнему открыто и прямо, но Пол почувствовал, что она как-то сникла, переменял разговор и повел ее к стеклянному домику, где на многоярусных стеллажах, отделенных друг от друга толстыми трубами парового отопления, в теплом, влажном воздухе цвело неисчислимое множество экзотических цветов.

Когда они осмотрели всю эту прекрасную коллекцию, Пол, у которого она вызвала разве что поверхностное любопытство, был поражен впечатлением, какое цветы произвели на его спутницу. Облачко печали, окутывавшее ее, наконец развеялось. Растроганная до глубины души, Лена неожиданно оживилась и высказывала на редкость тонкие суждения. Она заметила многое, начисто ускользнувшее от его внимания, и если и не знала чего-либо, то возмещала это догадливостью и здравым смыслом.

Восторг ее был неподделен и чужд экзальтации. Когда они стояли в дендрарии перед молодым апельсиновым деревцем, несущим плоды и цветы одновременно, она молча смотрела на него так задумчиво, с таким детским беззащитным восхищением, словно его благоухающая прелесть насквозь пронзила ей душу. Казалось, Лена не в силах расстаться с чудесным деревцем. Пол поднял глаза и заметил слезы, выступившие на ее глазах. Волнение охватило его, и он тоже умолк.

Чай они пили в японской пагоде, приспособленной под ресторан. Там гулял сквозной ветер и было сыро, как в бамбуковой роще. Чай им подали слабый и чуть теплый, а печенье годилось разве что для воробьев, которое, дожидаясь угощения, прыгали у их ног. Но доброе товарищеское чувство развязало им язык, заставило позабыть о скудной трапезе. Лена и вправду была славным товарищем, внимательной слушательницей, готовой заинтересоваться всем, что интересовало его, а из разумных ее замечаний явствовало, что она всегда понимает, о чем он говорит.

— Вы не спрашиваете, почему я служу в «Бонанзе», — неожиданно для себя сказал он после короткой паузы. — Или думаете, что там и есть мое настоящее место?

— Нет, — отвечала она, глядя куда-то вниз, и добавила: — На то, вероятно, есть свои причины.

— Да, есть.

Она взглянула на него.

— Что-нибудь неприятное?

Он кивнул.

— Но я надеюсь, со временем все уладится, — тихо сказала Лена.

Эти простые слова растрогали его. Он смотрел на ее профиль, отчетливо вырисовывавшийся в тусклом сумеречном освещении, на ресницы, бросавшие на щеку нежную тень.

Вскоре они вышли из Ботанического сада и пустились в обратный путь к Уэйр-плейс. Теперь Лена была еще задумчивее, казалось, в душе она старалась решить какой-то вопрос. Раз или два она взглянула на Пола, словно собираясь заговорить. Но ни слова не слетело с ее губ.

И он тоже молчал, удрученный сознанием, что возвращается к обыденной жизни. У дома миссис Хэнли он остановился и протянул Лене руку.

— Это был чудесный день, — тихо сказала Лена. — Я получила большое удовольствие. Спасибо, что зашли за мной.

Они еще немного постояли. Она несколько раз нерешительно посмотрела на окна. А он старался угадать, пригласит она его зайти или нет. Но она не пригласила. Молчание становилось уже тягостным, а Лена все медлила, испытующе поглядывая на него; дыхание ее стало прерывистым, словно она еле сдерживала внутреннюю потребность о чем-то ему рассказать.

— Пол... — Она впервые назвала его по имени.

— Да?

Она опять на него посмотрела, потом отвернулась. Нервы ее были напряжены до предела, она страдала.

— О нет, ничего.

Что бы ей ни хотелось ему сказать, выговорить это она не смогла. И ограничилась тем, что быстро пробормотала:

— Спокойной ночи.

С этими словами она повернулась и пошла к дому по дорожке, окаймленной зеленой оградой.

Дверь за нею закрылась. Пол постоял еще с минуту, озадаченный досадным концом этого дня, слегка огорченный, смутно взволнованный. Потом зашагал обратно по тихим воскресным улицам.

Вечером, когда он вернулся к себе, на столе у него лежал воскресный «Курьер». Пол зажег газ, умылся и, как всегда, нетерпеливо раскрыл газету.

В первый момент ему показалось, что он опять вытащил пустой номер. Но в конце первого столбца в глаза ему бросилось имя, которое он искал. Оно зывало к нему с печатной полосы. Сердце его забило в неистовой радости, но тут же упало, тяжелое, как свинец, и глаза затуманились.

Заметка была очень краткой:

«В палате общин м-р Джордж Берли (Уортли) поднял вопрос о деле некоего Риза Мэфри, в настоящее время отбывающего пожизненное заключение в Каменной Степи. Не очевидно ли, сказал депутат, что новые данные, которые он огласил, требуют пересмотра дела? И далее: не говорит ли сам факт, что Мэфри уже пятнадцать лет находится в заключении, о том, что достаточно он отсидел?»

В ответной реплике министр внутренних дел сэр Уолтер Хэмилтон дал отрицательный ответ на оба вопроса. Во-первых, внимательно изучив заявление, представленное уважаемым депутатом на рассмотрение палаты, он не видит оснований для пересмотра нормально протекавшего судебного процесса, а, во-вторых, упомянутый Мэфри всем своим поведением в тюрьме и многократными дерзкими отказами в повиновении тюремному начальству потерял право на сокращение срока заключения. Дело это следует считать законченным и более не подлежащим обсуждению.

Пол положил газету на стол. Он не поднял глаза, когда миссис Коппин вошла в комнату, бросила на него быстрый взгляд и положила на поднос заказное письмо. Его только что принес почтальон.

Пол вскрыл конверт, прочитал письмо от начала до конца. Написанное рукою Берли, оно дополняло и подтверждало заметку в «Курьере». Берли сдержал слово и сделал все от него зависящее, но лишь затем, чтобы получить безусловный отказ. Дальнейшие действия, писал он, были бы совершенно бесполезны. Он старался по мере сил смягчить удар и убеждал «своего юного друга» раз и навсегда выбросить из головы злополучное дело. Это было хорошее письмо, благожелательное и, несомненно, доброе.

Глава XVII

На следующее утро Пол, после бессонной ночи, машинально выпил чашку кофе и по грязным, слякотным улицам отправился в «Бонанзу»; там он сразу сел за пианино и стал усердно барабанить пошлые пьески. Молочно-белые лампы, всегда горевшие здесь в пасмурную погоду, слепили его утомленные глаза, и все-таки он заметил букетик ноготков на рояле — пять ярко-желтых цветков в маленькой глиняной вазочке.

У Пола было так горько на душе, что он не ощутил признательности за скромное напоминание о совместной прогулке, не подумал о том, как долго Лена боролась с собой, прежде чем на это решиться. Но когда она принесла ему завтрак, все же пробормотал несколько слов благодарности.

Его тон огорчил ее, и прошло некоторое время, прежде чем она себя принудила взглянуть ему в глаза.

— Случилось что-нибудь неприятное?

— Да, — отвечал он сдавленным голосом. — Все рухнуло.

Она не успела ни о чем его расспросить, так как ее позвали в кафетерий. Когда она скрылась из глаз, Пол заметил, что Херрис, вертя в руках зубочистку, искоса на него поглядывает. Затем он приблизился. На лице его было странное выражение — смесь торжества и враждебности. Но заговорил он с Полом как ни в чем не бывало.

— Итак, вы с этой милой леди совершили вчера небольшую эскападу?

— Эскападу? — Брови у Пола нахмурились.

— Конечно. Девушки мне сказали, что вы вместе провели воскресный день. По правде говоря, я был удивлен. — Самодовольная улыбка, вернее, ухмылка, мелькнула на его лице. — Мне казалось, что я предупредил вас относительно Андерсен. Разве вы не знаете того, что мы все знаем?

Пол молчал.

— Не знаете, что у нее был ребенок? Внебрачный, разумеется. Да, маленький ублюдок, глухонемой к тому же, он умер от какого-то припадка, если можно в это поверить. Очень романтическая история. В следующий раз, когда пойдете с ней шататься, порасспросите-ка ее хорошенько. Она, верно, расскажет вам все подробности, куда вы будете пожимать ей ручки.

Последовала пауза, ухмылка расплылась по физиономии Херриса, он многозначительно кивнул и ушел, напоследок ковырнув в зубах зубочисткой.

Пол сидел не шевелясь, вперив глаза в удаляющуюся спину управляющего. О Боже, что за грязная, гнусная скотина! Так вот откуда у Лены эти приступы грусти. Бедная девочка! Не думал он, что с нею могло стрястись такое. Жалость шевельнулась в его сердце, но странно — холодная жалость, и так как-то вышло, что этот холод задул затеплившийся было в нем маленький огонек. Пуританин в Поле, свято чтивший воскресенье, — результат воспитания, которое он получил, — возмутился, вознегодовал при этом открытии. Одно только чувство говорило в нем сейчас: она провела его, обманула своим спокойствием, своей непорочной безмятежностью. Обойти все это молчанием — право же, верх лукавства! Он больше не сможет смотреть ей в глаза. Господи, неужто же не будет конца горестям этого дня?

Вечером, когда он играл свое последнее танго, обида и горечь волна за волной окатывали его. Бедняга Суон был прав: надеяться на помощь сильных мира сего бесполезно, он должен всего добиться сам и, честное слово, добьется! Пол стиснул зубы. Нет, он не побежден, он только начал борьбу. И как бы ни велик был риск опять встретиться с Бэрт, — сейчас она его единственная надежда. Хоть они и выбили из седла Марка Булия, у них нет оснований расправиться с Бэртом. Вполне возможно, что ее вообще не предостерегали относительно его.

После работы Пол пошел прямо домой, вырвал листок из блокнота, достал конверт и написал:

«Дорогая Луиза, я был в отчаянии, что наше свидание не состоялось, но моей вины тут нет. Верю, что Вы меня простите, потому что с тех пор, как я увидел Вас, я думаю о Вас непрестанно. Итак, не сможем ли мы встретиться в следующую среду в „Королевском дубе“? Моего друга со мной не будет. Приходите, Луиза, прошу Вас, ровно в семь. Заранее радуюсь встрече с Вами и спешу заверить, что на сей раз не обману Вас, как непреднамеренно обманул тогда. Остаюсь Вашим Полом».

Через два дня пришел ответ:

«Дорогой сэр, я-то буду рада с Вами увидаться, только не ходите через сад или еще того хуже — через заднюю дверь. Будьте там, где сговорились, я тоже постараюсь быть. Приду вовремя, как из ружья. С почтением. Л. Б».

Крик радости чуть не вырвался у Пола: Бэрт ни о чем не подозревает, благоприятная возможность не упущена. Он едва дождался среды. Последние сорок восемь часов ему не давала покоя мысль, что запрос Берли сделал его, Пола, еще более подозрительным в глазах местных властей. Сейчас же он с чувством облегчения убедился, что небольшая заметка в «Курьере» касательно его отца прошла в Уортли незамеченной.

Но, к сожалению, он ошибался.

Глава XVIII

В то самое утро и в тот самый миг, когда Пол получил письмо Бэрт, человек лет пятидесяти, слегка располневший, но с резкими и немного актерскими чертами лица, покончив с завтраком, стоял у окна своей гостиной и смотрел на широкую лужайку, пестревшую яркими клумбами и всю обсаженную кустами рододендронов. Из соседней комнаты доносилась болтовня двух его дочерей, которые собирались на бега шотландских пони, устраиваемые школой св. Винифрид; время от времени в эту болтовню вставлял какое-то веселое замечание любимый грудной голос, принадлежавший его обожаемой жене Кэтрин. Несмотря на эти приятные свидетельства семейного согласия, на душе у сэра Мэтью Спротта было неспокойно.

Появление горничной, которая принялась неслышно убирать посуду с уставленного яствами стола, прервало течение его мыслей; бросив на нее сердитый взгляд, всегда имевшийся у него в запасе для малых сих, сэр Мэтью вышел в холл. Вся маленькая компания уже собралась там. Его жена, как раз натягивавшая длинные перчатки, выглядела поистине очаровательной в изящной меховой шапочке и горжетке из того же пушистого коричневого меха; очень милы были и аккуратненькие девочки в брюках для верховой езды и вельветовых жокейских шапочках, державшие в руках стеки с золотым набалдашником, которые он подарил им на Рождество. Старшей было уже шестнадцать лет — стройная, темноволосая, со спокойными манерами, она очень напоминала мать. Младшей же только минуло двенадцать — приземистой, полной фигурой и ярким румянцем она выдалась в отца.

Лицо сэра Мэтью прояснилось, когда обе девочки повисли у него на шее, упрашивая ехать с ними, а жена, с тихой улыбкою любуясь этой сценой, добавила:

— Тебе это будет полезно, милый! Ты совсем заработался последнее время.

У Кэтрин, стройной и хрупкой, было бледное, чуть удлинненное и на редкость привлекательное лицо. Благодаря изящным чертам и нерасполневшему стану в ее облике и к сорока годам сохранилось что-то девическое, хотя эта бледность и хрупкость свидетельствовали о постоянной борьбе со слабым здоровьем. Ее чистая белая кожа казалась прозрачной. Пальцы у нее были длинные и тонкие.

Глядя на жену с нескрываемым обожанием, Спротт было заколебался и в задумчивости водил указательным пальцем по губам — такая у него была привычка. Но затем смягчил свой отказ шуткой.

— Кто же будет денежки зарабатывать, если я отправлюсь кутить вместе с вами?

Он распахнул перед ними дверь. Закрытая машина стояла у подъезда, и шофер Бэнкс дожидался господ. Через минуту они уже сидели в ней, накрыв ноги пледом. Когда лимузин тронулся, Кэтрин повернулась к заднему окну и помахала мужу.

Он медленно и хмуро пошел через библиотеку обратно к себе в кабинет, останавливаясь, чтобы полюбоваться лучшими из своих картин. У него был богатый, просторный дом — в последние десять лет, неизменно руководствуясь врожденным вкусом жены, он делал все возможное, чтобы достичь вершины изысканной роскоши. Он любил свои дорогие изящные вещи, стулья с вышитыми крестиком сиденьями, обюссоновские ковры, бронзы Родена и Майоля, два ландшафта кисти Констебла. Ведь все это являлось для него несомненным

материальным доказательством жизненного успеха.

Он вышел из самых низких, можно даже сказать — презренных слоев общества, из тех, кто «меньше чем ничто», как он любил выражаться, и сумел возвыситься над ними только благодаря собственным усилиям. Он рано осиротел. И его растила тетка — изможденная женщина в шали и деревянных башмаках, вечно покрытая угольной пылью: она занималась сортировкой угля, выданного на-гора маленькой шахтой в оскудевшем районе Гедсхилл, неподалеку от Ноттингема. С самого детства, несмотря на тяжелое окружение, на жизнь в убогой комнатухе на улице, населенной шахтерами, несмотря на пинки и оплеухи, так и сыпавшиеся на него, Мэтью Спротт был одержим одним желанием — добиться успеха. Девиз «Преуспеть, преуспеть и еще раз преуспеть» был начертан в его сердце немеркнущими буквами.

Как это часто бывает при становлении характера человека, вышедшего из низов и поднявшегося до высоких ступеней общества, в начале жизни его лихорадочное рвение вступило в союз со счастливым случаем. Он был умным парнем, и школьный учитель, горячо любивший классиков, по ночам бесплатно занимался с ним. В четырнадцать лет, вместо того чтобы пойти работать на шахту, Мэтью удрал в Уортли и сделался рассыльным, а потом и клерком в юридической конторе при фирме «Бумага и канцелярские принадлежности. Мэрдсен и К°». Здесь ему суждено было впервые заглянуть в механику судопроизводства. Пораженный этим внушительным зрелищем, он с тех пор все свободное время отдавал учению, и наконец ему представился случай поступить младшим клерком в контору старого Томаса Хэйли, известного в графстве адвоката.

Спротт избрал своей специальностью право не в силу душевной склонности и не потому, что видел в нем свое призвание. Нет, он понял, что этим путем легче всего прийти к власти. «Преуспеть, преуспеть и еще раз преуспеть» — этот девиз, как бешено вертящееся колесо, мелькал в его мозгу. Он поставил себе задачей сделаться незаменимым для своего старого патрона. При этом он, конечно, отнюдь не намеревался всю жизнь торчать простым помощником в конторе Хэйли и, к концу пятого года службы, сдав экзамен в корпорацию адвокатов, ушел из конторы и начал самостоятельную жизнь, бросив на произвол судьбы своего немощного патрона, давно уже не умевшего без него обходиться.

Он стал присяжным стряпчим — увы! — с правом выступать только в низших судебных инстанциях, но как-никак первый шаг к желанной цели был сделан. С примерным рвением выполняя свои обязанности, он потихоньку продолжал изучать обычное и государственное право. Позднее, накопив путем мелочной экономии сумму, необходимую для вступительного взноса, он подал прошение об изъятии его из списка стряпчих, вступил в Лондонское общество адвокатов и наконец получил право адвокатской практики.

Он не был слеп относительно того, какую трудную задачу поставил перед собой. Не имея ни денег, ни связей, он, адвокат без практики, долгие месяцы околичивался в кулуарах судов. Позднее ему предложили читать лекции в одной из корпораций, готовящей адвокатов. Он согласился, так как это был трамплин, дававший ему возможность стать полезным для власти имущих. Мало-помалу он прослыл человеком недюжинного ума и огромной трудоспособности, а также крупным специалистом по уголовному праву. Вдобавок он был хорошим оратором, его блестящее остроумие могло разить или потешать — в зависимости от обстоятельств, но главной его силой — здесь он был истинным гением — являлось умение играть на чувствах присяжных. В 1910 году, когда были объявлены выборы в парламент, он встал под знамена местного кандидата консервативной партии, сэра Генри Лонгдена, готовый беззаветно ему служить и день и ночь прославлять его с трибуны. Лонгден был избран и незамедлительно отблагодарил Спротта. Дела теперь сами потекли к нему в руки, и он все чаще и чаще выступал в Уортлийском суде в качестве обвинителя.

По возвращении в родные края Спротт, несмотря на скромные доходы, сделался весьма

влиятельной персоной. Пять лет не покладая рук трудился он в Уортли, внушая страх и ненависть тамошнему уголовному миру, кстати сказать, довольно многочисленному. Он всегда усердно обхаживал людей, которые были ему нужны, и, уж конечно, по мере надобности умел быть милейшим человеком. Но все его старания оказывались тщетны: вперед он больше не продвигался. За это время он успел жениться, и жене нередко приходилось удерживать его от приступов отчаяния. «Преуспеть, преуспеть и еще раз преуспеть» — неужто это останется несбыточной мечтой?

И вот, когда он уже считал себя обреченным на захолустное прозябание, нежданно-негаданно представился счастливый случай. Дело об убийстве, возбуждавшее широкий интерес, было назначено к слушанию в выездной сессии суда, а накануне разбирательства известный прокурор, которому было поручено обвинение, внезапно и тяжело заболел. Вместо того, чтоб отложить это дело, решено было передать функции обвинителя Спротту, так как его более именитые и очень занятые коллеги просто не успели бы разобраться в этой запутанной истории.

То был поворотный пункт в его карьере. Ликующий внутренний голос нашептывал ему: «Преуспеть... преуспеть и еще раз... Вот наконец твой счастливый случай». И, не долго думая, он ухватился за него и стал обвинителем Риза Мэфри. В его намерения входило привлечь всеобщее внимание к своим достоинствам, ошеломить, подавить всех и вся блеском ораторского таланта и во что бы то ни стало добиться обвинительного приговора. И он добился.

Не прошло и восьми месяцев, как его уже назначили главным судьей по уголовным делам в Апмарстоне. Не расставаясь до поры до времени со своим провинциальным домом — это было возможно, так как между Уортли и Лондоном курсировал отличный экспресс, — он сделался членом адвокатской корпорации в Темпле[3]. Отчасти в силу его большого опыта, отчасти же из-за поистине удивительного судебного красноречия его стали все чаще и чаще назначать государственным обвинителем в больших процессах, и он так отличился в этой роли, что в 1933 году был пожалован дворянской грамотой. В пятьдесят лет, все еще полный энергии (успех только сильнее разжег его честолюбие), он был уверен, что ему предназначено взлететь еще выше. Верность родному Уортли принесла свои плоды: его упростили баллотироваться на предстоящих выборах в качестве кандидата от консервативной партии с большими шансами на успех против Джорджа Берли. А ведь стоит только быть избранным в парламент — и до поста генерального прокурора рукой подать. С годами, кто знает, разве не может он сделаться лорд-канцлером и наконец добраться до высочайшей вершины — стать премьер-министром?

В такой битве за возвышение, конечно, приходится быть беспощадным. Спротт не строил себе никаких иллюзий относительно свойств, потребных для успеха: жизнь — это неумолимая борьба, и выжить дано только сильнейшему. С тех пор как он познал власть, взгляд его стал тяжелым и хмурым, речь обжигала словно удар кнута. Стремясь любой ценой втереться в высокие политические сферы, он до тонкости изучил науку, как избавиться от человека, некогда оказавшего ему услугу, или с отсутствующим видом пройти мимо того, кому сам он некогда льстил, за кем увивался. Но превыше всего Спротт ставил свой дар идти на голову впереди соперников, он постоянно подчеркивал свою одаренность, стремился всех ослепить блеском своих талантов.

Разумеется, он нажил себе немало врагов и не заблуждался относительно репутации, которая у него постепенно сложилась. Его честили приспособленцем и низкопробным подхалимом, утверждали, что, карабкаясь вверх по социальной лестнице, он, не колеблясь, ставит ногу на лицо человека, в данный момент стоящего ступенькой ниже. Обвиняли в вопиющей несправедливости по отношению к целому ряду людей. А главное, давно уже шел шепоток, что при исполнении прокурорских обязанностей он во зло употребляет свой ораторский талант, оказывая нежелательное давление на присяжных.

Сейчас, безостановочно шагая по своему кабинету, Спротт мрачнел все больше и больше. Наконец, причина его душевного смятения ему уяснилась. Да, вопрос, так внезапно поднятый в палате общин, досадил ему сверх меры. Конечно, Джордж Берли дурак, и лидер либералов сумел-таки его осадить. Более того, министр внутренних дел немедленно и со всей решительностью пресек разговоры об этом злополучном деле. И тем не менее история получилась в высшей степени неприятная. В узком кругу о ней уже успели немало посудачить, так что даже его дорогая жена кое-что прослышала и на следующий вечер, когда они остались вдвоем, исподволь приступила к нему с расспросами.

Спротт, хоть и не любил ругаться, не выдержал и про себя чертыхнулся. Его единственным бескорыстным чувством была любовь к семье, и прежде всего к жене. Она не принесла с собой в приданое ни денег, ни положения в свете, так как была всего-навсего дочерью местного врача, и, женившись на ней по любви, он изменил своим принципам поведения. Но ее успокоительная близость, ее постоянное ободряющее восхищение и заразительно-ласковый нрав сторицей его за это вознаградили. Друзей у него никогда не было, и сознание, что они любят друг друга, что она всегда рядом, не раз поддерживало его в трудные минуты. Мучительная мысль, что он может, хотя бы до некоторой степени, пасть в ее глазах, заставила его принять решение.

Он снял телефонную трубку и велел соединить себя с Главным управлением полиции Уортли.

Глава XIX

Начальник полиции Дейл немедленно откликнулся на вызов и уже через десять минут, облачившись в свой пышный, шитый золотом мундир, двинулся через парк по направлению к Гров-Квэдрант.

Прогулку пешком он предпочитал езде на казенной машине. Знаки почтения, оказываемые ему, когда он шел по улицам, и то, как проворно отдавали ему честь его полисмены, уважительные взгляды прохожих, суета, которая поднялась в парке, едва только подметальщики завидели его внушительную фигуру, как всегда, преисполнили его чувством мрачного удовлетворения.

У Спротта пожилая горничная в темно-лиловом форменном платье провела его в небольшой кабинет направо от холла и тихим голосом, характерным для слуг, давно живущих в доме, объявила, что сэр Мэтью сейчас выйдет к нему. В ответ Дейл сухо кивнул. Он отлично знал, что его заставят дожидаться, и ему это было не по вкусу.

Он поудобнее уселся в кожаном кресле, положил портфель на колени и стал разглядывать комнату — деревянные некрашенные панели, толстые ковры на полу, длинные ряды книг в изящно тисненых переплетах. Не без горечи он подумал, что мог бы, пожалуй, жить не хуже, будь у него образование. А так гордость приходилось прятать подальше: не положено ссориться со своим хлебодателем.

— А, вот и вы, Дейл! — Спротт протянул ему свою теплую руку; на лице ни следа досады и огорчения, недавно терзавших его. — Не хотите ли чем-нибудь подкрепиться?

— Нет, благодарю вас, сэр Мэтью.

Спротт сел.

— Надеюсь, у вас все в порядке.

— В полном порядке.

— И отлично. — Сэр Мэтью помолчал, водя пальцем по губам. — Дейл... обратили вы внимание на эту дурацкую историю в палате... касательно дела Мэффри?

Дейл был поражен, но и виду не подал.

— Обратил, сэр Мэтью.

— Ерунда, разумеется, грязная политическая возня. Тем не менее... — Спротт покачал головой. — Сейчас надо быть начеку, чтобы эта грязь на нас не налипла.

Дейл медленно ворочал расшитую форменную фуражку в огромных руках, надо сказать, не без растерянности.

Спротт задумчиво продолжал:

— Этот юный сумасброд... я имею в виду сына... этого, как его... Мэффри... он все еще в городе?

Дейл сидел, опустив глаза, и внимательно рассматривал свой башмак на толстой подошве.

— Да, он еще здесь. С некоторых пор мы установили за ним слежку.

— Так, — отозвался Спротт. — Это, видно, беспокойный малый. Он — вы понимаете, что я хочу сказать, — из тех, что по пятам за вами гоняются, в любой час стараются к вам проникнуть и суют вам в руки составленные по всей форме петиции... Чудак... Только и знает что жаловаться. Как будто мы к этому не привыкли.

Воцарилось напряженное молчание. Затем Спротт, задумчиво постукивая пальцем по передним зубам, добавил:

— Но спрашивается... что нам с ним делать?

С минуту начальник полиции сидел, прикусив язык. Теперь он уразумел, зачем сэр Мэтью звонил ему, и странное чувство нерешительности, сдобренное известным злорадством, овладело им. Наконец он счел за благо поднять глаза.

— Вы хотите возбудить против него обвинение?

— Ни в коем случае, — возмутился Спротт. — Этот молодой человек введен в заблуждение, но не думаю, чтобы он был преступником. А кроме того, мы должны быть милосердны, Дейл. «Милосердие дважды благословенно. Как живительная роса, упадает оно на долины». Надеюсь, я правильно цитирую. — Он в упор поглядел на начальника полиции. — Так или иначе, но хорошо бы склонить нашего заблудшего друга покинуть Уортли.

— Я уже сказал ему, чтобы он сматывался.

— Слова, дорогой мой Адам, как мне известно по горькому опыту, мало что значат. Тем не менее я не даю вам советов. Хотелось бы только, чтобы вы сочли возможным, конечно, по собственному благоусмотрению, образумить этого молодого человека.

Спротт поднялся и, стоя спиной к камину, внушительно проговорил:

— Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, Дейл. Я взял на себя труд, несмотря на свою чрезмерную занятость, просмотреть все протоколы по делу Мэффри.

«Эге», — сказал про себя Дейл, ощущая все ту же непонятную внутреннюю дрожь.

— Нам не в чем упрекнуть себя, абсолютно не в чем. Все было утверждено авторитетнейшими инстанциями. И тем не менее в этой истории таится известная опасность. В настоящее время, когда через несколько месяцев предстоят выборы всеобщие и местные, малейшее предположение, пусть стократ неосновательное, что здесь имела место судебная ошибка, может стать роковым для всех причастных к этому делу. Вы знаете, что я баллотируюсь в парламент от консерваторов и, надеюсь, с немалыми шансами на успех. Но сейчас мной руководят не эгоистические соображения. Я думаю не только о своем и вашем будущем... Впечатление, которое это произведет при данной конъюнктуре, и особенно если эту дьявольскую штуку раздуют в скандал другие партии, подорвет доверие к системе правосудия, а заодно и к правительству. Вот почему я считаю совершенно необходимым замять это идиотское дело.

Спротт умолк, снова устремил на начальника полиции пристальный, проникновенный взгляд и протянул руку, давая понять, что аудиенция окончена. Когда Дейл вышел на широкую мостовую Квэдранта, животрепещущий вопрос уже не стоял перед ним. Мысль, его мучившая, как-то преобразовалась, приняла вполне определенную форму и, как шип, вонзилась в его от природы честное сердце.

Ничем не выдавая своих чувств, он упрямо бормотал себе под нос:

— Неужели? Неужели? Нет... Ничего тут быть не может.

Но собственный голос как-то уж очень вяло отдавался в его ушах, и, вновь обретя враждебную воинственность, он тем не менее решил действовать не так круто, как того требовал Спротт. Он будет следить за молодым Мэфри, но не тронет его, покуда тот не преступит закон.

Глава XX

Настала ночь со вторника на среду, промозглая, темная, с холодным, густо моросившим дождем. Душевное и физическое напряжение, владевшее Полом, когда он отправился в Бримлок-Хилл, сообщило его походке обманчивое спокойствие. Возле кабачка «Королевский дуб» он оказался вскоре после семи, внимательно осмотрев местность вокруг, перешел улицу и заглянул через незанавешенное окно в зал. Все, видимо, было в порядке, он рванул дверь, направился к столику, который обычно занимала Бэрт, и уселся.

Пол обвел глазами зал. Он был полон разве что наполовину: две девушки, видимо, горничные, болтали и хихикали со своими кавалерами, супружеская пара средних лет в чинном молчании пила пиво, два старых извозчика сражались в домино, окруженные болельщиками, какой-то большеголовый мужчина, смахивавший на лакея, сидел, углубившись в розовый спортивный листок. Пол решил, что ему нечего опасаться, — никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Он не спускал глаз с двери и вскоре увидел Луизу, которая шла прямо к нему.

Он вскочил и в знак приветствия протянул к ней обе руки.

— Луиза! Как я рад вновь видеть вас!

Она одарила Пола сдержанной улыбкой, слегка, точно заправская леди, пожала его руку своими затянутыми в перчатку пальцами и, жеманясь, села за стол. Ему бросилось в глаза,

что она намазана сильнее, чем в первый раз; ее шею обвивала ниточка голубых стеклянных бус; из-под браслета с брелком торчал вышитый, сильно надушенный платочек.

— Мне не следовало приходить сюда, — с упреком проговорила она, — после того как вы меня так надули. Наверно, отправились гулять с другой молодой леди.

— Нет, конечно, нет! — запротестовал он. — Кроме вас, меня никто не интересует.

— Разговорчики! Мужчины все на один манер. — Она взбила волосы над ушами и по-приятельски кивнула официанту. — Как обычно, Джек.

Пол нагнулся к ней.

— Беда в том, что я говорю серьезно. — Он выдавил восхищенную улыбку. — Вы сегодня прелесть как хороши!

— А ну вас! — Польщенная, она перестала дуться и, состроив лукавую гримаску, отхлебнула джина. Затем искоса посмотрела на Пола. — Думаете, я не знаю, чего вам надо. Только я девушка порядочная.

— Потому меня и влечет к вам.

— Легче на поворотах! Я не какая-нибудь недотрога, хоть и благородная барышня. Раз парень мне по душе, я куда хочешь с ним пойду. Если, конечно, он не поскупится. А у тебя как насчет постоянного заработка?

— Все в порядке, можешь не сомневаться. И ты ведь знаешь, как ты мне нравишься. — Под столом он прижался коленями к ее ногам.

— Что ж! — Она вдруг захихикала. — Немножко пошалить не так уж и плохо. Я знаю местечко, куда можно смотаться. Гостиница шикарная, конечно. Нам дадут большую комнату. Только не на всю ночь, ты уж на меня не пеняй. Мне надо быть дома в одиннадцать.

— Хорошо, — согласился он. — Кстати, я надеюсь, тебе не очень трудно было прийти сюда?

Она насторожилась.

— Почему ты спрашиваешь?

— Да ты же сама... в письме советовала мне соблюдать осторожность.

— Верно... советовала. — Она откинулась на спинку стула и отпила из стакана. — Мой хозяин... Знаешь, мистер Освальд щепетильничает насчет некоторых дел. Очень он принципиальный. Ты, наверно, о нем слышал? Чуть ли не первый благотворитель в Уортли. Что ни год, жертвует кучу денег на больницы, а зимой ставит киоски, где бедняков поят кофеем... за так... Они это называют «Столовка Серебряного Короля». Он мужчина неплохой, хоть и строгий. И со мной всегда обращается, как с леди, иначе я бы у них и не осталась.

— Значит, ты уже давно там живешь?

Бэрт самодовольно кивнула..

— Мне едва восемнадцать стукнуло, когда они меня к себе взяли. Не веришь? — спросила она с лукавым видом, положив ногу на ногу и оправляя юбку.

— Верю, конечно! — «Насчет возраста она подвирает», — подумал он. — Ты выглядишь так молодо.

— Правда?

— Меня удивляет, что ты не вышла замуж.

Польщенная, она самодовольно ухмыльнулась.

— И Освальды меня уговаривают. Ей-Богу, факт. Все время твердят, как бы хорошо было, если бы я обзавелась семьей; прочат меня за Фрэнка, ихнего рассыльного, или за Джо Дэвиса, торговца молоком. Оба — люди, конечно, солидные, только уже на шестом десятке. Можешь ты себе представить меня рядом с ними? Что ж, когда-нибудь, может, и соглашусь, кто знает? Но сейчас поди-ка, излови меня. Мне еще охота повеселиться. Ты меня осуждаешь?

— Нет-нет, — поспешил заверить Пол, пожимая ей руку.

Все, видимо, было именно так, как он предполагал. Сердобольные Освальды подобрали несчастную заблудшую девушку, сделали все от них зависящее, чтобы направить ее на путь истинный, даже подыскали ей добропорядочного, положительного жениха. И тем не менее глубокий надрыв гнезился в ее душе, горькая обида на жизнь. И вдруг Пол догадался, как обратить это в свою пользу и наконец доискаться того, что он искал. Подавляя охватившее его волнение, он пробормотал:

— Как все это странно! Такая красивая девушка достойна лучшей участи.

— Верно, — угрюмо согласилась она. — Я бы сроду не пошла в экономки, не стала бы вести хозяйство, если бы меня не уговорили. — При этих словах ее самодовольство исчезло, и от жалости к себе глаза наполнились слезами. — Что правда, то правда, миленок. Плохая мне досталась доля, и это после всего, через что я прошла.

Он притворился, что не понял ее.

— Ну можно ли жестоко обойтись с такой милой девушкой!

— Это ты так думаешь! А все оттого, что я сделала доброе дело, даже благородное.

Стараясь обуздать свое волнение, Пол сочувственно заметил:

— Люди часто страдают за добрые дела.

— Ты в самую точку попал. Ох, сначала-то все шло хорошо. Я во всех газетах красовалась, фотографии и так далее... на первой странице... Точно королева какая.

Луиза искоса на него посмотрела, как бы проверяя действие своих слов. Пол же рассмеялся с нарочитой недоверчивостью. Она немедленно отозвалась:

— Так я, по-твоему, вру? А? Сразу видать, что ты не знаешь, с кем разговариваешь. А тебе очень интересно было бы узнать, что когда-то... — Она прикусила язык.

— Я сразу понял, что ты шутишь. — Пол с улыбкой покачал головой.

Она побагровела, оглянулась через плечо и, пригнув голову чуть ли не к самому столику, прошептала:

— Это, по-твоему, шутка — подвести человека чуть не под виселицу?

— Нет, конечно, нет! — воскликнул Пол, пораженный и обрадованный. — Но только ты этого не сделала.

Луиза медленно склонила голову и залпом осушила вторую порцию джина.

— Именно это я и сделала.

— Речь шла об убийстве?

Она опять кивнула, с гордостью даже, и протянула стакан бармену, чтобы он снова наполнил.

— Если бы не ваша покорная слуга, они бы никогда до него не добрались. Я была гвоздем программы.

— Ну и ну! — восхищался Пол. — Никогда бы не подумал...

— Вот тебе и урок. — Луиза грелась в лучах его неприкрытой лести. — Теперь будешь знать, с какой леди ты тут сидишь. А я могла бы тебя удивить еще куда больше.

— Что ж, я слушаю.

Она бросила на него лукавый и нежный взгляд.

— Хорошо уж, скажу, господин Хочу Все Знать: ты мне что-то приглянулся... Может, оттого, что вид у тебя джентльменский. И потом столько прошло времени... Теперь уже никому от этого вреда не будет. Ладно, чокнемся: ваше здоровье и — благополучие... Так вот, у вашей покорной слуги за пазухой припрятано кое-что интересненькое... Ну, например... Слышал ты когда-нибудь о такой штуке, как зеленый велосипед?

— Зеленый велосипед?

— Да, да, милоч. Ярко-зеленый. — Она захихикала. — Зеленый, как травка.

— Я и не знал, что такие бывают.

— Вот так все они говорили на суде. Смеялись, когда какой-то старикашка божился, что видел человека на зеленом велосипеде. Но я бы им спеси поубавила. Я много чего знала, когда была девчонкой... потому что только и делала, что околачивалась на улице. Знала и насчет зеленых велосипедов.

Луиза задумалась, а Пол скептически рассмеялся:

— По-моему, ты все это выдумываешь.

— Что?! — Кровь бросилась ей в лицо от негодования. — Врунней я не была и не буду. Как раз в то время в Элдоне имелся клуб велосипедистов. Члены его называли себя кузнечиками. Для форсу, да еще чтобы это название оправдать, они и постановили все свои велосипеды красить в ярко-зеленый цвет.

— Кузнечики? — переспросил Пол с напускным безразличием. — Значит, человек, которому принадлежал тот велосипед, был членом клуба?

— Ясно. Да и еще был немножко франтом, — ответила Бэрт с понимающим кивком. — У этих вкусы были прихотливые... и кошельки тоже... Они у них были из человеческой кожи. Ты, я вижу, поражен?

Пол отчаянно старался скрыть степень своей заинтересованности. Он знаком попросил бармена снова налить Луизе.

— Конечно, поражен.

— Ну а теперь я тебя спрошу, парень: у кого, скажи на милость, мог быть такой кошелек?

— У сумасшедшего!

— Иди ты! А как насчет студента-медика, который вскрывает трупы для анатомии?

— Бог мой! — воскликнул Пол.

Ему и не снился такой вывод, но сейчас он вдруг понял, что иного и нельзя было сделать. В Королевском колледже, вдруг вспомнилось ему, несколько наглицов студентов частенько приносили куски эпидермы из анатомического театра, дубили их и делали различные сувениры.

Наступило напряженное молчание. Пол попросту не в состоянии был говорить. В восторге от того, что ее рассказ произвел такое впечатление, Бэрт хихикнула и глотнула джина. Она уже слегка покачивалась на своем стуле.

— Если я захочу, у тебя волосы встанут дыбом. Например, вот... парень, который угодил к ним в западню, был женат. И все девчонки, что служили в цветочном магазине, куда он иногда заглядывал, знали об этом, включая Мону. Мона — это молодая женщина, которую потом убили. Я о ней все знаю и скажу тебе наверняка — никогда бы она не связалась с женатым мужчиной. Слишком была себе на уме и очень гналась за хорошей партией... Короче говоря, мужчина, с которым она путалась и который ее втянул в эту беду... был холостяк. Вдобавок она была, извини за выражение, брюхата — добрых четыре месяца. А парень, которого они закатали, знал ее каких-нибудь шесть недель. И уж, конечно, ни сном, ни духом не был виноват в ее положении. Того, что они ему в вино поставили, вовсе и быть не могло.

Пол закрыл глаза рукой, чтобы не выдать чувств, сотрясавших его. Хриплым голосом он пробормотал:

— Почему же, почему это не вышло наружу?

Бэрт расхохоталась:

— Меня не спрашивай. Спрашивай тех, кто этим делом верховодил. Был там один судейский, так он всех их обкрутил, от мала до велика...

Каждое ее слово указывало на этого человека — Спротта. Пока еще оставаясь в стороне, невидимый, он был вездесущ, был главным персонажем дела, силой, которая безжалостно бросила отца Пола в Каменную Степь, в могилу для тех, кто еще не умер. Впервые в жизни Пол познал ненависть. Страшный, жгучий вопрос уже готов был слететь с его языка, когда он придвинулся к Луизе.

Но в это самое мгновение с ней произошла удивительная перемена. Ее пухлые щеки стали изжелта-серыми, в глазах отразился панический страх.

— Извини, пожалуйста, — пробормотала она, запинаясь. — У меня вдруг закружилась голова.

— Выпей еще, — предложил Пол. — Я велю подать.

— Нет... Фу... как глупо... Мне надо выйти.

— Нет-нет... давай еще повременим.

— Мне надо идти.

Пол в растерянности закусил губу. С ума можно сойти! Сейчас, когда он уже подвел Бэрт к основному, самому важному признанию, разговор прерывается таким дурацким образом. Будь что будет, а ему нельзя от нее отстать. Подавшись вперед, он тихо спросил:

— В чем дело?

— Шпик.

Пол через плечо посмотрел на человека с тяжелым лицом за соседним столиком. Подсознательно он все время ощущал присутствие этого типа в темном костюме, увлеченного чтением беговых новостей. За последние двадцать минут он ни разу даже не перевернул сложенную вдвое розовую газетку, наполовину закрывавшую его неподвижное лицо. Но сейчас он потихоньку положил ее на стол и оказался сержантом Джаппом.

Пол овладел собой и снова повернулся к Бэрту.

— Я пойду с вами. Здесь и вправду жарковато. Глоток свежего воздуха — и вы почувствуете себя лучше.

Прежде чем Луиза успела возразить, он подозвал официанта и расплатился. Волнуясь и бросая вороватые взгляды на соседний столик, она собрала свои вещи и надела пальто. Они встали. В то же мгновение встал и сержант Джапп. Ни на кого не глядя, он сунул в карман сложенный розовый листок и, опередив их, вышел из бара.

Каждый нерв в Поле натянулся, как струна. Сейчас, когда он выйдет с Бэртом на улицу, не ляжет ли чья-то рука на его плечо, не потащат ли его снова в полицию, припаяв ему какое-нибудь высосанное из пальца обвинение? О нет, он этого не потерпит. Он впился взглядом в темноту. Вот полицейский стоит посреди улицы, ждет чего-то, не сводя глаз с двери. Схватив под руку обессилевшую Бэрт, Пол двинулся с нею вперед.

— Одну минуту!

Пол обернулся и увидел сержанта, подходившего к ним с ничего не выражающим лицом.

— Я давно наблюдаю за вами. Вы пристаёте к этой молодой особе.

— Ложь!

— Так ли? — Сержант обратился к Бэрту: — Скажите, этот парень не преследует вас?

Пауза. Бэрт испускает тяжелый вздох и визжит:

— Да, да!.. Он меня просил пойти с ним... ну и так далее... а я не соглашалась.

— Отлично! Марш отсюда, живо!

Бэрт пустилась наутек, а Джапп укоризненно взглянул на Пола.

— Вот видите! Теперь слушайте меня, Мэфри: арестовывать я вас не собираюсь. Но вы получили второе предупреждение. Надеюсь, у вас хватит ума это учесть.

Вместо облегчения Пол ощутил прилив бешеной ярости. Это снисхождение снести было труднее, чем явную несправедливость. Он не стал ждать. Бежать следом за Бэртом уже не имело смысла. Часто дыша, он пошел в темноту и скрылся за углом.

Миновав три довольно тихих перекрестка, Пол переулками вышел на деловую оживленную Мэрион-стрит. Здесь он сбавил шаг и смешался с людским потоком, который лился по широким тротуарам в направлении моста и центра города. Толпа состояла преимущественно

из женщин; поодиночке или парами, взявшись под руки, они, не спеша, прогуливались по бульвару, обсаженному пыльными деревьями, и, освещенные голубоватым светом высоких электрических фонарей, бросали призывные взгляды на мужчин.

По мере того как он продвигался вперед, до боли стиснув зубы и короткими глотками втягивая воздух, ярость его все возрастала. Сейчас он избежал опасности, но контакт с Бэрт безнадежно оборван. Никогда ей не забыть этого испуга. Проклятия срывались с его губ. Сознание, что за ним шпионят, непрестанно ему угрожают, на каждом шагу чинят препятствия, разжигало огонь, тлевший в его груди.

Добравшись наконец до Пул-стрит, он разделся и, смертельно усталый, повалился в постель. Придут ли они сюда искать его? Скорее всего нет. Что было, то прошло. Конечно, они не преминут зачесть ему сегодняшний случай, но вряд ли решатся его использовать как предлог для ареста. Он сам не знал, прав он или не прав, только ему казалось, что полиция задалась целью напугать его и выжить из Уортли. Но если даже они и придут, ему наплевать. Пол закрыл глаза и тотчас погрузился в тяжелый сон.

Глава XXI

Проснувшись на следующее утро, он ясно понял, что дал ему вчерашний вечер. Хотя его беседа с Бэрт и была прервана, ему все же удалось выпытать у нее ряд фактов, из которых наиболее существенным было то, что касалось зеленого велосипеда и кошелька из человеческой кожи. Основательно поразмыслив, Пол решил: если владелец кошелька был студентом-медиком, то теперь он почти наверняка уже доктор. Просмотрев медицинский справочник и старый список членов «Клуба кузнечиков», можно, пожалуй, будет установить его личность.

Пришпоренный новой надеждой, Пол вскочил с постели. Был уже девятый час, а значит, он встал на пятнадцать минут позже обычного. Он побрился, оделся, наскоро проглотил завтрак и помчался на работу. Херрис дожидался его у дверей. Странно, он никогда не приходил в «Бонанзу» раньше десяти.

— Вы опоздали. — Херрис шагнул вперед и загородил ему дорогу.

Пол взглянул на большие часы в глубине помещения. Они показывали шесть минут десятого. Покупателей еще не было, только продавцы, и почти все они, включая Лену, не сводили глаз с управляющего. Лена казалась очень расстроенной.

— Прошу прощения, — пробормотал Пол. — Я сегодня проспал.

— Никаких объяснений! — Херрис явно старался распалить себя. — Есть у вас какое-нибудь оправдание?

— Оправдание? — Пол удивленно посмотрел на управляющего. — Я опоздал всего на шесть минут.

— Я спрашиваю: есть у вас оправдание?

— Нет.

— В таком случае вы уволены. Мы не нуждаемся в людях, которыми интересуется полиция.

Не дав Полу и слова сказать, он повернулся и пошел к себе в кабинет. Продавцы засуетились

у прилавков, все, кроме Лены: она стояла у своей стойки, бледная и растерянная.

Оскорбленный до глубины души, Пол вышел из «Бонанзы». Когда он шел по Уэйр-стрит, ему показалось, что за ним следят.

Сначала, обуреваемый негодованием, он бесцельно мчался по оживленным деловым кварталам города, смешиваясь с толпой, наводнявшей тротуары. Но постепенно пыл его остыл, и он успокоился. Освободившись от тирании ненавистного пианино, он сможет наконец-то продумать и проанализировать все, что узнал вчера вечером.

Он вошел в телефонную будку и через справочное бюро узнал, что Велосипедно-туристический клуб помещается на Леонард-сквер, шестьдесят два. Через десять минут он уже отыскал это здание и под позолоченным изображением крылатого колеса прошел к столу справок в увешанном географическими картами помещении.

Секретарь, женщина средних лет, без особого удивления отнеслась к его запросу и, взяв с полки справочник, привычной рукой стала листать его. Но ее поиски оказались напрасными.

— Нет, такой клуб у нас не числится. Может быть, он не был официально зарегистрирован.

— Не знаю, — признался Пол. — Кроме того, возможно, что он больше не существует. Но я должен все узнать о нем. Прошу вас, помогите мне! Это очень важно.

Наступила пауза.

— У меня самой нет времени, — сказала она. — Но если это так важно, я могу дать вам наши старые книги. Там-то он уж должен значиться.

Она провела Пола в маленькую комнатку по соседству и показала на полку, сплошь уставленную конторскими книгами с зелеными и желтыми картонными корешками.

Оставшись один, Пол перелистал все справочники и годовые отчеты за двадцать лет. На эти дотошные поиски у него ушло добрых три часа. О «Клубе кузнечиков» нигде не было ни слова.

Разочарованный, но по-прежнему полный решимости, он мобилизовал всю свою способность к логическому мышлению и сделал вывод, что если такой клуб действительно существовал, его члены, несомненно, приобретали свои машины в каком-нибудь здешнем магазине. И поспешно выйдя из Велосипедно-туристического клуба, он предпринял систематический обход всех магазинов города, торгующих велосипедами.

Но всякий раз его ждало разочарование: он наткнулся лишь на полное неведение, равнодушие, насмешку, а кое-где и на грубую брань. Никто и слыхом не слыхал об учреждении, которое он разыскивал, некоторые же подозревали, что он попросту их разыгрывает. Поначалу, находясь в возбуждении, он полагал, что стоит разыскать члена старого велосипедного клуба, который в то время был студентом-медиком, — и его задача выполнена. Теперь же, окончательно упав духом, он говорил себе, что вся эта история — миф, плод извращенной и больной фантазии Бэрт.

В четыре часа пополудни, изрядно приунывший и усталый, он добрался до Элдона в поисках последнего магазина, значившегося в его списке, который на поверку оказался небольшим гаражом, принадлежавшим некоему Джоз Стивенсону. Собственно, это заведение было чем-то вроде заправочной станции, только чуть побольше, с двумя ручными бензонасосами, но во дворе за сараем он заметил несколько подержанных велосипедов, выставленных то ли на продажу, то ли для проката. Все это выглядело отнюдь не обнадеживающе; с минуту Пол стоял, не зная, что предпринять, но потом все-таки решился и подошел к человеку в рабочем

комбинезоне, который поливал из шланга бетонированную площадку.

Теперь Пол уже задавал вопросы без обиняков, как-то даже повелительно. Ожидая ответа, не менее резкого, он вдруг с удивлением заметил внимательное выражение на лице хозяина гаража. Тот ответил не сразу — сначала закрыл водопроводный кран, потом задумчиво посмотрел в глаза Полу.

— Кузнечики... — повторил он. — Надо подумать, что-то такое я слышал от отца.

— Правда?

— Да-да, в то время у нас была только продажа велосипедов — гараж я здесь устроил уже после его смерти. Он как будто чинил машины для членов этого клуба. Они пользовались «Нью-Гудзонами»... крашенными в зеленый цвет.

— В таком случае, вам, наверно, известно, кто были члены этого клуба.

— Мне — нет. — Хозяин улыбнулся. — Я тогда был еще мальчишкой.

— Но ваш отец, вероятно, сохранил... какие-нибудь документы... расписки... адресную книгу... хоть что-то.

— На него это непохоже. «Деньги на стол!» — вот был его девиз!

— Но, возможно, у него имелся список членов... протоколы... отчеты о заседаниях...

— Сомневаюсь. Насколько я понимаю, это была какая-то неофициальная затея, дань моде, так сказать. Просто молодые люди хотели поразвлечься... И все это продолжалось недолго.

Оба замолчали. Пол, на крыльях надежды вознесшийся было в заоблачные выси только для того, чтобы быть низринутым в бездну, старался побороть в себе приступ отчаяния.

— Когда выберете время, поройтесь в бумагах, оставшихся после вашего отца, и, если найдете хоть какое-нибудь упоминание о клубе, пожалуйста, дайте мне знать. Я буду вам бесконечно признателен.

Твердым голосом Пол назвал свое имя и адрес, взял карточку, которую хозяин гаража протянул ему, пробормотал несколько слов благодарности и отправился обратно в город.

Измученный бесполезными усилиями, вконец подавленный, он сбился с дороги и неожиданно для себя оказался в Гров-Квэдрант, квартале, застроенном величественными особняками. Он с трудом тащился мимо них и, как сквозь дымку, читал названия на столбах у входа: «Тауэрс», «Уортли-холл», «Поместье Робин Гуд» — все пышные и громкие. И вдруг над почтовым ящиком, висевшим на солидной чугунной ограде, он заметил простую медную дощечку. На ней стояло только имя владельца: «Сэр Мэтью Спротт».

Пол, казалось, прирос к земле, не в силах оторвать глаз от блестящей медной дощечки, от сада и великолепного дома, утопавшего в зелени; в лице его не было ни кровинки. Вот дом прокурора: он теперь отождествлял Спротта с понятием «прокурор». Сейчас, когда Пол вдруг очутился в непосредственной близости от этого человека, со дна его души вновь поднялось то смутное ощущение, которое подтвердил Суон: Спротт всему виной.

Человек недюжинного ума, крупнейший законник, в совершенстве владеющий техникой ведения процесса! Как же могло случиться, что он пренебрег уликами столь первостепенной важности, как зеленый велосипед и кошелек из человеческой кожи, не принял во внимание срока беременности убитой? Или то было преднамеренное упущение? Неужто мог этот человек, сознательно игнорируя факты, говорившие в пользу обвиняемого, опереться лишь

на те, которые были для того гибельными? Мог, взяв на себя роль Мефистофеля, подавить слабого, неискушенного противника и добиться обвинительного приговора, зная, что этот приговор несправедлив? И это они называют законом?

Буря гнева и негодования поднялась, комком подкатила к горлу. Пол весь дрожал при мысли, что сейчас может распахнуться вот эта дверь, прокурор выйдет из нее и они столкнутся лицом к лицу. Ему вдруг захотелось бежать. Но ноги его словно налились свинцом, он схватился за ограду, чтобы не упасть. Передохнув и собравшись с силами, он все-таки потащился прочь и опомнился уже в густой толпе на улице у подножия холма.

Вернувшись к себе, он швырнул пальто на кровать и нервно зашагал из угла в угол. Наконец-то выяснилось, что в словах Бэрт была доля правды. Но невозможность действовать и обернуть эту правду в свою пользу сводила Пола с ума. Он жаждал действовать — круто, без проволочек. С каждым мгновением его тревога становилась нестерпимее. И когда он почувствовал, что больше не выдержит, в дверь постучали. Он торопливо распахнул ее. Лена Андерсен стояла перед ним. Она была без шляпы, в свободном дождевом макинтоше. От пронзительного ночного ветра, а может быть, от быстрой ходьбы, ее белокурые волосы откинулись со лба, нежный румянец заливал щеки. Она продолжала стоять на пороге, — в ее широко раскрытых глазах застыл испуг, брови хмурились. Видимо, ей никак не удавалось побороть волнение.

— Пол... простите, что побеспокоила вас... Но я должна была прийти. Сегодня днем в «Бонанзе»... какой-то человек спрашивал вас.

— Да? — переспросил Пол неестественно напряженным голосом.

При внезапном появлении Лены взгляд его невольно просветлел. Но миг радости был тотчас отравлен ядом воспоминания о том, что сказал Херрис. Ему невыносимо было видеть ее сейчас, когда его положение так круто и позорно изменилось. Похоже, хоть и очень неприятно это думать, что она хочет одурачить его своей показной простотой. Бессознательно он весь сжался и произнес достаточно холодно:

— Войдите, прошу вас.

— Нет. Я должна сейчас же идти, — с волнением ответила Лена. — Как было гадко все, что сделал Херрис сегодня утром.

— У него, видно, были на то причины.

Она взволнованно и внимательно смотрела на него. Чуть повыше воротника застегнутого на все пуговицы макинтоша на ее белой шее пульсировала жилка.

— Вы уже нашли себе другую работу?

— Я и не искал.

— Что же вы будете делать?

Эта нескрываемая тревога еще больше разбередила его. Но он только пожал плечами.

— Не беспокойтесь обо мне. Все будет в порядке. Так кто же это спрашивал меня? Из полиции?

— Нет-нет, — быстро проговорила Лена, губы ее при этом дрожали. — Какой-то странный маленький человечек. Мистер Херрис очень грубо обошелся с ним, ничего не хотел слушать и отказался что-либо сообщить о вас. Но мне потом удалось перекинуться с ним словечком. Это был мистер Прасти, Эшоу-террейс, пятьдесят два. Он просит вас зайти сегодня вечером.

— Сегодня?

— Да. В любое время. Он говорит, что это страшно важно.

Пол сдержанно поблагодарил и добавил:

— Вы оказали мне очень большую услугу.

— О, это пустяки... Я не считаю возможным вмешиваться... Но если я могу быть полезной...

Ее теплое участие было так очевидно, хотя она и старалась держать себя в узде, что он почувствовал неудержимую потребность во всем признаться ей. Но из этого опять ничего не получилось.

— Разве у вас недостаточно своих забот?

Она взглянула на него как-то странно, едва ли не вопросительно и склонила голову на грудь.

— Может быть, именно поэтому мне понятны и ваши.

Она ждала, замирая, ждала его ответа. Но так как он упорно молчал, сжала губы, словно подавляя вздох.

— Во всяком случае, будьте осмотрительны.

На секунду их взгляды встретились, потом она быстро повернулась и вышла.

И сразу же холод охватил его, чувство покинутости и злости на себя: почему он не сумел понапористее сказать, чтобы она осталась. Ему захотелось выскочить на площадку, вернуть ее. Но бой часов на складах вспугнул его. Пол стал считать: девять ударов. Не медля более, он надел пальто и шляпу. Спускаясь по лестнице, он все спрашивал себя: зачем он понадобился Прасти? Это внезапное приглашение так расходится с осторожностью табачного торговца. Хмурясь и ломая голову над этой загадкой, он торопливо зашагал в Элдон.

Глава XXII

Погода как раз переменилась, и ночь была холодная, пронизывающая. Свинцовое небо нависало над пустынными, притихшими улицами, печать студеного молчания, казалось, легла на город. Вскоре пошел снег. Сухие хлопья кружились в воздухе и, усталые, неслышно ложились на мостовую. Пол, осторожно ступая, прошел мимо запертой табачной лавки и свернул на Эшоу-террейс.

Табачник был дома и сидел, закутавшись в толстый шерстяной плед. Он долго вглядывался в Пола и, шумно выдохнув воздух в знак того, что узнал его, распахнул дверь. Пол вошел, тщательно отряхнул снег с башмаков. Гостиная была все такая же — темноватая и пыльная, насквозь пропитанная запахом сигар, и отблески газовых рожков все так же ложились на овчину в углу. С мороза воздух здесь казался тяжелым и спертым.

— Зима нынче ранняя, — сказал Прасти, метнув на Пола пронзительный взгляд поверх пенсне. — Мои кости это чувствуют. Садитесь. Я как раз собираюсь ужинать.

Он налил Полу чашку своего неперменного кофе и ворчливо потребовал, чтобы тот разделил с ним кусок мясного пирога, купленного у булочника и разогретого на плите. Несмотря на эти

признаки радушия, Полу подумалось, что сегодня он здесь гость менее желанный. Табачник продолжал исподтишка его разглядывать и расспрашивать, казалось бы, вокруг да около, но его вопросы неуклонно били в одну точку, так что в результате он сумел достаточно подробно ознакомиться со всеми действиями Пола за последние недели.

От немедленного комментария он воздержался, но лицо его было сумрачно, когда он выбирал и закуривал сигару; потом он закашлялся спазматическим кашлем курильщика и, нахмутив кустистые брови, повернулся к огню.

— Так вот оно что, — протянул он, продолжая хмуриться. — Значит, неудивительно, что мне почудилось, будто эта история оживает вновь. Все эти годы она была погребена... А теперь — словно ты приложил ухо к земле и слышишь слабый шорох в могиле.

Он помолчал. Потом ровным голосом продолжал:

— Тем не менее покров еще не сорван, хотя есть уже известные знаки и симптомы... вернее даже — приметы и предзнаменования... к лучшему или худшему, я, конечно, не знаю, но чувствую, каждой своей жилкой чувствую, что близится воскресение из мертвых. Даже здесь, в комнате, это чувствуется. — Его взор обратился кверху. — И в комнате над нами.

От зловещих пророческих ноток в голосе Прасти дрожь прошла по телу Пола, но он справился с собой и взглянул на потолок.

— Она все еще не занята?

Табачник утвердительно кивнул.

— Да, пустует по-прежнему. Я же вам говорил, что со времени убийства никто не жил в ней.

Пол заерзал на стуле, тревога снедала его. Надо выпытать у Прасти, что же дальше, выпытать во что бы то ни стало!

— Вы о чем-то умалчиваете. Скажите, мои действия получили огласку?

— Да, кое-что разнеслось по городу, — подтвердил Прасти. — Прошел шепоток. И эхо его достигло мест весьма отдаленных. Поэтому я и попросил вас ко мне прийти.

Пол накрепко сцепил руки, чтобы они не дрожали, и придвинулся к Прасти.

— В прошлую пятницу ко мне сюда на квартиру зашел какой-то человек. Меня дома не было, я уходил по делам, но миссис Лоусон — она два раза в неделю приходит сюда убирать — как раз оказалась дома. Она простая, вполне здравомыслящая женщина, испугать ее не так-то просто. И тем не менее она чуть в уме не тронулась от испуга.

Прасти взглянул на Пола.

— Вы хотите, чтобы я продолжал?

— Да.

— Это был человек без возраста. Может быть, молодой, а может быть, и старый. Он выглядел сильным, но и больным тоже. Одежда на нем была, видимо, с чужого плеча. Лицо суровое и бледное. Голова наголо обрита. Миссис Лоусон клялась и божилась, что это каторжник.

— Кто бы это мог быть? — У Пола пересохли губы.

— Бог его ведает. Я не знаю. Но голову даю на отсечение, что он явился из Каменной Степи.

Имени своего он не назвал. Прежде чем уйти, он оставил записку.

Прасти нарочито медленно достал из кармана пиджака малюсенькую скрученную бумажку, развернул ее и передал Полу.

На желтоватом клочке были нацарапаны какие-то слова. Пол читал их и перечитывал: «

Бога ради, не дайте им вас остановить. Разыщите Чарлза Кэслза в Лэйнзе. Он вам скажет, что надо делать ».

Что это значило? Кто написал эту страшную записку? С чьих губ сорвался этот крик отчаяния? Пол окаменел от осенившей его безумной догадки. Нет, этого не может быть. И все же, пусть чудом, но это так. Что, если этот клочок бумаги побывал в руках его отца и потом прошел много тайных, неведомых путей, покуда каторжник, получивший свободу, крадучись не доставил его в этот дом.

Словно электрический ток пробежал по телу Пола. В этом роковом призыве для него заключался новый стимул, приказ неуклонно идти вперед. С трудом переводя дыхание, он сложил листок и спросил Прасти:

— Могу я взять это себе?

Табачный торговец, предпочитая оставаться в стороне, кивнул в знак согласия.

— Я рад от него избавиться. Мне совсем не хочется быть замешанным в такого рода истории.

В комнате царил полумрак. Только газовый камин отбрасывал красноватые отблески на ковер. Тишина за окном сделалась еще плотнее, снег толстым слоем залепил стекла. Погруженный в свои думы, с сердцем, трепещущим от новой надежды, Пол сидел не шевелясь.

Внезапно среди мертвой тишины до них явственно донесся звук шагов наверху.

Пол окаменел, но затем, правда, всего на мгновение, решил, что это ему померещилось. Нет, снова и снова раздавались шаги, гулкие, до ужаса равномерные.

Это странное явление в сочетании с мыслями, которые проносились сейчас в его мозгу, приобретало страшный, роковой смысл. Волосы у него встали дыбом, он поднялся, не в силах оторвать взор от потолка. Прасти тоже выпрямился на стуле и с не меньшим напряжением смотрел вверх.

— Вы говорили, что квартира пустует, — прошептал Пол.

— Клянусь вам, это так, — отвечал Прасти.

С несвойственной ему живостью он вскочил и выбежал через переднюю на лестницу. В то же самое время послышался скрип двери наверху и чьи-то шаги вниз по лестнице. Пол уже хотел бежать вслед за Прасти, но какой-то возглас, похожий на возглас облегчения, раздался со стороны площадки и заставил его остановиться на полдороге. Каждый нерв трепетал в нем, когда он вслушивался в тишину за дверью. Сначала до него донеслось «Здравствуйте», произнесенное незнакомым голосом, потом голос Прасти, звучавший уже в обычном ключе. За этим последовал какой-то тихий разговор, и наконец оба голоса любезно пожелали спокойной ночи.

Прасти вернулся, отирая пот со лба. Он прикрыл за собою дверь, зажег газовую лампу и с видом несколько глуповатым воскликнул:

— Это был наш хозяин! Наверху протекла крыша — ветром сорвало несколько черепиц... Он ходил посмотреть, как обстоит дело. — Прасти плотнее закутался в плед. — Когда сидишь в темноте, бог весть что может померещиться. Я дал волю воображению.

— Но вы же не выдумали этот клочок бумаги?

— Нет, — сказал Прасти. — Но когда я услышал шум и потом осознал, что мчусь вверх по лестнице... Бог мой, это было в точности, как пятнадцать лет назад. Ну, хватит! Выпейте-ка еще чашечку кофе.

Пол поблагодарил и отказался. Ему не сиделось на месте. Блеклые слова на клочке бумаги жгли его сквозь карман, как раскаленное железо. О зеленом велосипеде и кошельке из человеческой кожи, которые еще несколько часов назад представлялись ему столь важной уликой, он сейчас и думать забыл. Последнее событие заслонило все остальное.

Путаные, лихорадочные мысли теснились в его мозгу, когда он торопливо шел к себе, на Пул-стрит. Возможно ли, что эта душераздирающая записка спровоцирована его крутыми действиями? Или же слух о неудачной попытке Берли таинственным образом просочился сквозь неприступные стены тюрьмы? Прерывистый, болезненный вздох вырвался из груди Пола — такое нелегко вынести. Но теперь он наконец получил приказ — прямой, властный, и он его выполнит.

Глава XXIII

— Прошу прощения, но вы уже целую неделю задерживаете плату за квартиру, — ранним утром, едва только Пол успел одеться, послышался голос его хозяйки.

— Мне сейчас трудновато приходится, миссис Коппин. Не будете ли вы так добры подождать до следующей субботы?

Она стояла в дверях и, придерживая на своей плоской груди засаленную шаль, недоверчиво разглядывала Пола. Она знала, что он потерял работу, но хотя сердце у нее было незлое, постоянная борьба за существование сделала для нее сочувствие роскошью, которую она не могла себе позволить.

— От меня это не зависит, — произнесла она наконец. — Но до завтрашнего вечера так и быть подожду. Если вы не устроитесь на работу, вам придется съехать, а ваши вещи я буду вынуждена задержать.

Пол не намеревался искать постоянную работу, в кармане же у него оставалось всего десять шиллингов. Но и вводить хозяйку в убыток тоже не хотел. Когда она ушла, он открыл чемодан, произвел смотр своему имуществу, включавшему серебряные часы с цепочкой. Если она продаст их, его долг, пожалуй, будет покрыт. Помимо того, что было на нем, он взял только бумаги, относящиеся к «делу», и бережно положил их в карман пальто. В последний раз окинул взглядом комнату и вышел из нее. Навсегда.

Часам к десяти Пол добрался до наиболее старинной части Уортли — Фэйрхолл-лэйнз; здесь в средние века располагался военный лагерь и двор для турниров, впоследствии превращенный в ярмарочную площадь. В конце девятнадцатого века площадь застроили многоквартирными дешевыми домами для рабочих — признак викторианской индустриальной эры. Теперь эти дома превратились в трущобы, и квартал справедливо считался самым неприглядным в городе — сеть узких извилистых улочек с высокими полуразвалившимися

зданиями по сторонам. Пол вдоль и поперек исколесил эти закоулки, безуспешно разыскивая человека по фамилии Кэслз. Вечером стал накрапывать дождь. Ничего не добившись, Пол отправился в глубь злополучного квартала и за девять пенсов получил право переспать в ночлежке.

Здесь все выглядело еще более убого, чем в меблированных комнатах Харта, где он однажды ночевал: большое, вытянутое в длину помещение с голыми дощатыми стенами на втором этаже, куда приходилось взбираться по ветхой деревянной лестнице. Вместо кроватей — провисшие полосы изодранной мешковины на длинных толстых веревках, протянутых через всю комнату. На другом конце — грязная кухня, где в облаках прогорклого чада толпились какие-то оборванцы, вооруженные сковородками и банками из-под консервов; они орудовали локтями и толкались, прокладывая себе дорогу к плите.

Поглядев на эту толпу, Пол, не раздеваясь, повалился на койку и натянул на себя изношенное серое одеяло.

— Не хочешь ли пообедать, приятель?

Пол обернулся. На соседней койке, опираясь на локоть, полулежал маленький человечек с забавной морщинистой физиономией; перед ним стоймя стояли два замызганных бумажных кулька. Одет он был в обтрепанное пальто, грязные прохудившиеся парусиновые туфли, из которых торчали лоскуты бурой оберточной бумаги и какого-то тряпья, да еще на шее у него был повязан клетчатый шарф. Его маленькие блестящие, как бусинки, глаза впились в Пола, а костлявые пальцы, быстро сунувшись в один кулек, вытаскивали оттуда «чинарик», разминали его и тут же ссыпали табачную крошку в другой — сноровку в этом деле он проявлял исключительную.

— Я, приятель, могу состряпать обед на двоих, если, конечно, у тебя найдется из чего стряпать.

— Очень сожалею, — отвечал Пол, — но я немного перекусил, прежде чем прийти сюда.

— Эх, и счастливчик же ты, приятель. Я лично мог бы сожрать быка, — добавил он, осклабившись, — с рогами и всем прочим.

Покончив со своим занятием, он завязал уже полный кулек и бережно убрал его под рубашку, а из остатков скрутил папиросу и заложил ее за ухо. Затем он встал, маленький, юркий, окинул Пола понимающим взглядом, кивнул в сторону надписи «курить запрещается» и весело проследовал в отхожее место.

Когда он опять улегся, Пол повернулся к нему.

— Я ищу Кэслза. Вы случайно не знаете такого?

— Чарли Кэслза? Конечно, его все знают.

— Где мне его найти?

— Сейчас его нет в городе. Уехал, верно, по делам. Вернется через несколько деньков. Если опять не влипнет. Погоди, я тебе свистну, когда он объявится. — Он многозначительно помолчал. — Ты знаешь, кто он есть?

Пол отрицательно покачал головой.

— Нет.

Его сосед нервно расхохотался.

— Ну, так узнаешь, приятель.

— Скажите мне... — начал Пол.

— Отчего же не сказать. — Маленький человек пожал плечами. — Прожженная бестия, пробы ставить некуда... И на скачках мухлюет и на бегах... а в свободное время скупает краденое. Много лет просидел в тюрьме. За грабежи, за насилие и за другие хорошие дела... Сейчас его после отсидки выпустили на поруки. Можно сказать, кадровый каторжник. Он когда-то был человек самостоятельный, ну, а теперь скатился на самое дно.

— Понимаю, — сказал Пол. — А в какой тюрьме он сидел?

— В Каменной Степи.

У Пола перехватило дыхание.

Меж тем шум в спальном помещении все возрастал — крики, ругань, взрывы хохота. Кто-то заиграл на губной гармошке. Относительная тишина водворилась лишь около полуночи. Пол уснул беспокойным сном.

В шесть часов утра происходила побудка. Делалось это очень просто: один из канатов отвязывали и парусиновые койки сами собой падали. Тех, что продолжали спать, свалившись на пол, живо приводил в чувство сапог хозяина. Когда их всех спровадили на улицу, в холодную мглу раннего утра, ночной сосед, не отстававший от Пола, указал ему на близлежащую закусную; стоя в очереди, он притопывал ногами в драных теннисных туфлях, поплевывал на свои красные руки, и с лица его не сходило комическое выражение ожидания.

— А как насчет кружки горяченького? Может, ты раскошелишься? У меня в кармане только блоха на аркане.

Разменяв один из своих последних шиллингов, Пол взял для него чашку кофе и булочку.

Имя его было Джерри. Джерри Ишак прозвали его приятели. Ухмыляясь так, что все его лицо пошло морщинами, он отрекомендовался специалистом-попрошайкой. Уже много лет он не имел постоянной работы, но зато знал, где и как можно добыть себе чего-нибудь на пропитание.

— В основном я «окурочник», — объявил он и для пояснения добавил, что собирает окурки по помойкам, а затем продает смешанную табачную крошку по три шиллинга шестьдесят пенсов за фунт; в плохую погоду дела у него, конечно, идут неважно, и сегодня, например, он решил немножко подработать в качестве сэндвичмена. И тут же предложил Полу отправиться вместе с ним.

Пол хотел было отказаться. «Но почему бы, собственно, и не пойти?» — подумал он. Чтобы разыскать Кэслза, надо дружить с этим чудаком. Да и полиция не станет его разыскивать здесь, в трущобах. В кармане у него почти пусто, а перебиваться как-то надо. И вместе с Джерри он зашагал в направлении Дьюкс-роу.

У входа в проулок, который вел к развалинам замкового двора, украшенным вывеской «Лэйнзская рекламная компания», они стали в хвост очереди, состоящей сплошь из мужчин и выстроившейся вдоль деревянного забора. Через час с небольшим ворота открылись, впустив первых двадцать человек, среди них Пола и его нового товарища.

Во дворе стояли выстроенные в ряд рекламные щиты со свеженаклеенными красно-желтыми афишами театра «Палас». Пол сделал то же, что делали другие: подошел к одному из щитов, поднял его на плечи и двинулся обратно к воротам. За воротами вся шеренга перестроилась,

и Пол поплелся за Джерри Ишаком.

Весь день напролет это шествие, извиваясь, ползло по наиболее оживленным кварталам города. Тяжелые щиты проявляли упорную тенденцию дубасить по спине тех, кто их нес. Но к пяти часам они вернулись на Дьюкс-роу, где каждый получил по два шиллинга и девять пенсов за свой труд. Когда Пол и Джерри вышли из ворот, последний заметил:

— Теперь можно и подкормиться. — И, радостно улыбаясь, потащил Пола в ближайшую столовку.

Всю эту неделю изо дня в день Пол носил щиты с афишами. Это была унижительная работа — для того чтобы сэндвичмены привлекали больше внимания, им полагалось надевать на себя что-нибудь старомодное и дурацкое: однажды Пола, как, впрочем, и других, отправили «на прогулку» в измятых цилиндрах. Около полудня, шествуя по Уэйр-стрит, он заметил идущую навстречу Нэнси Уилсон, одну из продавщиц в «Бонанзе»... Он быстро опустил голову, но она успела его узнать; недоумение и ужас отразились на ее лице.

Полу было все равно. На деньги, которые ему платили, он кое-как существовал: девять пенсов шли в уплату за ночлег, остаток расходовался на покупку съестных припасов. Поскольку пища, приготовленная на кухне в ночлежке, обходилась дешевле, Пол, по совету Джерри, купил у хозяина заведения подержанную сковородку. Самое дешевое мясо, если поджарить его с луком, право же, служило сытным ужином.

Ночлежка давала пристанище людям отверженным, беззащитным, выходцам из трущоб Уортли. Ни один из них не имел постоянной работы, даже наиболее «преуспевающие» находились в полной зависимости от случайного заработка. Придет по каналу караван барж для загрузки, решит городское управление проложить новую сточную трубу или пурга наметет груды снега на мостовых — вот, как говорил Джерри, они и сыты. Некоторые занимались и вовсе странным ремеслом. Тряпичники, например, или «бутылки-банки» и помоечники — молчаливые фигуры в вонючих отрепьях, которые, согнувшись в три погибели и уставясь в землю, рыщут по всем помойкам города в надежде обнаружить бесценное сокровище — бутылку, чашку, выброшенную за ненадобностью, или ржавый металлический брусок. Чудную компанию составляли и уличные актеры. Был среди них акробат, который на потеху обитателей ночлежки ел сосиски, зажав их между пальцами ног; или злобный старикашка «слепой скрипач» — этот каждый вечер, сняв синие очки и поставив в угол палку, которой он, надрывая сердце проходим, ощупывал дорогу на улице, ложился на койку и с удовольствием погружался в чтение «Курьера»; и еще вокалист, развлекавший своим пением очереди у театров, пылкий дублинец, для которого не существовало лучшего ужина, чем горячая «картоха» с селедкой. И, наконец, там обитали калеки — безногий человек, передвигавшийся на руках, симулянт-паралитик — болезненный юнец, который спекулировал на своих открытых язвах. Многие из них были испорчены до мозга костей, другие — тяжело больны. Скученные в низком, плохо проветривавшемся помещении, в лохмотьях, немые, они храпели, вскрикивали во сне, распространяли зловоние, в кромешной тьме мешавшееся едким смрадом отхожего места.

И как же быстро гибельная атмосфера ночлежки заразила Пола, озлобила, ввергла в отчаяние! Ему уже казалось, что он никогда не раскроет тайны; все больше томимый бездействием, он стал мечтать о решительном поступке, который раз и навсегда порвет узы, его опутавшие. Гнет несправедливости вконец истерзал его юную душу. Ночи напролет он проводил без сна, в тяжком раздумье. Горесть его возрастала день ото дня, заставляя все чаще возвращаться мыслями к тому, кто обрек на страдания его отца, — Мэтью Спротту.

В конце недели «Лэйнзкая рекламная компания» перестала посылать на улицы сэндвичменов. Выйдя со двора, Пол взглянул на Джерри; тот в ответ лишь передернул костлявыми плечами.

— Они часто отказываются от наших услуг и просто расклеивают афиши. Ладно, попытаем счастья на вокзале.

Они вдвоем отправились на вокзал и в течение двух дней украдкой от носильщиков, не допуская такого нарушения своих прав, носили багаж пассажиров. Гроши, полученные на чай, помогли Полу продержаться до субботы. Вечером этого дня, когда они входили в ночлежку, Джерри вдруг остановился и показал ему на какого-то человека — высокого, мускулистого, лет так сорока, с бледным узким лицом, маленькими глазами и небритым подбородком. Он был в коричневом костюме и котелке; темный длинный шарф болтался у него на шее.

— А вот, приятель, изволь! — воскликнул Джерри, впрочем, понизив голос. — Это Кэслз... Да смотри не больно-то ему доверяйся.

Глава XXIV

В тот же вечер в маленькой комнатке с окном во двор, снятой Кэслзом на соседней улице, Пол встретился с тем, кого так страстно ждал. Джерри оказался прав. Этот человек был образован и несомненно умен. В его внешности было что-то от юриста — длинная тощая физиономия клерка, мертвые глаза с желтоватыми белками, холодный взгляд человека, составившего на своем веку немало хитроумных исков. Но кем бы он ни был или мог быть в свое время, теперь — это не подлежало сомнению — он опустился на самое дно.

— Вы хотите узнать обо мне, — заметил он, так внезапно прочитав мысли Пола, что тот вспыхнул. — Не надо. Я более не существую. — Его мертвые глаза ничего не выражали, но бледные губы сложились будто для презрительного вопроса. — Чего вы от меня хотите?

Скова молчание. Все еще ни слова не говоря и не сводя с него глаз, Пол протянул ему свернутый клочок бумаги, полученный от Прасти. Кэслз его развернул, небрежно пробежал глазами и с каким-то горьким безразличием отдал обратно.

— Так вот что привело вас сюда!

— Кто послал мне это письмо? Может быть... Может быть, мой отец?

Пауза, короткая, но насыщенная ожиданием.

— Что ж, это не исключено, — вяло ответил Кэслз.

— Значит, значит... Вы его видели?

— Возможно.

— В Каменной Степи?

— Да, в этом проклятом месте... Наши камеры были рядом. Мы перестукивались по ночам... если его не отправляли в одиночку.

Пол прижал ладонь к своему пылающему лбу.

— Как он? — Этот вопрос прозвучал точно вздох.

— Плохо. — Кэслз вынул из кармана кiset, оторвал листик рисовой бумаги и одной рукой скрутил себе папиросу. — Хуже быть не может.

Как ни храбрился Пол, стон, похожий на рыдание, вырвался из его груди.

— Неужто вам нечего мне сказать? Неужто нет для меня даже проблеска надежды?

— Надежда не живет в Каменной Степи.

Сердце Пола стучало так, что уши его наполнились звоном, похоронным звоном. Нет, должно же что-то таиться за непостижимой, зловещей необщительностью этого человека. Он кусал губы до боли.

— Зачем же мне надо было разыскивать вас?

— Ваш старик знал, что я выхожу на свободу. И полагал, что нам надо встретиться. Он сунул мне эту чушь.

Пол взял пачечку бумаг, которую тот ему подал, — помятые клочки, испещренные карандашными каракулями. Но по мере того как он читал и перечитывал неразборчивые строки, пыл его пропадал. Это были лишь стоны, доносившиеся из мрака, без конца повторявшиеся протесты и сетования, свидетельство страданий, ножом вонзавшееся в сердце, и никаких новых данных, ничего, представлявшего собою реальную ценность. В полном унынии он поднял глаза на Кэслза, за все это время не утратившего своей холодной невозмутимости.

— Так, значит, вы ничем не можете помочь мне?

— Зависит от того, какой помощи вы от меня ждете, — неторопливо ответил Кэслз, затягиваясь папиросой.

— Вы знаете, чего я хочу! — страстно выкрикнул Пол. — Спасти несчастного, который заживо погребен вот уже пятнадцать лет.

— Из этой могилы не встают.

Вне себя Пол закричал:

— Я вытащу его оттуда! Он не виновен... и я это докажу... Я найду настоящего убийцу.

— Никогда. — Голос Кэслза звучал высокомерно. — После пятнадцати лет у вас нет ни малейшего шанса. Настоящий убийца может быть за тысячи миль отсюда. Может жить под другим именем, с новыми документами или умереть. Это безнадежно.

Он дождался, пока смысл его слов дойдет до Пола, не сводя с него своих желтых глаз, внезапно подернувшихся туманной дымкой.

— Почему вы не идете по следам реального убийцы... того, кто загубил Мэфри?

— Кого вы имеете в виду?

— Я говорю о человеке, который был его обвинителем.

Пол вскочил, как ужаленный. Задыхаясь, выдавил из себя:

— Бога ради, кто вы такой?..

Настала мучительная пауза. Медленно, безразлично — безразличие все время было его маской — тот, другой, ответил:

— Я не таюсь. Я был осужден за растрату. По крайней мере с этого началось. Я нуждался

только в минимальной снисходительности... в малой толике времени, чтобы собрать и вернуть деньги. Я молил о ней... во время слушания дела. И что же? Меня приговорили к семи годам каторжных работ.

Оба долго молчали. Затем Кэслз продолжал:

— Как видите, мы с вами одной веревочкой свиты. Вот почему, наверно, Мэфри и подумал, что нам надо встретиться. Своим несчастьем мы обязаны одному и тому же человеку. Но мы так мягкосердечны, что ничего не предпринимаем.

— А что мы должны предпринять?! — в отчаянии воскликнул Пол.

Он уронил голову на руки, не в силах дольше нести бремя безнадежности. Но ровный голос продолжал:

— Вы никогда не встречали этого джентльмена?

— Нет.

Кэслз коротко рассмеялся.

— Мы с вами, можно сказать, на дне, но и кошке не возбраняется смотреть на короля. — Странный огонек блеснул в его затуманенных зрачках. — Вам надо немного собраться с духом. И я смогу предложить вам неплохое развлечение.

— Развлечение?

— Почему бы и не развлечься? Вы, верно, не читаете газет, иначе вы бы знали, что вот уже десять дней в нашем городе разыгрывается гала-представление... с участием двух знаменитых актеров. О, они постоянно играют в Уортли, но это их коронный номер. И ко всему еще — вход бесплатный.

По мере того как он говорил, в голосе его появилось нечто такое, от чего у Пола кровь застыла в жилах. Кэслз умолк. Пол ждал.

— Здесь идет выездная сессия суда. Лорд Омэн — председатель, сэр Мэтью Спротт — прокурор... Не хотите ли взглянуть на них?

Ни слова не отвечая, Пол в упор смотрел на Кэслза.

— Очень удобный случай... Последний день процесса. — По-прежнему мертвенно-спокойный, Кэслз явно насмехался над ним. — Думаю, вы не откажетесь пойти со мной туда завтра днем, посмотреть, как они это делают.

— Что делают?

— Вы не знаете? — воскликнул Кэслз, искусно разыгрывая удивление. — Бросьте! И еще заметьте себе, что на этот раз будет не так интересно. Всего только несчастная маленькая проститутка, пырнувшая ножом своего любовника... Тем не менее... черная шапочка всегда производит впечатление... Красивый головной убор... и не выходит из моды.

— Нет, не пойду! — страстно выкрикнул Пол.

На лице Кэслза появилось жесткое выражение. Казалось, он насквозь просверлит Пола своим желтым взглядом.

— Бойтесь?

— Нет... Не вижу, зачем мне туда идти.

— Я же говорю, что боитесь. — Холодные колючие слова стали часты, как барабанная дробь. — Я сначала подумал, что вы мужественный человек. Но, видно, ошибся. Вы сказали, что хотите играть в открытую. Неужто вы не понимаете, что в наши дни есть два сорта людей? Одни, которые берут то, что хотят взять. И другие, которые этого не делают.

Ноздри его раздувались, на лице проступила мертвенная бледность.

— Как вы полагаете, что мы с вами, собственно, затеваем? Игру шутки ради? Я знаю, против чего вы восстаете! Но в то же время вы готовы распластаться перед ними. А нельзя быть одновременно и зайцем и охотником. Ну да ладно! Если вы отвергаете мою помощь, идите своей дорогой. А я пойду своей.

Голос его дрогнул, он поднялся и швырнул окурок в нетопленный камин. Пол не сводил с него глаз, уязвленный, взбудораженный, терзаемый нерешительностью. Слово «помощь», сорвавшееся с губ Кэслза, положило конец его сомнениям. Темно и непонятно, в чем будет заключаться помощь, но она ему предложена, и он не вправе ее отклонить.

— Я пойду, — сказал он. — В котором часу мы встретимся?

— Нет, — Кэслз покачал головой. — Не стоит притворяться. Разговор окончен.

— В котором часу мы встретимся? — повторил Пол.

Кэслз неторопливо обернулся к нему, застегивая пиджак.

— Вы вправду решились? — Он испытующе посмотрел прямо в лицо Пола. — Хорошо. Возле суда. В два часа. Завтра.

Он распахнул дверь, пропуская Пола вперед.

Глава XXV

На следующий день — он был дождливым и хмурым — Пол в условленный час встретился с бывшим каторжником. Суд помещался в величественном здании из серого камня в стиле Палладио, с лепными колоннами, поддерживающими высокий портик. У входа, в центральной нише, стояла мраморная фигура с завязанными глазами, держащая в руках весы правосудия.

Кэслз, на этот раз чисто выбритый и вполне прилично одетый — в коричневом костюме, белом воротничке и черном галстуке, — видимо, знал здесь все ходы и выходы. Он провел Пола под боковой аркой, затем вверх по широкой лестнице к массивной двери красного дерева; полисмен, стоявший возле нее, приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину, и впустил их на узкий балкон для публики, где они не без труда протиснулись к двум свободным местам.

Сверху битком набитый зал был виден как на ладони. Судья в мантии на своем возвышении, слева от него — присяжные, справа — место для свидетелей, скамьи для судейских, заполненные господами в париках и мантиях, и посередине — скамья подсудимых, возле которой меж двух надзирательниц стояла молодая женщина в дешевой ноттингемской шали. Вся эта картина, темная и серая, предстала Полу ослепляющим видением. Схватившись за перила балкона, он весь подался вперед, устремив жадный взгляд на лорда Омэна. Его

лордство был уже в летах, ростом выше среднего и слегка сутулый — казалось, он согнулся под бременем почестей. Его надменное лицо цвета портвейна, оттененное снежной белизной горносталя, было исполнено неумолимой суровости. По обе стороны носа, смахивавшего на клюз[4], тяжелые щеки свисали, как бульдожьих баки. Глаза, хоть и по-старчески тусклые, грозно смотрели из-под кустистых бровей.

Кто-то тронул Пола за руку, и он обернулся. Кэслз указывал ему на плотного человека, который поднялся с места и теперь стоял лицом к судьям.

— Лордом Омэном особенно интересоваться не стоит: он давно впал в детство, — донеслось до слуха Пола. — Вон там, видите, приготовился говорить... ваш настоящий друг... Спротт.

У Пола на лбу выступили капли пота, когда он взглянул в указанном направлении и увидел прокурора в завитом парике и зловещей черной мантии. Даже в тусклом свете судебного зала было видно, как чисто выбриты его упругие щеки и округлый подбородок. Он выпятил свои подвижные губы, метнул пронзительный взгляд в публику, точно актер, изучающий свою аудиторию, выдержал надлежащую паузу и, обратившись наконец к присяжным, кратко и точно резюмировал суть разбиравшегося дела.

Факты, которыми он располагал, были грязны, жалки и очень несложны. Обвиняемая — уличная женщина, проститутка последнего разряда. С семнадцати лет — теперь ей было двадцать четыре — она занималась своим ремеслом в беднейших кварталах города. У нее, как полагается, имелся «покровитель», мужчина, который «наблюдал» за нею на улице, жил с нею на ее порочный и скудный заработок, безбожно ее эксплуатировал и нередко зверски избивал. Однажды ночью, без всякого повода, в припадке пьяной и внезапной ненависти она всадила в него кухонный нож и тут же, правда неудачно, попыталась зарезаться сама.

Казалось бы, эта несложная история не нуждалась в уточнениях, однако Спротт подробнейшим образом остановился на всех ее сторонах, на всех убогих драматических деталях, энергично внушая присяжным, что даже мысль о смягчающих обстоятельствах не должна приходить им на ум при вынесении вердикта. Если обвиняемая с заранее обдуманном намерением отправила на тот свет своего любовника, значит, она виновна в убийстве. Полу казалось, что Спротт, в своей как будто бы честной и беспристрастной речи, старается мобилизовать все свои интеллектуальные силы на то, чтобы ни один из фактов, им изложенных, не мог быть повернут в пользу обвиняемой.

Спротт закончил речь эффектным драматическим жестом и среди мертвой тишины опустился на свое место.

— Смотрите на него хорошенько. — Хриплый голос Кэслза понизился до шепота. — Вот так же он доконал и Мэфри.

Но и без этого напоминания на Пола, впившегося взглядом в Спротта, нахлынула волна такого неистово буйного чувства, что голова у него закружилась. В прошлом ему случалось испытывать приступы инстинктивного отвращения: существуют натуры взаимно антагонистические, вражда вспыхивает в них с первого же взгляда. Но чувство, которое сейчас владело Полом, не шло ни в какое сравнение с будничным чувством антипатии. Темная, роковая ненависть вставала из глубин его существа. Он представлял себе, что этот человек говорил об его отце, представлял себе беспощадный, неумолимый допрос, которому он его подверг. Конечно, постоянное соприкосновение с преступниками неизбежно вскармливает презрение, а привычка притупляет даже тонко развитую чувствительность. Тем не менее этот представитель власти облекся в панцирь такой непроницаемости, что ничего человеческого в нем уже не осталось. В груди Пола закипела неутолимая жажда мести.

Внезапно воцарилась тишина. Судья закончил свое резюме. Шаркая ногами, удалились присяжные. Зал быстро опустел.

— Четыре часа, — заметил Кэслз, поджимая свои бледные губы. — Самое время для них пить чай.

— Как вы можете...

Тот в ответ лишь передернул плечами с циническим безразличием.

— Так ведь это же их каждодневная работа... Фирма Омэн и Спротт. Интересно, скольких эти двое прикончили за пятнадцать лет? Может быть, выйдем?

— Нет, — сквозь зубы процедил Пол и отвернулся.

Его сосед слева, с видом завсегдатая, поедая сандвичи из бумажного кулечка — маленький человек со впалой грудью и жидкими волосенками, зализанными на желтой, как воск, голове. Он доверительно обратился к Полу:

— Вы оба немножко опоздали и пропустили самое занятное. Спротт был очень неплох в своей заключительной речи, но надо вам было его слышать утром. Ну и дал он ей жару! Рылся в самой страшной грязи, поднял всю муть со дна... Она чуть не разрыдалась. Гул прошел по залу. Я даю присяжным еще десять минут. Они ее вздернут, как пить дать. Видели их старшину? Бьюсь об заклад, что жена ему спуска не дает и просьбы о снисхождении не воспоследует. Занятно, а? Куда там футбольный матч!

«Неужели они все такие?» — думал Пол. Жара на балконе вызывала у него тошноту. Но тут вернулись присяжные и вместе с ними весь состав суда.

— Виновна!

Ну, конечно, маленький человек, завсегдатай суда, предсказал это, но не крик несчастной, скорчившейся под своей шалью на скамье подсудимых, но не длительный пароксизм кашля и возмущенное движение в зале, за сим воследовавшее. Его лордство, невозмутимый, хотя и раздосадованный, вынужден был на время умолкнуть. Затем принесли черную шапочку. Пол широко раскрытыми глазами смотрел, как этот траурный убор надевали на судью. И когда прозвучали слова: «Повесить и держать в петле, покуда не умрет» — пятнадцать лет точно канули в воду. Сознание, что все это перенес, пережил его отец, пронзило Пола, он почувствовал себя на месте отца: он корчился в муках, хотел кричать, но голос ему не повиновался, он ловил воздух ртом.

— Конец, — не без удовлетворения сказал Кэслз. — Недурно для утренника!

Пол, как одурманенный, шел за ним вниз по лестнице и потом через обширный внутренний двор. Когда они вышли на улицу, Кэслз остановился.

— Не перекусить ли нам где-нибудь?

— Мне кусок в горло не пойдет...

Кэслз положил руку на плечо своего-спутника. Казалось, он с холодным любопытством следит за каждым движением души Пола — так через увеличительное стекло смотрят на мошку, проколотую булавкой. Но под мертвенной маской бурлили чувства темные и страстные.

— В таком случае не вернуться ли нам ко мне, чтобы распить бутылочку? Сейчас это будет очень кстати!

— Хорошо.

Пол не думал о том, что делает или куда идет.

Они двинулись в путь.

Глава XXVI

Когда они вернулись в комнатку Кэслза, Пол бессильно опустился в кресло. Кэслз же сначала тщательно занавесил окна, затем вынул бутылку из буфета и налил два стакана.

— Мы это заслужили, — заметил он, подавая один из них Полу. — Вреда от него не будет. Я знаю, где такое добро покупать.

Спирт согрел желудок Пола и утихомирил взбудораженные нервы. Он изнемогал и чувствовал, что подкрепление ему необходимо, а потому не подумал о действии, которое оно окажет на состояние его духа. Еще никогда в жизни его сердце не было полно такой горечи и безнадежности. Он залпом осушил свой стакан и не протестовал, когда Кэслз снова наполнил его.

Поставив бутылку на камин, бывший каторжник с минуту уголком глаза наблюдал за юношей. И даже украдкой облизал губы, заметив, что кризис близок. Вот оно наконец то единственное сочетание случайностей, о котором он грезил. За несколько дней до освобождения во время прогулки на тюремном дворе другой каторжник, невнятно пробормотав несколько слов, сунул ему в руку тонкую бумажную трубочку, и она дала ему шанс, который нельзя упускать. Мэффри, узник Каменной Степи, ровно ничего для него не значил — это был конченный человек: у приговоренного к пожизненной каторге не могло быть ни малейшей надежды на освобождение. Но Пол представлялся Кэслзу орудием мести, ниспосланным небом.

Ко времени своей «катастрофы» Кэслз служил окружным агентом крупной страховой компании Средних графств. Холостяк и любитель спорта, он жил припеваючи, время от времени ездил на охоту и был завсегдатаем скачек в соседнем городке. Такой человек, как он, ловкий и азартный, неизбежно должен был пускаться в рискованные авантюры. А потому, когда до него, сугубо приватным образом, дошел слух о предполагающемся слиянии его организации с мелким страховым обществом — компанией «Гэддон-Холл» по страхованию от огня, — слиянии, сулившем невероятные прибыли меньшему предприятию, он счел это тем счастливым случаем, который только раз в жизни представляется человеку, и, взяв значительную сумму из фондов страховой компании Средних графств, находившихся в его распоряжении, скупил пятьдесят тысяч акций «Гэддон-Холла».

Эта операция была проведена втихомолку, но размер суммы, на нее затраченной, не мог не вызвать толков, кое-какие слухи дошли до властей. И вот, к ужасу Кэслза, некий мистер Мэтью Спротт, в порядке прокурорского надзора, затребовал его конторские книги для ревизии. Кэслз немедленно отправился к Спротту, с которым часто встречался в обществе, и, не запираясь в своей вине, просил его на десять дней отложить расследование. Спротт в весьма корректной форме отказал ему. По его распоряжению было возбуждено судебное расследование, Кэслз был признан виновным и приговорен к максимальному сроку наказания. Тем временем акции гэддонской компании в три раза поднялись в цене. Но, вместо того чтобы заработать семьдесят тысяч фунтов, Чарлз Кэслз заработал семь лет каторжных работ.

Человек его склада не в силах позабыть такое: как змеиный яд, днем и ночью точила его ненависть к Спротту, он неустанно искал случая отомстить ему, не подвергая себя опасности. И вот... после всех этих лет... перед ним — сын Мэффри, прекраснодушный молодой дуралей,

одержимый мелодраматической и вздорной идеей — «Восстановить честное имя отца». Ей-Богу, курам на смех. В нынешнем окружении Кэслзу было известно решительно все, что касалось полиции, и в последние дни он узнал все подробности о неумелых попытках Пола. Неужто же теперь он, пронырливый и коварный, не сумеет повернуть эту ситуацию в свою пользу?

Дальше сдерживать себя он не мог. Дрожа точно в пьяном угаре, он поддался искушению. Придал своим чертам безразличное выражение и подошел к Полу.

— Должен сказать, что вы хорошо себя вели сегодня днем, — сказал он, присаживаясь на ручку его кресла. — Вам, должно быть, это далось нелегко.

Пол промолчал.

— Может быть, я был несправедлив к вам вчера. — Нотка раздражения и досады закралась в голос Кэслза. — В конце концов дела ваши действительно сложились из рук вон плохо. Все рушится, а тут еще полиция травит вас. Неудивительно, что вы потеряли мужество. — Он умолк и покачал головой. — Вы пытаетесь прошибить лбом каменную стену. Вот почему мне и хотелось показать вам сегодня эту милую пару. В основном, конечно, не Омэна — сейчас он просто старая, потерявшая чутье собака, хоть и бежит еще по запаху крови, а Спротта. — Он отчетливо выговорил это имя, и лицо его потемнело, голос же, хоть он и старался придать ему оттенок иронии, стал тверд, как камень. — Спротт — душа этой компании, самый отъявленный реакционер в Уортли. Каких только дел он не наделал. И всегда скрытно, из-за угла. Это он упрятал вашего отца в Каменную Степь. И покуда он здесь орудует, вам отца оттуда не вызволить.

В наступившем молчании Полу привиделся Спротт — осанистый, нестерпимо самоуверенный.

А Кэслз, видимо, вновь обрел спокойствие и, как бы размышляя вслух, продолжал:

— О других что же говорить? Это просто глупцы. Дейл, например, — болван, погрязший в профессиональных предрассудках. Видимо, он себе внушил, что правда на его стороне. Ненавидеть такого человека значило бы унижать себя. Омэн, судья, на все смотрит из чужих рук, но Спротт... О, Спротт — дело другое. Умен, как дьявол! «Где тонко, там и рвется», — решил он, с первого взгляда учуяв, до чего жидка ткань свидетельских показаний. И без оглядки ринулся вперед, разя всех и вся своим коварным словом. Спротт приговорил вашего отца к казни более жестокой, чем повешение, — погребению заживо в течение пятнадцати лет! Он, он это сделал. Он один его погубил.

Под воздействием этой неумолимой логики огонь в крови Пола запылал пожаром. Судебное дело отца предстало перед ним в отчетливой и ясной перспективе, и его, как молнией, снова озарило сознание, что за все несет ответственность Спротт. Рука Кэслза, ласково коснувшаяся его плеча, как бы случайно задержалась на нем.

— Я понимаю, что вы испытываете. Мне жаль вас! Но как добраться до такого человека? Он за каменной стеной.

Пол поднял голову, горящими глазами взглянул на Кэслза.

— Какой-то путь к нему должен быть.

— Нет, Пол... Пути туда нет, — сочувственным тоном отвечал Кэслз.

Он задумался, и черты его лица исказились.

— Есть, конечно, один путь... но нет, это невозможно.

Глаза Пола потемнели и странно сверкали на побелевшем лице.

— Почему невозможно?

Кэслз опять погрузился в раздумье, глубокое раздумье, потом, видимо, отогнал от себя осенившую его мысль.

— Нет. Вы слишком молоды. Не можете вы пойти к Спротту в дом... и свести с ним счеты...

Сказав это, он бросил быстрый взгляд на Пола, дыхание его сделалось прерывистым и частым, слишком частым для человека, настроенного спокойно и решительно. Но Пол не был в состоянии это заметить. Лицо его судорожно дергалось, когда он пробормотал сквозь зубы:

— Я пойду к Спротту, пойду непременно.

— Правда? — переспросил Кэслз все с тою же непонятной горячностью.

Пол взглянул на него, смутно понимая, что он имеет в виду. Кровь тяжело билась у него в ушах, словно сотни молотов стучали в голове.

— Правда? — Еще более настойчиво повторил свой вопрос Кэслз.

Пол утвердительно кивнул.

— Для вас единственная возможность добиться справедливости — это взять дело в свои руки. Никто вас не осудит. Все факты выйдут на свет. Если вы это сделаете, они не смогут дольше замалчивать случай с вашим отцом. О нем должны узнать все, все. Подумайте об этом. Чего они только не делают, чтобы избежать разоблачения. И в каких же они окажутся дураках... если вы на это отважитесь. Все падет на их головы, от начала до конца. И Спротт, застрельщик этого злого дела, будет выброшен из седла, прикончен, убит наповал — если вы решитесь. Он стократ это заслужил... Вот что скажут его сподвижники... Они не поставят вам этого в вину... будут всячески оправдывать вас... если вы это сделаете... если только вы решитесь...

Пол вскочил: он уже не владел собой под влиянием этих речей, виденного и слышанного сегодня в суде, а также того процесса деморализации, который вот уже десять дней совершался в нем. Молнии вспыхивали в его мозгу и тут же гасли. Он налил себе полный стакан и залпом осушил его.

— Вот, — хриплым шепотом произнес Кэслз, — на случай, если вас остановят... возьмите.

Это был «Вебли», черный автоматический револьвер. Но Пол не удивился. Кэслз молчал. И Пол молчал тоже. Кэслз распахнул дверь. Пол вышел. Спускаясь по лестнице, он ощущал, как эта тяжелая штука в кармане ударяет его по бедру. На улице стояла непроглядная темень.

Оставшись один, Кэслз приложил руку к сердцу и на мгновение бессильно прислонился к дверному косяку. Рот его скривился, щеки ввалились, он с трудом втягивал в себя воздух. Затем он дрожащими пальцами скрутил папиросу, закурил, взглянул на часы. Поезд на север отходил через десять минут. Мешкать было бы глупо. Он надел пальто, еще раз жадно и торопливо затянулся папиросой. От мыслей, о которых знал только он один, усмешка тронула его губы, обнажив бледные десны. Он с размаху швырнул на пол окурки, растоптал его, круто повернулся и вышел.

В этот же самый вечер сэр Мэтью Спротт, выйдя из комнаты, где одеваются судьи, остановился в портале, раздумывая, как бы получше провести два свободных часа, оставшихся у него до обеда. В Берроуз-холле шло состязание на бильярде. Смит против Девиса. Он давно уже пристрастился к этой игре и, как заядлый любитель, оборудовал у себя бильярдную; но сейчас матч, вероятно, был уже на исходе и идти туда не стоило. Он решил отправиться в свой клуб на Леонард-сквер.

Когда он шел по улицам, вечерняя заря еще догорала на западе, красноватый отблеск зловеще разлился по небу и окрасил в пунцовый цвет маленькое облачко, низко стоявшее на горизонте. Станным образом сэр Мэтью не в силах был отвести взор от этого облачка, нависшего над ним темным, кровавым предвестником беды. Сэр Мэтью вздрогнул. Все эти последние недели он чувствовал себя не в своей тарелке. Может быть, он переутомился, слишком рьяно занимаясь предстоящими выборами? Раньше он любил хвалиться, что у него «в теле нет ни одного нерва», а теперь его стали одолевать заботы, он часто тревожился по пустякам. Ну зачем, например, принимать так близко к сердцу сны, недавно напугавшие его жену?

Дрожь проняла Спротта, когда мысли его обратились к этой досадной истории. Ерунда и бессмыслица. Ну что можно усмотреть угрожающего в снах? Но в одном они почему-то сходятся. Все касаются его, и в каждом из них чудится нежданная, ни с чем несообразная беда: он выступал на суде — и позабыл заготовленное резюме; поднялся для обращения к суду — и скомкал свою речь: судья в весьма саркастическом тоне его одернул; а когда он выходил из зала — и это всего настойчивее преследовало его, — публика вскочила с мест, насмехаясь и на все лады понося его. Последний сон так расстроил его дорогую женушку, что она рассказала ему о своих вечных кошмарах.

Лицо Спротта было того же свинцово-серого цвета, что и небо над его головой, когда он, одинокий и хмурый, повернул на Леонард-сквер. Сколько бы он ни притворялся, что презирает новейшую психологию, сейчас ему приходилось признать, что подсознательная тревога, терзающая его ненаглядную Кэтрин, — запоздалое эхо давнего дела Мэфри. Гнев вспыхнул в его груди, когда он отдал себе отчет в том, как велико смятение, порожденное злобным кусачим гнусом, прилетевшим из топей прошлого.

Он солгал, сказав начальнику полиции, что просмотрел все документы, касающиеся пресловутого дела. В этом не было нужды: его и вообще-то безошибочная память в данном случае хранила каждую мельчайшую подробность. Да и как бы он мог забыть, даже через пятнадцать лет, о том, что было первым шагом к его нынешнему высокому положению.

Он как сейчас видел перед собою лицо Мэфри, сидевшего на скамье подсудимых, красивое лицо «даго», из тех лиц, которые на свою беду и погибель неизменно любят женщины. О да, он, не стесняясь, постарался обыграть это обстоятельство и многие другие тоже, например, слабость характера, отличавшую подсудимого и заставившую его так смешаться на суде. Что ж тут непозволительного? Разве он не обязан был сделать свою речь максимально впечатляющей, сгладить, где можно, ее недостаточную глубину, подчеркнуть ее силу, короче говоря, выиграть дело?

Тем временем сэр Мэтью дошел до Леонард-сквер — площади с небольшим садиком посередине, где стояли когда-то белые, а теперь сплошь обсиженные голубями статуи именитых горожан былых времен, — и постарался стряхнуть с себя дурное настроение. Оставив в величественном вестибюле клуба пальто и шляпу, он отыскал уголок поукромнее в нижнем зале и заказал чай.

«Шервуд» был клубом с ограниченным доступом, он вербовал своих членов из старейших

семейств графства и аристократии Средней Англии. Спротта здесь недолюбливали; он был трижды забаллотирован, прежде чем попал в члены клуба, но все-таки добился своего, и это доставило недюжинное удовлетворение его тщеславию. С тех пор как он понял, что люди завидуют его успеху, у него возникла потребность похвалиться своей непопулярностью, гордиться способностью сломить любое сопротивление. Нередко, стоя перед трюмо в мантии, покуда его секретарь Бэрр, человек средних лет с лицом табачно-серого цвета, подобострастно подавал ему парик, он самодовольно улыбался собственным мыслям и замечал:

— Послушайте-ка, в Уортли ведь нет человека, которого ненавидели бы так, как меня.

Однако в этот вечер он в значительной мере утратил свою самоуверенность и всей душой желал, чтобы кто-нибудь из немногочисленных присутствующих подошел к нему, с ним заговорил. Но увы, только несколько сдержанных кивков отметили его появление в зале. В противоположном углу четыре человека играли в бридж, среди них — его коллега, немного ему знакомый, Найгел Грэхем, королевский прокурор. Раз или два они взглянули в его сторону, и в нем немедленно шевельнулось подозрение, что они говорят о деле Мэфри. Нет, нет, так больше продолжаться не может, надо взять себя в руки. Но почему, собственно, Грэхем не узнает его? Он не спеша принялся за чай, время от времени поглядывая на коллегу.

Грэхем, по его мнению, был человек не без странностей, способный на самые неожиданные и нелепые поступки. Сын приходского священника, он еще мальчишкой был принят стипендиатом в Винчестер. Из этой прославленной школы, наложившей свой неповторимый отпечаток на манеры и знания, им усвоенные, Грэхем перешел в Оксфорд. Через год после того, как он получил право адвокатской практики, скончался его отец, оставив ему скромный годовой доход в двести фунтов. Сразу после похорон он уехал за границу и в течение пяти лет вел там кочевую жизнь. Часть этого времени он был домашним учителем у мальчика-австрийца, больного туберкулезом и потому вынужденного жить в Тирольских горах. Затем он странствовал по Европе, большей частью пешком, с вещевым мешком за плечами, живя зимою среди гор Юры, а летом в Доломитах. Он любил бродить по горам и однажды умудрился за один день покрыть расстояние в пятьдесят две мили от Мерана до Инсбрука.

Естественно, что эта внешне бесцельная жизнь внушала опасения его друзьям, но уже через год Грэхем вернулся в Уортли, по-видимому, здоровый духом и телом, и с полнейшей невозмутимостью, словно никогда и не уезжал, приступил к выполнению своих профессиональных обязанностей. Мало-помалу он сколотил себе практику, если и не очень обширную, то, во всяком случае, незаурядную. Поговаривали, что он обязан ей своими манерами и наружностью. Высокий, стройный, с темными, огненными глазами на правильном и бледном лице, он был неизменно благовоспитан и сдержан. Но под этой корректной внешностью жила горячая и неподкупная целеустремленность, на ней зиждился его внутренний мир, и она же снискала ему доброе имя. Фанатически честный, он был окружен плотной атмосферой неприступности, которая всегда сбивала с толку и тревожила сэра Мэтью.

Ему отлично помнилось, например, как однажды, во время званого обеда у него на Гров-Квэдрант, он, зная, что Грэхем любит искусство, но прежде всего желая похвалиться, увел его от остальных гостей — показать своего Констебла. Грэхем держался весьма учтиво, но хозяин чувствовал себя оскорбленным равнодушием этого чудака к его сокровищам, точно это были подделки. Наконец он не выдержал и воскликнул:

— Ну что, старина, как настоящий знаток, вы, наверно, завидуете мне?!

— Нет, почему же... Я ведь могу видеть такие же картины, стоит мне пройти через парк в

Городскую галерею.

— Но, черт возьми, это совсем... — разозлился Спротт. — В галерее это же не ваши картины.

— Разве? — Грэхем еще шире улыбнулся, повергнув сэра Мэтью в необъяснимое беспокойство. — Разве величайшие шедевры живописи не принадлежат нам всем?

Кровь бросилась в лицо Спротта при воспоминании об этом оскорбительном ответе. Меж тем игроки закончили партию в бридж, и что-то на беду толкнуло Спротта окликнуть Грэхема.

Тот слегка заколебался, но все же подошел к столику Спротта.

— Выпейте со мной чашку чаю, — с притворным радушием предложил Спротт. — Я здесь один.

— Я уже пил чай, — вежливо улыбаясь, отвечал Грэхем.

— Тогда посидите минутку просто так. Мы с вами редко видимся.

Все с тою же учтивой, но неодобрительной улыбкой Грэхем присел на ручку пустующего кресла с другой стороны стола.

— Вот и отлично, — сказал сэр Мэтью, с показным аппетитом отправляя в рот ломтик поджаренного хлеба. — Я ведь, да будет вам известно, не кусаюсь. Вопреки тому, что обо мне говорят здесь, в клубе.

— Уверяю вас, — слегка удивленно, но вполне спокойно заметил Грэхем, — насколько мне известно...

Спротт засмеялся негромко и все-таки громче, чем ему хотелось.

— Разве минуту назад вы не судачили обо мне вместе с вашими партнерами? Старого воробья на мякине не проведешь. — Спротт знал, что говорит лишнее, но что-то не позволяло ему остановиться. — Я недаром все эти годы упражнялся в логических умозаключениях.

Он умолк, взял в руки чашку и отпил чаю.

— Видите ли, Грэхем, человек не может достигнуть того положения, которого достиг я, без того, чтоб у его дверей не теснилась толпа клеветников, выжидая случая крикнуть: «Волк!», и достаточно какого-нибудь недоумка, вроде Джорджа Берли, чтобы подать им знак. Разве я не прав?

— Я видел только краткий отчет в «Курьере», — медленно проговорил Грэхем, — и не придал ему значения.

— Это же просто наглая и беззастенчивая погоня за рекламой. Никто понятия не имел о том, что произойдет, покуда не поднялся Берли. Министр был в ярости. В этот же вечер у одного из Данкастеров состоялся раут. Жена Берли была там и заявила во всеуслышание: «Я всегда знала, что Джордж дурак. Но думала, что у него достанет ума не разрывать эту навозную кучу. В жизни не слыхивала о таком идиотизме! Говорят, что его кандидатуру не выставят на выборах».

Молчание. Грэхем по-прежнему смотрит в пол. Наконец он сказал:

— Возможно, что Берли действовал из наилучших побуждений. Так или иначе, но, думаете,

лучше быть дураком, чем мошенником? — Он взглянул на часы. — Прошу прощения, я должен идти. — Он поднялся и с учтивым поклоном направился к двери.

Спротт, с потемневшим лицом, налил себе еще чашку чаю, но ощутил только вкус горечи во рту. Разговор не принес ему удовлетворения, а в поспешном уходе Грэхема он усмотрел лишь новое оскорбление. Лицо его стало жестким, гнев и возмущение обуяли его. Но разве в прошлом он не справлялся с куда большими трудностями, не подавлял в самом зачатке и более злые умыслы?

При воспоминании о своих триумфах он инстинктивно расправил плечи, нижняя губа выпятилась, нечто от его «судейского» обличья проступило в нем. Как досадно, что на мгновение им овладела слабость. Неужели его огонь угасает? Может ли быть, что он спасует теперь, уже на пороге парламента, когда до величия рукой подать... Нет, тысячу раз нет.

Преисполненный решимости и твердости, он вышел из клуба. Швейцар, распахнувший перед ним дверь, добродушно пробормотал что-то насчет погоды. Спротт с нарочитой невежливостью ничего ему не ответил. Он сел в такси и коротко приказал шоферу везти себя в Гров-Квэдрант.

Он отпер дверь и удивился: жена быстрым шагом шла ему навстречу через холл. Она его поцеловала, помогла ему снять пальто.

— Мэтью, дорогой мой, в библиотеке тебя дожидается какой-то молодой человек. Не поговоришь ли ты с ним до обеда?

Он поднял брови. Злой укор уже вертелся у него на языке. Позволить кому бы то ни было вторгнуться в его дом — значило нарушить запрет. Но он обожал жену и потому смолчал. Только склонил голову и прошел в библиотеку.

Глава XXVIII

Она была очень хороша, эта библиотека, с пушистым ковром кремового цвета, множеством книг и прекрасными гравюрами на стенах. Недвижный, как изваяние, Пол дождался там уже более десяти минут. Жена сэра Мэтью, красивая женщина лет сорока, несколько бледная и хрупкая, в мягком сером платье, сама провела его сюда. Он понял, что она принимает его за кого-то из подчиненных своего мужа.

— Надеюсь, вы не принесли еще работы для сэра Мэтью, — проговорила она со своей тихой улыбкой.

Затем предложила ему рюмку ликера и печенье, а когда он отказался, снова улыбнулась и вышла из комнаты.

В библиотеке было очень уютно. Минуту спустя наверху раздались звуки рояля. Кто-то играл седьмой прелюд Шопена, медленно, с ошибками. Это, безусловно, не была игра взрослого человека. Вскоре до его слуха донесся смех и ребячьи голоса. Музыка жестоко бередила душу Пола. Он думал о хозяине этого прекрасного дома, о его прелестной жене и смеющихся дочерях. И о другом — брошенном в сырой каменный мешок. Полу становилось невмоготу сидеть и ждать. Но вот подъехала машина. Он знал, что это Спротт, и сел еще прямее. Он готов встретиться с ним лицом к лицу. Парадная дверь отворилась и снова захлопнулась. В холле раздались голоса. Через минуту приоткрылась дверь библиотеки.

Пол сидел не шевелясь, когда вошел сэр Мэтью. Взглянул на вошедшего, но не сказал ни

слова. Секунду-другую царила мертвая тишина. Спротт надулся, точно индюк.

— Как объяснить ваше вторжений? — Он был вне себя от гнева. Но не только гнев, что-то еще промелькнуло в его глазах. Пол сразу понял, что Спротт узнал его. — Вы не имели права приходить сюда. Здесь мой дом, а не моя канцелярия.

Это замечание все раскрыло Полу. «Этот человек не имеет права требовать обвинительных приговоров», — подумал он.

Кристалльная ясность воцарилась в его мыслях. И он медленно проговорил:

— Вопрос, который так долго ждал разрешения, не может не стать неотложным.

Вены набухли на лбу того, кому он это сказал. Спротт не пытался приблизиться к Полу и продолжал стоять в дверях. Но вот он облекся в обычное свое достоинство, как актер, вошел в давно заученную роль.

— Не стану отрицать, что еще несколько месяцев назад меня поставили в известность о том, что вы существуете и чем занимаетесь в этом городе. Вы — сын человека, отбывающего пожизненное заключение, и вы прилагаете все усилия, чтобы навести тень на дело, слушавшееся пятнадцать лет назад.

— Это дело до конца не выяснено, — возразил Пол. — Теперь выявлены новые обстоятельства, и они должны быть рассмотрены.

На мгновение гнев с такой силою овладел сэром Мэтью, что оттеснил шевельнувшееся было сомнение.

— Не сходите с ума, — сказал он. — Через пятнадцать лет это было бы противозаконно. Вы своим чертовым приставанием добились того, что петиция о пересмотре была передана министру внутренних дел и он ответил на нее категорическим отказом.

— Но у вас нет права отказывать, — возразил Пол. — Вы были обвинителем в этом деле. Ваша прямая обязанность проследить, чтобы справедливость была восстановлена. Вы сами сочли бы необходимым принять известные меры, если были бы убеждены в невиновности моего отца.

— Но я в ней отнюдь не убежден! — почти прокричал Спротт.

— Если вы выслушаете новые данные — вы убедитесь. Самое малое, что вы обязаны сделать, это подвергнуть официальному разбору новые факты.

Ярость, душившая Спротта, перехватила ему горло. Лицо его налилось кровью. Но усилием воли он овладел собой. И заговорил убийственно холодным тоном.

— Я действительно должен просить вас уйти. Вы сами не понимаете, о чем хлопочете... Существуют определенные технические трудности, нелегко привести в действие сложную машину закона, да и последствия тут могут быть самые неожиданные. Вы, как малый ребенок, хотите разрушить огромное здание только потому, что вам померещилось, будто в фундаменте плохо положен один кирпич.

— Если фундамент подгнил, здание неминуемо рухнет.

Сэр Мэтью не удостоил Пола ответа. Губы его растянулись в зловещей улыбке. Но в маленьких глазах, когда он, вытянув шею, искоса смотрел на Пола, тот снова прочел тяжелое предчувствие, снова увидел неприметную трещину и понял наконец: именно потому, что Спротту нужно во что бы то ни стало скрыть этот изъян, он никогда и ни при каких

обстоятельствах не согласится на пересмотр дела. И все же... он, Пол, обязан напомнить ему еще об одной, последней возможности.

— Если приговоренный к пожизненному заключению уже отсидел в тюрьме пятнадцать лет... разве по-человечески... нельзя сократить ему срок наказания?

Выпученные, налившись кровью глаза сэра Мэтью все еще были устремлены на Пола.

— Министр внутренних дел уже высказался по этому поводу, — отрезал он.

— Но не вы, — задыхающимся голосом настаивал Пол. — Ваше слово, сказанное в соответствующих инстанциях, возымеет решающее действие. Одно только слово... намек на возникшие в последнее время сомнения...

Сэр Мэтью покачал головой — беспощадно и бесповоротно снимал он с себя всякую ответственность.

По-прежнему стоя спиной к двери, он толкнул ее рукой и открыл.

— Уйдете вы наконец? — Застывшая усмешка и сейчас искажала его лицо. — Или я должен приказать вас вывести?

Полу раз и навсегда уяснилась тщетность его попытки. Ничего этот человек не сделает, даже слова о прощении не скажет. Замкнувшись в своей гордости, он знать не знал ни о чем, кроме своего достоинства, своего положения в обществе, своего будущего. Любой ценою все это должно быть сохранено.

Слепая ярость охватила Пола, ярость и безрассудное отчаяние затуманили его разум. Кэслз был прав! Его отец, Суон, он сам, каждый, кто попадался на пути Спротта — всех сметала ненасытная гордость этого человека. Теперь остается только одно. Он поднялся. Ноги и руки у него были, как чужие. Он двинулся по направлению к дородному человеку, там, у дверей.

— В последний раз... — невнятно проговорил Пол. Ему трудно было дышать.

— Нет!

Руку Пол держал в кармане и все время, пока он говорил, его рука сжимала револьвер. Он уже не был холодным на ощупь... Жар человеческой руки согрел его... Револьвер стал как бы частью тела Пола. Его палец уже лег на курок, он ощущал тугую пружину.

Даже вынимать револьвер из кармана не надо, он и так направлен на Спротта, ничего не подозревающего актера, лжеца. Вот он стоит, не глядя на Пола, исполненный непреклонного чувства собственного достоинства. Пол уже почти рядом с ним, какие-нибудь два фута разделяют их. Он замечает, как округло выпячивается раскормленный живот Спротта. Прямо в него направлен револьвер. Ни малейшего страха Пол не испытывает. Он закрывает глаза, тело его напряжено, губы полуоткрыты, словно в экстазе, словно все его существо объято пламенем неодолимого физического желания.

И вдруг конвульсивная дрожь сотрясла его тело, режущая боль возрождения. В муках пришел он в себя, разум его просветлел. «Я этого не сделал, — думал он, словно вдруг прозрев. — Не сделал». Они объявили убийцей его отца. Они и из него, видно, хотят сделать убийцу. Его пальцы, сжимавшие револьвер, разжались. Пол открыл глаза, устремил невидящий взгляд на Спротта. Он задыхался, как после стремительного бега. Не мог выговорить ни слова. Но когда взгляд Пола встретился с глазами врага, еле заметная улыбка затрепетала у него на губах и все его лицо засветилось странным светом. Покуда помертвевший Спротт в изумлении смотрел на Пола, он, едва не задев его, прошел к двери и вышел из дому.

На улице в прохладной тьме, под звездным небом, слезы так и брызнули у него из глаз. Тихим торжествующим голосом он проговорил:

— Я этого не сделал. Господи, благодарю тебя, я этого не сделал.

Часть вторая

Глава I

Три недели назад, когда управляющий «Бонанзой» уволил Пола, Лена, испуганная и потрясенная, наблюдала за их стычкой. Волнение ее уже немного утихло, когда она вечером пришла к Полу. Она говорила с ним, передала ему просьбу мистера Прасти, что, видимо, его обрадовало. Ей хотелось думать, что она помогла ему. Но время шло, она больше его не видела, и жизнь стала казаться ей пустой и тусклой. В конце недели Херрис пригласил другого пианиста — на сей раз это была молодая женщина, — и звуки музыки вновь долетали до кафетерия. Ах, но что толку! Это была хорошая музыка, но не та. И тяжесть по-прежнему давила грудь Лены. Она чувствовала, как снова погружается в жалкое, подавленное состояние.

Сказав Полу, что она была вполне довольна своим положением в отеле «Герб графства», Лена сказала сущую правду. Эстбери — очаровательный старинный городок, заслуживший известность руинами аббатства, множеством белых с черным домов Елизаветинской эпохи и очень интересными римскими земляными валами; городок этот живописно расположился в излучине реки Трент и весной и летом был чем-то вроде курорта или дачного места. Первокласный отель «Герб графства», принадлежащий отставному офицеру, некоему Прентису и его супруге, всегда был полон любителей-рыболовов и туристов с юга. И сам городок, и работа там вполне устраивали Лену — виды на будущее перед ней открывались неплохие, и вдобавок она знала, что к ней хорошо относится весь персонал отеля.

Раз в две недели, по субботам, после двух часов, Лена не работала. И как же приятно было сесть в поезд, идущий в Уортли, а потом бродить по тамошним улицам, любясь огромными витринами универсальных магазинов, где выставлено такое множество вещей, великолепных и удивительных для выросшей в деревне девочки. В пять часов она, всегда в одиночестве, пила чай в «Зеленом фонаре», уютном маленьком кафе, которое однажды заприметила на Леонард-сквер, а в шесть, раздумываясь, оживленная, со скромными своими покупками в руках, уже ехала обратно в Эстбери. От вокзала до отеля надо было пройти изрядное расстояние — больше двух миль по извилистой лесной дороге вдоль реки, но это не смущало Лену: в детстве она часами бродила по болотам Слискэйла.

Однажды в субботний вечер — лето было уже в разгаре — Лена, как всегда веселая и довольная, приветливо кивнув контролеру у выхода с перрона, быстрым шагом пошла домой, в отель. Луна пряталась за грядой облаков, и дорога тонула во мраке. Мрак был душный, тяжелый, полный шорохов невидимого леса и назойливого гудения ночных насекомых — застойная тьма джунглей. На этот раз даже Лена почувствовала, как она давит, ей стало казаться, что кто-то идет за ней. Она подумала о разнузданной компании молодых людей, которые только что ехали с нею в одном вагоне. Вопреки своему обыкновению Лена то и дело оглядывалась. Когда что-то зашелестело и хрустнуло на дороге за ее спиной, она вздрогнула, ускорила шаг, чуть ли не пустилась бежать. Но немного дальше, на самом темном повороте

дороги, чья-то рука схватила ее за шею. Она закричала. Эта же рука грубо зажала ей рот и задушила крик. Лена боролась отчаянно, изо всех сил своего юного тела, но тщетно. В шайке, напавшей на нее, было пятеро головорезов. Брошенная наземь, она ударилась головой о камень. И хорошо еще, что потеряла сознание.

Есть поступки, о которых лучше не распространяться, — они хуже скотства. Но существует известная последовательность в преступлении, преемственность случая и обстоятельств, связующая события, даже годами отделенные друг от друга. О страшной беде, постигшей Лену, здесь нельзя умолчать, потому что она имела прямое касательство к делу Мэфри, и, не случись ее, дело Мэфри никогда бы не разрешилось. Со стоном придя в себя, Лена попыталась понять, что произошло, ноги ее не держали, она снова упала. Наконец, с рассеченной щекой, шатаясь, она побрела в отель.

Весь персонал был потрясен внезапным и диким нападением. На розыски преступников были посланы целые отряды. Но обнаружить их не удалось. Видимо, это были не местные парни, а хулиганье из Ноттингема, наводнившее эти края по случаю ярмарки.

Майор Прентис и его жена с редкостным добросердечием отнеслись к Лене. Когда первое потрясение миновало и она была уже в состоянии передвигаться, они стали настойчиво ее уговаривать взять длительный отпуск, конечно, за их счет, прежде чем снова приступить к работе в отеле. Но и то и другое было неприемлемо для Лены. Она не могла больше выносить эту нескрываемую жалость, эти исподтишка бросаемые на нее сочувственные взгляды, заботу и внимание, какими ее окружали. Она знала, что здесь ее карьера окончена. К тому же была и другая причина, заставившая ее устремиться прочь. Лена хранила стоическое молчание, блюдя свою тайну: она сделала страшное открытие, что у нее будет ребенок.

В то время в отеле жил некий Данн, человек молчаливый и не слишком обаятельный; он регулярно наезжал в Эстбери, так как любил ловить на муху серебристую форель, которая, по слухам, осенью в изобилии шла по реке. Среди прочих занятий Данна привлекало изучение человеческой психологии и в перерывах между своими явно неудачными атаками на форель он изучал Лену.

Хоть он и внушил себе мысль, что ни одна женщина не может произвести на него впечатление, тем не менее он с несказанным восхищением наблюдал за этой молчаливой и упорной, мужественной женщиной, которая так старалась с честью выйти из ужасного положения, а главное — с таким спокойствием и терпением пыталась побороть приступы истерии, овладевавшие ее израненной свободолюбивой душой. Когда он грезил, сидя у реки, подставляя свою лысину ласковым солнечным лучам, ему казалось, что он должен написать книгу о Лене, но он не умел писать книги и боялся, что ничего хорошего из этого не выйдет. И все же он сумел угадать, чего жаждет раненый дух Лены — скрыться, отречься от себя самой, от всех, кто когда-либо знал ее. Без лишнего шума он устроил так, что Лена смогла уехать в Уортли, к некоей миссис Хэнли, его старинной приятельнице, на которую, в этом он не сомневался, вполне можно было положиться.

Данн не был богатым человеком, и к тому же на руках у него была семья. Тем не менее в силу особых свойств своего характера он не оставил Лену в беде, когда все те милые люди, что изливали на нее бальзам добросердечия и бросались подкладывать ей под спину подушки на террасе отеля, давно уже забыли о ней.

Он взял на себя заботу и попечение о ее родах, которые оказались трудными и опасными. Ребенок, родившийся глухим, прожил, на свое счастье, всего несколько недель. Но прошли еще месяцы, прежде чем Лена, разбитая физически и нравственно, была в состоянии вернуться на свою квартиру, к миссис Хэнли.

Данн не стал устраивать Лену на работу. Теперь, когда самое страшное осталось позади, ей необходимо было вновь обрести почву под ногами. А потому, когда ей наконец предложили место в кафетерии магазина «Бонанза», он не стал ее отговаривать. Одобрительно кивнул — и все. По дороге на службу он частенько захаживал туда выпить чашечку кофе и посмотреть, каковы успехи его подопечной. По обыкновению внешне бесстрастный, он с интересом наблюдал за тем, как в ее душе начинается борьба за возрождение. Данна забавляло то, что Лена смотрит на тяжелую работу, как на верное средство от тоски.

И сейчас она прибегла к этому же противоядию в борьбе с одолевавшей ее печалью. Придя домой из магазина, Лена надевала халат и молча, с решительным видом принималась скрести и натирать пол, стирать оконные занавески, чистить графитом каминную решетку, надраивать медные ручки — словом, трудилась над своими двумя комнатами, покуда они не начинали сиять.

Однажды вечером она пришла домой и растерянно огляделась вокруг: делать было совершенно нечего, не осталось ни пылинки, на которую можно было бы ополчиться. С горя она пошла вниз, во владение миссис Хэнли, и стала печь пирог. Покончив с этим, посидела в гостиной у своей хозяйки, послушала последнее письмо Джо, ее супруга, который отплыл из Тэмпики и в следующий понедельник должен был прибыть в Тилберийский док. Но ей никак не удавалось сосредоточить свое внимание на новостях, сообщаемых механиком.

— В чем дело, Лена? — осведомилась миссис Хэнли. — Вы на себя не похожи. Вот что значит работать с утра до ночи.

— Это пустяки, — постаралась улыбнуться та.

— Нет, у вас в лице ни кровинки. Просто не знаю, как вас тут бросить одну. До чего глупо, что Джо остается на судне во время ремонта... А потом у него еще будет целый месяц отпуска.

— Не волнуйтесь: со мной ничего не случится. А вы славно проведете время в Лондоне.

— Так-то оно так... Я всегда хотела туда съездить. Тем более что пароходная компания оплачивает нам гостиницу на весь месяц. И все же... Обещайте мне немножко последить за собой.

— Обещаю... Завтра я обязательно отдохну. В субботу ведь у меня свободный день.

Но суббота не внесла никаких изменений в душевное состояние Лены. Утром, после того как она отвезла на вокзал миссис Хэнли, ее охватило чувство мучительного одиночества, и, сама не зная, как это случилось, она пошла не той дорогой, которой ходила обычно, когда гуляла по выходным дням. Оказавшись у входа в Ботанический сад, Лена очень смешалась и жестоко себя осудила.

«Ну, что ж, — впрочем, тут же подумала она, хоть и не очень была довольна своей слабостью, — раз уж я пришла, надо войти. Сегодня здесь по крайней мере мало народу».

Она прошла через широкие ворота по аккуратно расчищенной дорожке и направилась в противоположную сторону той, где они гуляли с Полом. Добрый час она старалась побороть желание войти в оранжерею, но под конец все же зашла.

Очувтившись в изящном стеклянном домике перед стройным апельсиновым деревцом, возле которого они тогда стояли вместе, Лена почувствовала, как сердце ее тяжело забилося. Она торопливо прижалась лицом к ветке с восковыми пахучими цветами, затем повернулась и вышла.

Вечером, раздевшись, она вдруг увидела свое нагое тело в зеркале на туалетном столике,

увидела следы, оставленные беременностью в виде голубоватых прожилок на белой коже. Охваченная отвращением к себе, Лена словно окаменела, а потом вдруг ударила себе по щеке, на которой еще виднелся шрам.

— Нечего с ума сходить, — пробормотала она. — Толку от этого не будет... Никогда!

Она выключила свет и в темноте крепко сомкнула веки.

Но всей ее решимости не хватало, чтобы подавить волнение. Оно было сильнее ее, и под конец она со стыдом поставила крест на этой бессмысленной борьбе. Назавтра Лена пошла на Пул-стрит, где жил Пол, позвонила и осведомилась, дома ли он.

Миссис Коппин, прищурившись, оглядела ее.

— Он выехал, — ответила она.

На мгновение у Лены остановилось сердце. Но она не отступила.

— Куда?

— Понятия не имею! Вам, верно, будет интересно узнать, что за ним приходили из полиции. Мне пришлось оставить у себя его чемодан в уплату за квартиру.

Пауза. В уме Лены созрело решение.

— Если я заплачу за него, вы разрешите мне забрать чемодан?

Миссис Коппин задумалась. Имущество Пола вряд ли чего-нибудь стоило, и она никогда не надеялась «хоть грошик за него выручить». Сейчас подвернулся благоприятный случай. Упускать его и задавать вопросы, право, не стоит. Она кисло пробормотала что-то в знак согласия и, не затворив дверь, пошла в дом.

Раскрасневшаяся, с видом заговорщицы, Лена принесла домой выкупленный ею помятый коричневый чемодан. В нем было только немного старой, изношенной одежды. Она выстирала и выгладила рубашки, заштопала носки, вычистила фланелевые брюки, аккуратно загладила складки. И даже сунула в боковой карман несколько шиллингов. Прodelывая все это, она почувствовала облегчение, но когда наглаженные, починенные вещи опять были сложены в чемодан, на душе у нее не стало лучше... В ней неуклонно крепла уверенность, что с Полом стряслось несчастье.

Назавтра в «Бонанзе» она услышала о нем. Когда Лена вошла туда, Нэнси Уилсон со вкусом о чем-то рассказывала другим продавщицам. Все столпились вокруг нее, и даже Херрис стоял поблизости — очень уж пикантные новости она сообщала.

— Честное слово, — тон у Нэнси был в высшей степени патетический, — я прямо обмерла от удивления. Иду это я в кино со своим кавалером и вдруг вижу: он тащит на себе щиты с афишами... Я его даже не сразу узнала, так он изменился — худой-худой, растрепанный, настоящий оборванец, без пальто даже. «Постой-ка минутку, Джордж, — говорю я своему ухажеру. — Вон того человека я знаю». Я остановилась и стала смотреть, как он вместе с другими беднягами тащится в этой цепочке. Ну, конечно же, это был Пол! Вдруг он заметил меня, отвернулся и пошел быстрее.

Вся маленькая аудитория дружно заахала. Лена ощутила внезапный приступ слабости.

— Нет, надо было вам его видеть! — Нэнси закатила глаза. — Он человек конченный!

— Я всегда говорил, что ничего хорошего из него не выйдет, — с всезнающим видом подвел

Херрис итог «конференции». — Я кое-что разузнал о нем в полиции. Ну, а теперь идите по своим местам.

Тут последняя способность к сопротивлению оставила Лену. Она отдавала себе отчет в своем безрассудстве, знала, что готовит себе беду и горе. Но ничего с собой не могла поделаться. Она, уже не таясь, начала искать Пола. Каждое утро, идя на работу, и каждый вечер, возвращаясь домой, она выбирала окольные пути, без усталости бродила по самым захолустным улицам, настороженно высматривая его печальную фигуру. В свободное время она часами поджидала его у вокзалов. Но его не было нигде.

Глава II

Пол вышел из дома Спротта и вслепую побрел по затихшим улицам. Ночь была холодной и ясной, дул пронзительный ветер, и легкое дыхание мороза уже чувствовалось в воздухе. Несмотря на то, что Пол совсем обессилел, одна мысль прочно засела в его мозгу. Очутившись наконец возле канала, он вытащил из кармана револьвер и со вздохом облегчения далеко швырнул его в маслянистые воды. Глухой всплеск отдался у него в ушах. Тупо смотрел он, как а лунном свете расходятся и убывают темные круги. И лишь когда исчезла последняя рябь, повернулся и пошел прочь.

В это самое мгновение часы на Уэйр-стрит пробили одиннадцать.

Их гулкий бой почти совсем отрезвил его, и вдруг, несмотря на сумятицу в мыслях и смертельную усталость, он понял, что в кармане у него нет ни гроша, и стал раздумывать, где провести ночь. Мало-помалу ему стало ясно, что есть лишь одна возможность — та, которой пуще всего страшился Джерри и другие обитатели ночлежки. Он должен выспаться. А в городе было место, известное под названием Арки, — единственный, не считая кладбища, уголок, где в силу какого-то неписаного закона бездомные могли спокойно «отсыпаться». Пол медленно побрел по направлению к злосчастным Аркам, сознавая, что рухнул последний шаткий оплот его респектабельности. Теперь он уже по ту сторону рубежа.

Поблизости от Арок — двух темных выемок между опорами железнодорожного моста, по которому шли поезда в Среднюю Англию, — находился канал. Когда Пол добрался туда, оказалось, что нашлись и другие горемыки, которые уже устроились там на ночлег. Подняв воротник пальто и засунув руки в карманы, Пол уселся в сыром сумраке подле круглого железного столба. Холод пронизывал его до костей. Силясь побороть дрожь, он закрыл глаза и тревожно, урывками, продремал всю ночь. В угрюмой серой дымке настал рассвет, и поезд прогрохотал по мосту над головами бездомных. Скорчившийся, продрогший, Пол едва поднялся на ноги и, спотыкаясь, сделал несколько шагов. Его мутило, желудок настойчиво и болезненно требовал пищи, но у него не было денег даже на грошовую булочку. Инстинктивно он пошел в сторону «Лэйнзской рекламной компании», но, наткнувшись на закрытые ворота, повернул к вокзалу на Леонард-сквер. Проторчав весь день у подъездных путей и наслушавшись ругани и поношений профессиональных носильщиков, он заработал десять пенсов. На ужин и на ночлег этого было недостаточно. В ближайшем рабочем кафе он заказал колбасу с толченой картошкой — отвратительно приготовленное жирное месиво. Оно камнем легло у него в желудке, вызвав острую спазматическую боль. С трудом волоча ноги, он отправился обратно под Арки.

На следующее утро хлынул проливной дождь. Опять идти на вокзал Пол был не в состоянии; он бродил по улицам, ища где бы укрыться от ливня. Он смертельно устал, но в этом большом городе ему негде было присесть, разве что на мостовой. Под конец он набрел на бильярдное заведение и там, наверху, в насквозь прокуренном зале, освещенном

зеленоватым светом ламп, нашел пристанище. Правда, только временное. После того как он вяло пронаблюдал несколько партий, не выказывая поползновения сыграть, к нему подошел служитель и попросил покинуть заведение.

Очутившись снова на улице, Пол помнил лишь одно: одно двигаться. Для чего, собственно, — об этом он не думал.

Под вечер он оказался у отводного канала, черного и мрачного, с небольшими фабриками и кирпичными заводами по берегам. Пола окликнули с какой-то баржи и попросили подержать канат, пока команда управится с механизмом примитивного шлюза. На барже возле кабины стояла немолодая женщина с приветливым лицом и жарила на печке яичницу с беконом. Возможно, она догадалась о положении Пола. Когда он отпустил канат и баржа медленно двинулась дальше, она протянула ему ломоть хлеба с большим куском горячего бекона.

Это материнское участие и исполненный жалости взгляд, который она бросила на него, болью отозвались в душе Пола; внезапно его охватило желание вернуться домой, вернуться к нормальной жизни добропорядочного человека. Но он тут же поборол этот порыв. Никогда он не отступится, никогда и ни за что! Насквозь промокший, он двинулся обратно в город, к Аркам.

Для Пола наступила пора, такая сумрачная и тяжкая, что время от времени, когда сквозь эту муть до его сознания доходило, в каком положении он находится, он содрогался и растерянно спрашивал себя, неужели это так. Полностью завися от случайно заработанных грошей, он иногда целыми днями сидел без пищи. Память порою изменяла ему, и тогда он ходил как потерянный. В этом лунатическом состоянии он не помнил, кто он, а вспомнив, испытывал безрассудное желание остановить прохожих и доказать им, что он — это он. Иногда же он видел не людей, а только их расплывчатые очертания и, натолкнувшись на кого-нибудь, долго бормотал извинения. В этом бреде он не мог отделаться от ощущения — и это был скорее мираж, чем уверенность, — что за ним следят. Все время ему виделось лицо сержанта Джаппа, наблюдавшего за ним из какого-нибудь темного угла. Джапп не сводил с него глаз и ждал, тупо и враждебно ждал неотвратимого конца. И с трудом шевеля мозгами, Пол удивлялся, почему он еще не арестован. Платье его было грязно, башмаки промокли, он уже давно не брился. Нестриженные волосы доходили до воротника, глаза смотрели тупо, без всякого выражения. Время от времени он недоуменно спрашивал себя, неужели можно умереть с голоду в этом большом процветающем городе.

Существует, конечно, благотворительность, и, вконец сломленный, забыв о гордости, он прибег к этому последнему средству. Однажды, уже в сумерках, поплелся он в восточный угол Хлебного рынка. Там, в маленьком закоулке между трамвайных путей, стоял обыкновенный вагончик, вернее, фургон на колесах, с жестяною трубой и откидным оконцем, вокруг которого уже толпился голодный люд. Ровно в пять часов откидное окно было превращено в прилавок, за ним виднелось вполне современное кухонное оборудование. Человек в белом фартуке выдавал каждому по очереди миску супу и ломоть хлеба, пропитанный жиром. Когда и Пол наконец получил свою порцию, горячий суп разжег животворный огонь в его жилах. Он с жадностью проглотил хлеб и молча удалился.

В окружающем мраке, в этой ненужной, но неистовой борьбе за то, чтобы выжить, благотворительная столовка сделалась единственной целью, так сказать, фокусом его существования. Каждый вечер, в хорошую и дурную погоду, он молча присоединялся к стоявшей в ожидании веренице людей. Они не разговаривали друг с другом — они просто ждали. И, покончив с пищей, так же молча расходились, исчезали в темноте.

Приблизительно через неделю, а именно в среду вечером, к служителю в белом фартуке присоединился человек лет пятидесяти, высокий, прямой, весь в черном, почти пасторского обличья, с темными глазами и со слабой, впрочем, доброй, улыбкой. Пол тотчас узнал в нем

Еноха Освальда и только тут понял, что все это время ходил в «Столовую Серебряного Короля». И в самом деле, когда мистер Освальд снял черную шляпу с широкими полями, его волосы в свете керосиновых фонарей блеснули серебряной белизной, заслужившей ему прозвище Серебряного Короля, хорошо знакомое всем нищим и бездомным, пользовавшимся его благодеяниями.

С обнаженной головой, с неизменной улыбкой, рассеянной и приветливой, он медленно проходил вдоль ряда своих нахлебников, на секунду останавливался перед каждым и, не глядя в лицо, молча вкладывал в руку бедняка блестящий, новенький шиллинг. Когда Освальд приблизился, Пол, хоть и не поднимал головы, но почувствовал это по внезапно охватившему его волнению. В первую минуту он не испытывал ничего, кроме благодарности. Но затем им овладело другое чувство, порожденное безнадежностью его положения, — глубокое и страстное желание заручиться поддержкой этого истинно доброго человека: раз он всей душой стремится протянуть руку помощи самым несчастным и отверженным, то уж, конечно, не откажется помочь и ему. Преданный Кэслзом, ввергнутый в трясину людского вероломства, загнанный и всеми покинутый, он — видит Бог! — нуждался в такой помощи и поддержке!

Желание заговорить, открыть душу, рассказать о трагическом положении, в какое он попал, властно завладело Полом. «Какой случай!» — думал Пол, замирая. За долгие часы мучительных раздумий он пришел к выводу, что одна только Бэрт может раскрыть Тайну убийства. Бэрт все знала — это не подлежало сомнению. И она — здесь, недалеко, живая, реальная, а все остальное — мираж, тени, затерянные во мраке лет. И вот сейчас рядом с ним стоит человек, который в силу своего общественного положения и влияния может скорее, чем кто-либо другой, заставить заговорить эту несчастную. И, конечно же, в том, что он, Пол, так низко пал, — а потому и произошла эта встреча, — было своего рода предопределение, так сказать, перст судьбы.

Внезапно у него потемнело в глазах. Слишком велико было напряжение для его ослабевших, истерзанных нервов. Спазма сдавила ему гортань, слова замерли на языке, он даже губ не мог разжать. Когда головокружение прошло, благотворитель уже исчез. Пол проклинал себя за злополучную слабость. Пойти на дом к Освальду он, конечно, не посмеет. Но служитель сказал ему, что «босс» приходит сюда каждую среду под вечер, и Пол, как он ни был убит и расстроен, сообразил, что упущенный случай вновь представится ему на следующей неделе. Серебряная монета, оставшаяся у него в руке, казалась ему талисманом.

Нелегко было прожить последующие дни. К концу недели сильно похолодало. Туманы поднимались с болот и душной мглой нависали над городом. В этих непроходящих угрюмых сумерках воздух был пропитан сернистыми испарениями. У Пола появился сухой, лающий кашель. В минуты, когда сознание его прояснялось, он начинал понимать, что дальше так продолжаться не может.

Но затем настала среда, и в нем ожили надежды. Он раньше времени отправился на Хлебный рынок и занял место среди пришедших первыми столовников. Тьма надвинулась мгновенно. Зажглись керосиновые фонари, откидное окно открылось. Дождаясь, когда начнут выдавать пищу, Пол внезапно почувствовал, что кто-то стоит подле него. Но нет, это был не Серебряный Король: Пол не ощутил живительного волнения. Помедлив секунду, он поднял голову и увидел рядом с собою Лену Андерсен.

Глава III

Да, это Пол! Он действительно рядом с ней, но так изменился, что у Лены слезы выступили

на глазах.

— Ах, Пол, это вы? — Она сделала вид, что встретила его случайно.

Бледный как смерть, он отвел глаза и ничего не ответил.

— Какая неожиданность! — запинаясь, продолжала Лена. — Давайте пройдемся немножко.

Помолчав, он сказал:

— Я должен подождать здесь.

— Чего же?

Он знал, что она не поймет, если он и скажет ей. И вяло ответил:

— Дело в том, что я получаю здесь ужин. Если я выйду из очереди, мне его не видать.

Безразличие, с каким он сделал это признание, вновь больно резануло Лену. Она сказала:

— Я сейчас иду домой. Пойдемте ко мне ужинать.

Он устало взглянул на нее. В ее глазах он прочел такое участие, что на сердце у него стало еще тяжелее.

— Ни к чему вам знать со мной, — пробормотал он.

Она продолжала смотреть на него в упор.

— Пойдемте, Пол, прошу вас...

Он колебался, раздираемый на части своей слабостью и твердым решением дожидаться Серебряного Короля. Опять он почувствовал дурноту. Взглянув на свои обтрепанные брюки и продранные башмаки, он пробормотал наконец:

— Не могу я в таком виде идти с вами по улицам. Оставьте меня сейчас... Я должен побыть здесь еще с полчаса. Потом я приду к вам.

— Вы обещаете? — Дыхание ее участилось.

Пол кивнул. Лена еще раз с тревогой взглянула на него, затем медленно повернулась и ушла.

Он стоял понуро и даже не посмотрел ей вслед, и все-таки ее неожиданное появление среди моря безымянных, неведомых лиц влило в него новую надежду: кто знает, может быть, под конец все еще обернется к лучшему...

Пошел дождь, косой, безжалостный дождь английской зимы. Пол инстинктивно поднял воротник пиджака и, когда началась раздача супа и хлеба, осторожно протиснулся вперед: вот-вот должен появиться Енох Освальд.

Но, видимо, Серебряный Король где-то задержался и, когда Пол дошел до вагона-кухни, его все еще не было. На грани отчаяния, Пол вглядывался во все подходы к рынку. Наконец, обернувшись к служителю, заметил:

— Сегодня босс что-то запаздывает.

— А он уже теперь и не придет. Разве что завтра, — ответил тот, с размаху ставя на прилавок

поднос с полными до краев мисками. — Следующий!

Какое горькое разочарование! Пол возлагал такие надежды на эту встречу, что даже столь малая отсрочка расстроила его. Стоявшие сзади напирали, подталкивая его. Он не взял ни супа, ни хлеба. Несколько секунд он стоял неподвижно, затем, бросив нерешительный взгляд на часы на крытом рынке, тупо побрел прочь, с трудом волоча ноги по склизкой мостовой.

Но Лена не ушла домой, она укрылась в подъезде на другой стороне улицы и, когда Пол свернул с Рыночной площади, нагнала его.

— Пойдемте, Пол.

— Если стать на принципиальную точку зрения, — пробормотал он, — вернее, перенестись в сферу чистой логики... Нет, я что-то ничего не понимаю...

Теперь она уже не на шутку встревожилась. Нерешительности ее как не бывало. Она взяла его под руку и потянула за собой. И Пол покорно побрел. За всю дорогу до Уэйр-плейс он не проронил ни слова, но Лена заметила, что губы его шевелятся, словно он говорит сам с собой. Раз или два он оглянулся через плечо.

Когда они вошли в дом и стали подниматься по лестнице, Лена еще больше побледнела, но держалась решительно.

На площадке перед дверью гостиной она обернулась к нему.

— Сейчас будет ужин. — Хотя внутри у нее все дрожало, внешне она была спокойна. — Только сначала вам нужно переодеться.

Она провела его в ванную комнату, открыла горячую воду, принесла мыло, полотенце, его собственный бритвенный прибор, белье и одежду. Пристально и удивленно смотрел он на эти вещи.

— Чье это?

— Ваше, — поспешно ответила Лена. — Только сейчас ни о чем меня не спрашивайте. Приводите себя скорее в порядок.

Покуда он мылся, она разожгла камин в гостиной, прошла в маленькую кухоньку, поставила на плиту две кастрюли и начала собирать на стол. Когда он вошел, выбритый, в фланелевых брюках и рубашке с отложным воротничком, ее приготовления были почти закончены. Молча она придвинула стул к столу, жестом пригласила его сесть и поставила перед ним чашку бульона.

Он взял ее обеими руками и только тогда заметил ложку на скатерти, возле своего места; он погрузил ее в густой отвар и дрожащей рукою поднес ко рту. Когда в чашке ничего не осталось, Лена поставила перед ним тарелку с тушеным мясом. Он ел молча и сосредоточенно, не замечая, что она наблюдает за ним. Он был страшно худ, но куда более тяжелое впечатление производила мертвенная неподвижность его лица. Покончив наконец с едой, он вздохнул, поднял голову и тихо сказал:

— Я давно уже так не ел, очень давно.

— Вы лучше себя чувствуете? — спросила Лена, вставая, чтобы скрыть слезы, непрошенно навернувшиеся на глаза.

— Гораздо лучше.

И он поднялся, словно собираясь уходить; казалось, навязчивая идея — идти, идти — владела им...

Лена живо пододвинула его стул к камину. Когда он понял, что это для него, он сел, крепко сжал руки и уставился в огонь. Время от времени взгляд его с каким-то робким удивлением скользил по комнате, впитывая в себя уют этих четырех стен.

Убирая со стола, Лена все время наблюдала за ним, и лицо ее вдруг приняло решительное выражение. Конечно, в отсутствие хозяйки дома крайне трудно решить такой вопрос, но это ее не остановит. Она кончила мыть посуду, опустила закатанные рукава и вышла. Через десять минут она вернулась. Пол все еще сидел неподвижно, уставившись на огонь.

Внезапно почувствовав ее присутствие, Пол вздрогнул, вскочил на ноги.

— Мне пора уходить.

— Куда?

— К себе в отель.

— А где он?

Он попытался выдавить улыбку, но мускулы лица почему-то не послушались. Плечи его опустились, голова склонилась на грудь.

— Вы хотите знать где? Под Арками. Если туда не придешь вовремя, останешься без крова.
— Короткий смешок потряс его. — Признаться, неприятное ощущение, когда струи дождя текут у тебя по спине.

— Нет, — объявила Лена. — Вы туда не пойдете.

— Но я должен идти. — Теперь он заговорил с горячностью. — Неужели вы не понимаете? Не могу же я всю ночь гранить мостовую? Дайте мне мое пальто! Если я прозеваю свою место, где, спрашивается, я буду спать?

— Здесь, — отвечала Лена. — Здесь вы будете спать. Я вам постелю на половине миссис Хэнли. У нее там есть свободная комната. И чем скорее вы ляжете в постель, тем лучше.

Она круто повернулась, повела его на площадку и распахнула дверь в комнату, где все уже было для него приготовлено. Красные шторы были спущены, лампа зажжена, в камине теплился газовый огонек, с удобной кровати было снято покрывало.

Пол медленно протер глаза тыльной стороной руки, словно не в силах осмыслить, что это животворное тепло — для него.

— Подумать только, — ошеломленно и даже торжественно проговорил он, — ужин... и кровать. Какими словами выразить...

— Ах, Пол, — взмолилась Лена (голос у нее дрожал), — не надо сейчас говорить... Ложитесь, отдохните.

— Хорошо, — согласился он. — Это и вправду будет... отдых.

Пока они стояли в дверях, внезапный порыв ветра струями дождя ударил в окна. Пол вздрогнул и чуть не расплакался, как дитя, при мысли о том, какая сырость и холод ждали его на улице. Отвернувшись, чтобы Лена не заметила судороги, пробежавшей по его лицу, он вошел в комнату и закрыл за собою дверь.

Глава IV

В комнате было уже светло, когда Пол проснулся. Несколько минут он лежал не шевелясь, стараясь понять, где он и что с ним, затем, услышав шаги за дверью, встал, быстро оделся и вышел в кухню. Лена уже приготовила завтрак и накрывала на стол. При его появлении она смешалась, краска густой волной залила ее лицо и шею. Она почти не спала эту ночь, думая о Поле, который наконец-то был так близко от нее, и в то же время упрекала себя за вольность, которую себе позволила в отсутствие хозяйки. И все же, как ни затруднительно было ее положение, интуитивно она чувствовала, что любой ценой должна удержать Пола здесь, вдали от улицы, ну хотя бы до возвращения миссис Хэнли. Она налила кофе, поставила перед ним яйцо и поджаренный хлеб и смотрела, как он ест. Он был молчалив, и она тоже считала уместнее не тратить лишних слов. Позавтракав, Лена без дальнейших разговоров, словно его пребывание здесь было чем-то само собой разумеющимся, ушла в «Бонанзу».

После ухода Лены Пол вернулся в свою комнату и, охваченный бесконечной усталостью, пробыл там почти всё утро. Наконец-то после стольких мытарств у него появилась крыша над головой, позволявшая на какое-то время чувствовать себя в безопасности, и он принялся размышлять.

Очувтившись вне злополучных Арок, прилично одетый, сытый, он почувствовал, что мужество возвращается к нему, мозг его работал яснее, и он решил, что должен в конце концов собраться с духом и пойти к мистеру Освальду на дом.

Ровно в четыре часа он вышел на улицу. До холма Бримлок путь был неблизкий, и ему пришлось несколько раз присаживаться на скамейку, пока он шел через парк. И все-таки приблизительно через час он уже добрался до мест, которых так долго избегал.

Намереваясь пересечь Бримлокский проспект, он столкнулся на углу с человеком, который в начинавшихся сумерках с любопытством поглядел на него, прошел мимо, потом вдруг остановился, повернул и зашагал обратно. То был Джек, официант из кабачка «Королевский дуб».

— Никак, это вы! — не без удивления воскликнул Джек. И добавил: — У меня есть кое-что для вас.

Его слова не вывели Пола из апатии. Он стоял и вяло смотрел, как тот рылся в своем потертom бумажнике.

— Ага, вот оно! — воскликнул Джек. — Я его таскаю с собой уже добрых две недели. Луиза Бэрт просила передать вам это письмо.

Тусклый взгляд Пола остановился на грязном конверте, который Джек достал из бумажника, и кровь вдруг быстрее побежала по его жилам. Он протянул руку и взял письмо. Теперь Джек с еще большим любопытством смотрел на него.

— Нельзя сказать, чтобы вы часто к нам заглядывали.

— Да, — отвечал Пол. — Не часто.

— Плохи дела, а?

— Да нет, все в порядке. — Пол говорил машинально, не сводя глаз с конверта, и странное

предчувствие вдруг шевельнулось в нем.

Наступило молчание. Джек переминался с ноги на ногу.

— Ладно, — сказал он наконец, — мне пора. Всего наилучшего.

Он опять бросил испытующий взгляд на Пола, пожал плечами и зашагал вниз по улице.

Когда он скрылся из виду, Пол еще некоторое время постоял неподвижно в унылых сумерках. Несколько раз он провел языком по пересохшим губам. Потом, зажав в руке измятое письмо, торопливо пошел к ближайшему фонарю и вскрыл конверт. В неровном свете фонаря он прочитал:

«Дорогой мистер красавчик!

Ты, видно, хотел из меня дуру сделать, мне теперь на тебя глаза раскрыли, так вот я тебя извещаю, заруби себе это на носу, что я выхожу замуж, по-правдашнему, в церкви, и не нуждаюсь больше в твоих ухаживаниях и в том, чего ты мне наобещал, благородный такой сэр. Мистер Освальд об нас позаботился и устроил, что мы с мужем в том месяце поедem в Новую Зеландию, точь-в-точь как он сделал и для моего друга Эда Коллинза, который был здесь до меня, я его, понятное дело, разыщу, когда приеду. Так что я теперь жить буду в новой стране, в довольстве и в роскоши. Воображаю, до чего ты разозлишься!

Твоя Луиза Бэрт.

Ты меня ни разу не надул. Мне тебя жалко».

Разочарованный Пол медленно оторвал взгляд от письма. В конце концов все оказалось сущей ерундой. И тем не менее странные мысли зароились в его мозгу. Полу казалось, что он парит в сумеречном свете между иллюзией и действительностью. Улица, мягко покачиваясь, уплывала куда-то вдаль. В ушах у него гудело и жужжало. И тут, словно дух его, спавший последнее время, отдохнув, снова набрался сил, все вокруг залил яркий свет. Завеса медленно раздвинулась.

Приподняв одно плечо, протянув руку к колеблемому ветром огоньку, Пол стоял и перечитывал письмо, злобное, дурацкое, насквозь пропитанное дешевым тщеславием обиженного судьбою существа. И одна фраза — насуточно важная, исполненная страшного значения — выступала из него, словно начертанная огненными литерами: «...моего друга Эда Коллинза... здесь до меня...» Лицо Пола в полутьме улицы окаменело, застыло. Но глаза его сверкали, и жилки на висках учащенно бились.

Как же он раньше не подумал об этом? Хотя мозг его продолжал лихорадочно работать, он пытался успокоиться, пытался собрать воедино обрывки смутных мыслей.

Луиза Бэрт двенадцать лет прослужила у Освальдов — факт сам по себе хоть и примечательный, однако ничего не доказывающий. Но этот же факт становится исключительно важным, если сопоставить его с тем, что вместе с Бэрт в доме Освальдов работал Эдвард Коллинз.

Да, да, как же случилось, что оба главных свидетеля по делу Мэфри оказались на службе в семье Освальдов? Возможно, все объясняется филантропией. Но своеобразное все-таки добросердечие у этих Освальдов: женить своих слуг, а затем сплавлять их на край света.

Нервы Пола были натянуты до предела, и его внутреннему взору вдруг представился Енох Освальд — высокий, с массивной головой, ушедшей в высокие, угловатые плечи, с темными

глазами, благожелательно смотрящими из-под седых бровей. Неужели этот добрый человек может быть каким-либо образом причастен к делу Мэфри?

Почему так случилось, Пол сам не знал, но в этот миг он весь был поглощен одним из ряда вон выходящим воспоминанием — о голосе человека, разговаривавшего с Альбертом Прасти на темной лестничной площадке в тот день после снежной бури, о голосе хозяина Эшоу-террейс.

Как луч света среди тьмы, поразила Пола новая мысль. Он выпрямился, волнение его возросло. Сегодня четверг — день, когда табачная лавка закрывается рано; значит, Прасти почти наверняка дома. Сейчас около пяти часов. Пол инстинктивно расправил плечи и, не обращая внимания на дождь, двинулся в путь.

Глава V

Двадцать минут спустя Пол уже стучал в дверь на втором этаже дома номер пятьдесят два по Эшоу-террейс. Сначала никто не отзывался, но когда он постучал вторично, из прорезанной в двери щелки для писем послышался голос Прасти:

— Кто там? Я никого не принимаю.

Пол быстро наклонился, чтобы Прасти мог увидеть его.

— У меня приступ астмы, — пожаловался Прасти. — И я только что лег. Приходите завтра.

— Нет, нет... Я должен сейчас же переговорить с вами... должен.

Пол решил не отступать, так что Прасти, наконец, ворча, открыл дверь и впустил его в прихожую, жарко натопленную, пропитанную едким запахом жженого страмония[5]. Прасти был без пиджака, в штанах и рубашке. Глядя на Пола, он тяжело, спазматически дышал, щеки у него побагровели, лицо приняло сердитое выражение.

— Какого черта вам надо?

— Я не задержу вас и минуты, — торопливо сказал Пол. — Я только хотел спросить вас... — У него вдруг пересохло во рту. — Кто хозяин этого дома?

В тесной и слишком сильно натопленной прихожей тяжелое дыхание Прасти вдруг прервалось от удивления. Он воззрился на посетителя.

— Да вы же слышали, я говорил с ним в тот день. Это мистер Енох Освальд.

Пол снова почувствовал слабость, его словно оглушили молотом. Он прислонился к стене.

— До меня как-то не дошло тогда, что это мистер Освальд.

— Тем не менее это так. Ему принадлежит вся Эшоу-террейс, как прежде принадлежала его отцу... Он один из самых богатых и, кстати сказать, самых добрых домовладельцев в Уортли. Он ни разу за десять лет не повысил мне квартирной платы. И всегда вовремя производит ремонт моей квартиры.

— А квартира наверху... — Пол говорил странно сдавленным голосом, — тоже содержится в порядке?

— Ну, конечно, — с теплой ноткой в голосе отвечал Прасти. — Это удивительно порядочный и обходительный человек. А какого черта вы меня расспрашиваете?

— Просто так. Есть у вас еще ключ от верхней квартиры?

— Есть. И астма тоже есть. Ну, до свидания. Я не могу больше стоять здесь в одной рубашке.

Он попытался оттеснить Пола к двери.

— Еще минутку. Помните, вы говорили, что я мог бы осмотреть квартиру там, наверху. Так дайте мне, пожалуйста, ключ.

Лицо Прасти можно было бы назвать маской досады. Он уже собрался ответить отказом. Но ему не захотелось отступить от своего слова, а главное, он жаждал избавиться от Пола. Он круто повернулся, прошел в кухню и принес ключ.

— Вот! — буркнул он. — А теперь оставьте меня в покое.

И с шумом захлопнул дверь.

Очутившись на площадке, в полутьме, Пол остановился. Он слышал, как Прасти закладывает болтом дубовую дверь. Глаза его напряженно вглядывались в темный лестничный марш, ведущий к верхней квартире. Но едва он занес ногу на первую ступеньку, как ему вдруг показалось, что лучше будет избрать другой образ действий, более скорый и эффективный. Он остановился, еще подумал и сунул ключ в карман. «Не сейчас», — решил он. Повернулся и быстро пошел вниз по лестнице.

На улице он поднял воротник, защищаясь от пронизывающего ветра, и быстрым шагом двинулся вперед. Страшное подозрение прочно утверждалось в его возбужденном мозгу. В более спокойные минуты он, конечно, счел бы это чистейшим безумием. Но сейчас он уже был по ту сторону рассудительности, и эта мысль, вонзившаяся в его сердце, вырастала из ничего, вырастала стремительно и неуклонно, не контролируемая разумом, пока не овладела им, не захватила его целиком. Енох Освальд... Ему принадлежала квартира, в которой жила Мона Спэрлинг. Поскольку он самолично вел свои дела, он каждый месяц должен был встречаться с нею, когда приходил за квартирной платой. А если он и чаще туда заглядывал, кто стал бы этим интересоваться? Он был хозяином дома и мог заходить в любую квартиру — личность не более приметная, чем почтальон или бакалейщик, ежедневно разносящий свой товар. Если Мона Спэрлинг и была любовницей домохозяина, кто мог бы это заподозрить? И если он убил ее...

Конвульсивная дрожь прошла по телу Пола. Возможно, все это безумие, но его измученный дух не мог отделаться от подозрения, — наоборот: отдельные действия богача Освальда смыкались воедино, как звенья странно нелепой цепи. Даже его пожертвования представлялись теперь Полу притворством или в лучшем случае своего рода искуплением, на которое его толкало неодолимое чувство вины.

Пол чуть ли не бегом добрался до центра и, очутившись на Леонард-сквер, тяжело дыша, вошел в справочный отдел библиотеки — темное, душное помещение, где много месяцев назад еще робко и неуверенно он начал свою борьбу.

Марка там больше не было, его заменила молодая женщина, быстро и учтиво выполнившая спешное требование Пола. Она принесла груды книг и разложила их на столе в дальнем углу; Пол с лихорадочной энергией стал просматривать страницу за страницей.

В первом томе «Биографического справочника» за текущий год имелось всего несколько

строк сжатой информации относительно происхождения, официальных титулов и нынешнего адреса Еноха Освальда. В двух последующих сведения были так же кратки и так же бесполезны для той цели, которую он преследовал. В четвертом имелся длинный список благотворительных учреждений, существующих на пожертвования семейства Освальда. И, конечно, в книжке с бумажным переплетом, выпущенной местной издательской фирмой под названием «Уортли и его выдающиеся граждане», Пол со вздохом облегчения наткнулся на исчерпывающую биографию видного филантропа города. Пол читал среди традиционно-льстивых фраз:

«Енох Освальд. Родился 13 ноября 1885 года. Единственный сын Саула Освальда и Марты Клегхорн... Учился в средней школе города Уортли и затем в университете (Ноттингем)... Вначале намеревался стать врачом, но из-за плохого здоровья, после двух лет практики в больнице св. Марии, попросил об исключении из списка студентов-медиков...»

Пол весь задрожал, когда до него дошел смысл двух последних слов. Едва дыша, он стал читать дальше:

«...и вступив в процветающее с давних времен дело своего отца... обширное землевладение в Элдоне... с похвальным усердием взял все в свои руки и даже еженедельно обходил квартиры, собирая плату...»

Несмотря на периодические приступы плохого самочувствия, молодой Освальд отнюдь не был неженкой... большой интерес к спортивным играм на свежем воздухе... в частности, пристрастие к велосипедному спорту... в течение нескольких месяцев... являлся активным членом недолго просуществовавшего „Клуба кузнечиков“...»

Плохо напечатанные строки вдруг стали расплываться, мутнеть. Пол не мог больше читать и откинулся в полном изнеможении на стуле. Он вдруг понял, что надо делать прежде всего. Цель была теперь так ясна, что он не имел права терять время на размышления или угрызения совести. Снова полный энергии, он с грохотом отодвинул стул и, оставив на столе книги, ринулся вон из библиотеки.

Через десять минут он уже был на Уэйр-плейс и взбегал по ступенькам дома миссис Хэнли. На его стук отворила Лена. Не дав ей сказать и двух слов приветствия, он тоном, сильно ее озадачившим, воскликнул:

— Лена... мне нужна ваша помощь! Сейчас, немедленно.

Глава VI

Пол стоял в передней и, не обращая внимания на вопросы Лены и озабоченные взгляды, которые она исподтишка на него бросала, подробно объяснял, чего ждет от нее. Он с таким трудом подбирал слова, лицо его было так неестественно напряжено, что она подумала, уж не лишился ли он рассудка. Несмотря на тревогу, которую ей внушал Пол, и абсурдность просьбы, в его тоне было что-то до того взволнованное и страшное, что не послушаться она не могла. Она пошла в кухню, разыскала там картонную коробку, бурую оберточную бумагу, веревку и кусок сургуча. Из спальни же принесла старую записную книжку, в которой оставалось несколько чистых страниц.

В полутемной передней, прижав руку к сердцу, Лена смотрела, как Пол аккуратно завернул коробку в бумагу, затем перевязал веревкой и припечатал красным сургучом.

Покончив с этим, он занялся записной книжкой, выбрал чистую страницу и карандашом исписал первые шесть линеек фамилиями и адресами.

— Ради Бога, Пол, что вы делаете?! — воскликнула она.

Он задумался. Возможно, ему и самому показалось, что его действия граничат с фантастикой. Но потрясение, им испытанное, притупило живость ума, и, однажды приняв план действий, Пол уже упорно за него цеплялся. Еще только одно осталось ему узнать... только одно.

— Я потом все объясню... Сейчас нам надо идти.

Она стояла с ним рядом, мучительно взволнованная, не зная, повиноваться ему или нет. Не исключено ведь, что в этих на первый взгляд бессмысленных действиях заключено что-то очень важное.

— Не волнуйтесь, — сказал Пол. — Все очень просто.

— Просто или не просто, но я сделаю то, что нужно.

Он взглянул на нее и тихо повторил, что ей надо делать.

— Вы меня поняли?

— Кажется, да. Но, Пол... — Голос ее дрогнул. — В коробке-то ведь ничего нет.

Странное выражение появилось в его глазах.

— Ничего... и тем не менее — все.

Он посмотрел на часы в передней: был уже девятый час.

— Надо идти. Вы готовы? Нам потребуется не больше часа.

Вдвоем они вышли из дому. Молча зашагали по Уэйр-стрит в направлении Лэйнз. Вот Пол остановился у входа на Хлебный рынок. Столовая была открыта, около нее медленно извивалась очередь. По телу Пола пробежал мороз, когда он увидел, что Освальд уже пришел. Он стоял у откидного прилавка, его хорошо было видно под электрическим фонарем; серебряные волосы, точно нимб, излучали в темноте бледное сияние.

Инстинктивно Пол отступил в тень. У него возникло подозрение, что Освальд знает, кто он. Поэтому Пол решил не показываться ему на глаза, чтобы нежелательным образом не повлиять на результат решающего испытания. Долгое время он стоял неподвижно, затем едва заметным движением руки велел Лене идти к столовой.

Она не спеша перешла улицу и направилась к Серебряному Королю. У Пола еще суше стало в горле. Он весь подался вперед, увидев, как Лена подошла к Серебряному Королю. Ему казалось даже, что он видит движение ее губ, когда она сказала:

— Мистер Освальд?

Высокий человек обернулся к ней, изящным жестом показав, что готов ее выслушать.

— Меня просили передать вам вот это, сэр!

Как правильно, как обдуманно и спокойно действовала Лена! Пол перестал дышать, когда она вручила Освальду пакет, раскрыла регистрационную книгу, предложила огрызок карандаша.

— Распишитесь, пожалуйста, сэр.

Карандаш был теперь в руках у Освальда. Это мгновение длилось нестерпимо долго. Тишина вокруг была такой неестественной, что Полу казалось: у него сейчас лопнут барабанные перепонки. Наконец Освальд расписался в книге. Протяжный вздох вырвался из груди Пола. Лена уже шла обратно, так же размеренно, спокойно и решительно. Вот она поравнялась с Полом. Ни слова не говоря, он повернулся. Их удаляющиеся шаги глухо звучали в темноте пустынного переулка.

Глава VII

Пол не помнил, как вернулся на Уэйр-плейс. За весь путь он не вымолвил ни слова и шел, как слепой, низко опустив голову, на грани полного изнеможения. Когда они добрались до номера шестьдесят один, он вошел и сел, одержимый одной-единственной мыслью. Голова у него нестерпимо болела, его тряс жестокий озноб: Освальд — левша! Енох Освальд, экс-студент-медик, член «Клуба кузнечиков», владелец доходных домов, в том числе дома номер пятьдесят два по Эшоу-террейс, был тем, кого он искал. Открытие, сделанное Полом, казалось, ослепило его своим невыносимо ярким светом. В одиночку невозможно было это выдержать. Положив локти на стол, он уронил голову на руки.

— Лена... — пробормотал он. — Я должен вам кое-что рассказать.

— Не сейчас, Пол.

Она была очень бледна, но ее лицо по-прежнему хранило решительное выражение. Из кастрюли, кипевшей на плите, она налила ему чашку бульона и с настойчивостью, не терпящей возражений, заставила Пола выпить.

Когда он кончил, она села напротив него.

— Итак, Пол, — спокойно напомнила она.

Наступила пауза. Затем он поднял голову, начал говорить и, поощряемый ее вниманием, во всем признался ей. Срывающимся, дрожащим голосом, с возмущением и горечью, он заключил:

— Теперь я знаю. Знаю все. Но что я могу сделать? Ничего! К кому пойти? Не к кому. Если они раньше не хотели меня слушать, что ж, вы думаете, сейчас Спротт, или Дейл, или даже Берли станут слушать меня? Справедливости нет! Пока люди живут благополучно, пока у них вдоволь еды и питья, есть деньги в кармане и крыша над головой, — проблема добра и зла их не занимает. Человечество испорчено до мозга костей.

Наступила мертвая тишина. Лена, глубоко взволнованная его рассказом, тихонько покачала головой.

— Нет, если бы люди знали об этом... они бы не допустили. Простые люди честны и добры.

Он недоверчиво поглядел на нее.

— Вы в этом убедились на собственном опыте?

Щеки ее зарделись, она хотела было что-то сказать, но, словно не поняв его, промолчала. И вдруг, глубоко вобрав в себя воздух, решила:

— Пол! Я умной себя не считаю. И все-таки, мне кажется, я знаю, что вам следует сделать.

Он в изумлении посмотрел на нее.

— Да, — серьезно добавила она. — Есть один человек, к которому вам надо пойти.

Он недоверчиво повторил ее слова. И добавил:

— Кто это?

— Сейчас скажу. — Она колебалась, краска набежала на ее смущенное лицо. — Это мой друг.

— Ваш друг? Ваш...

Ее слова прозвучали так нелепо, так несообразно со страшной дилеммой, стоявшей перед ним, что он улыбнулся вымученной, кривой улыбкой. Друг Лены! После всех его усилий, после всего, что он предпринял, это наивное предложение казалось до того абсурдным, что он неожиданно разразился истерическим смехом. Он изо всех сил старался остановиться, но не мог: душевная мука излилась в судорожных рыданиях. Лена встала и долго не сводила с него глаз; она была потрясена, но не осмеливалась даже положить руку ему на плечо. Когда припадок наконец пошел на убыль, она сказала:

— Вам надо прежде всего отдохнуть. Завтра мы вернемся к этому разговору.

— Завтра... — отозвался он загадочно и злобно. — Да... много чего случится завтра.

Оставшись один в комнате, где он провел предыдущую ночь, Пол присел на край кровати. Голова его пылала, ноги были холодны как лед. Он смутно чувствовал, что простудился, но считал это не столь важным. И правда, по мере того как возрастало недомогание, мысль его работала все интенсивнее и острее. Он видел, отчетливо и живо, всю тщетность своих усилий, понимал, что они и впредь останутся тщетными, если он не сумеет довести все до конца. Потребность в открытых и решительных действиях неумолимо нарастала в нем — так могучая река набирает силы, чтобы прорвать запруды. Неудержимый порыв захлестнул его, он лишился душевного равновесия, утратил здравый смысл, весь во власти безрассудного пыла. Ему хотелось выйти на площадь и кричать о беззаконии на все четыре стороны света.

При этой мысли глаза его блеснули. Он тут же вскочил, проверил, заперта ли дверь, и пошел к небольшой конторке в углу. Вынул из нее несколько листов белой бумаги, которыми изнутри были выложены ящики. Эти листы Пол расстелил на полу; взял чернила и перо, опустился на колени и стал что-то писать на них большими буквами. За ним всегда числился истинный талант шрифтовика, и уже через час, хотя руки у него слегка дрожали и зрение временами изменяло, все было готово. Листы он оставил сохнуть на полу, а сам, не раздеваясь, повалился на кровать.

Хотя Пол задумал нелегкое дело, спал он крепко. Около семи часов он проснулся, словно от внезапного толчка. Голова у него болела еще сильнее, лоб, казалось, раскалывался на части, но это только укрепляло его решимость. Он поднял с пола листы, свернул их в рулон, осторожно ступая, прошел мимо комнаты Лены и вышел на улицу.

Когда Пол спустился вниз по Уэйр-стрит, дождь как раз перестал, небо прояснилось, воздух был напоен влажной утренней свежестью. Нащупав в кармане несколько монет, он заказал себе в извозничьем трактире бывшего турнирного двора кружку кофе и толстый ломоть хлеба с маргарином. Поев, он почувствовал себя лучше, но на полпути к Герцогскому проезду ему вдруг сделалось дурно. Пол прислонился к водосточной трубе в жестоком приступе тошноты. В конце Герцогского проезда, на турнирном дворе, во владении «Лэйнзской рекламной

компании», в этот ранний час не было ни души. Он протиснулся через пролом в ветхой деревянной ограде, возле которой так часто стоял вместе с другими сандвичменами, дожидаясь своей очереди. Внутри двора десятки двойных щитов были свалены под открытым длинным навесом из рифленого железа. Пол выбрал самые новые и, воспользовавшись одной из многочисленных кистей, тоже валявшихся под навесом, наклеил на них принесенные с собой листы. Он уже собирался взвалить это сооружение на себя, как вдруг в глаза ему бросилась куча ржавого железа в углу. Пол узнал железные цепи, которые служили для рекламы гастролей иллюзиониста Гудини в театре «Палас». Не задумываясь, ибо сейчас он уже не владел собою, Пол метнулся в угол и, поискав немного, вытащил из кучи крепкую тонкую цепь и прочный висячий замок. Через пять минут, обкрутившись цепью и взвалив на плечи щиты, он вышел со двора.

Часы на соборе пробили восемь, когда он вышел на Уэйр-стрит и двинулся к центру города. К этому времени уже началась дневная суета. Толпы людей выходили из автобусов и туннелей метрополитена. Торопясь на работу, лишь немногие бросали любопытные взгляды на молодого человека, на спине которого красовалась надпись: «

Убийство — невинный осужден! ». И на груди: «

Убийство — виновный на свободе! »

Если кто-нибудь и обратил внимание на эти надписи, то разве что принял их за очередной трюк рекламной компании — одно из тех броских воззваний, с помощью которых интригуют публику.

Пробило девять, а Пол все еще бродил вдоль сточных канав, с ничего не выражающим лицом, глядя прямо перед собой, поддерживая щиты затекшими руками. Стремясь как можно дольше не попадаться на глаза полиции, он избегал оживленных перекрестков, где непременно стоит на посту полисмен. Раз или два он заметил на себе пристальные взгляды, но ему, видимо, везло: никто его не остановил.

Время шло, и у Пола началось головокружение, но ведь самая важная часть его задачи еще оставалась невыполненной — пока это было всего лишь прелюдией к главной цели, уйти ему было нельзя. Оглушенный шумом уличного движения, забрызганный грязью, летевшей из-под колес, он не отступался. Только возрастающую слабость не удавалось преодолеть: его шатало из стороны в сторону.

К полудню за ним уже увязалась целая толпа. В большей своей части она состояла из праздношатающихся, безработных городских подонков; к ним примкнули несколько мальчишек-посыльных и шелудивый, отчаянно лаявший пес. Поначалу Пол служил мишенью для вульгарных шуток, но так как он не отвечал, толпа стала следовать за ним в молчании, инстинктивно уверенная, что будет вознаграждена за свое рвение. В начале второго часа процессия добралась до Леонард-сквер, и здесь, у подножия памятника Роберту Гринвуду, первому мэру Уортли, Пол наконец остановился. Он снял с себя щиты и поставил их на мостовую; затем, туго обмотав один конец цепи вокруг запястья, а другой закинув на чугунную решетку, окружавшую постамент, он замкнул ее на замок, то есть приковал себя к ограде.

В толпе затаили дыхание. Поскольку был обеденный час, давка вокруг Пола все возрастала. Когда он обернулся к собравшимся, оказалось, что его аудитория составляет уже добрую сотню людей.

Свободной рукой Пол ослабил узел галстука, который душил его. Он не чувствовал ни страха, ни волнения — только жгучую необходимость обо всем поведать гражданам Уортли. Сейчас случай наконец представился: толпа ждала, чтобы он заговорил. Лена сказала, что простые люди добры, а у него никогда не будет лучшей возможности поделиться с ними своей бедой. Если бы только не болела так нестерпимо голова! Но еще хуже была тошнота и странное

чувство нереальности, овладевшее им: казалось, что ноги его стоят на воздушных шарах, которые с головокружительной быстротой плывут по воздуху. Пол провел языком по пересохшим губам.

— Друзья мои, — начал он, — я пришел сюда, потому что должен вам сказать... Словом, вы должны узнать об этом. Меня зовут Мэффри, отец мой в тюрьме...

— Ты и сам там будешь, приятель, если не поостережешься!

Эта неожиданная реплика из задних рядов вызвала смех. Пол выждал, пока он утихнет.

— Мой отец уже пятнадцать лет находится в тюрьме за преступление, которого не совершал...

— Эге, расскажи это своей бабушке!

Опять общий смех, на этот раз сопровождаемый выкриками: «Заткнись!», «Это честная игра!» «Дайте бедняге выговориться!»

— У меня есть доказательства, что мой отец невиновен, но никто не хочет меня слушать!

— И мы тебя не слушаем, приятель, потому что не слышим!

— Верно! Говори громче! Говори громче! — закричали еще несколько человек из толпы.

Пол с трудом проглотил слюну. Он смутно понимал, что, хоть и напрягает предельно связки, голос его звучит слабо и надтреснуто. Он сделал над собой нечеловеческое усилие.

— Пятнадцать лет назад на основании косвенных улик мой отец обвинен в убийстве. Но он не совершал преступления...

Пес, увязавшийся за Полом, внезапно залаял.

— Я повторяю... он не преступник... в доказательство чего...

Но пес лаял так громко, так ворчал и огрызался, вертясь в ногах Пола, что никто уже не слышал его слов. Он умолк, и пес, явно поощренный зеваками, неожиданно прыгнул на него. Пол пошатнулся и чуть не упал. Стремясь удержать равновесие, он схватился за рекламные щиты, стоявшие подле него на мостовой, и в толпе зашептали:

— Да он пьян.

— Думает надуть нас. Не выйдет!

— Проучить этого прощельгу!

Банановая кожура, пущенная чьей-то рукой, ударила о щеку Пола. Это послужило сигналом для стрельбы хлебными корками и остатками пищи, так как многие в толпе жевали завтрак. Затем, как видно для разнообразия, в него полетели огрызки яблок. Но два полисмена уже прокладывали себе дорогу в густой толпе. Один был еще совсем молодой — констебль, другой — сержант Джапп.

— Что здесь такое? Вы что нарушаете порядок?

Пол затуманенным взглядом поглядел на две фигуры в синих мундирах и едва ли даже узнал сержанта Джаппа. Силы его оставили. Он открыл рот, чтобы продолжить свою речь, но слова замерли у него на губах.

— Он пьян, сержант, — произнес чей-то льстивый голос из передних рядов. — Такого вздору нагородил.

— Ну, теперь вы своего добились. Я только этого и ждал. Пошли с нами!

Сержант потянул за собой Пола, стараясь протолкнуть его через толпу. Так как ему это не удавалось, он с силой дернул Пола за руку, едва не вывихнув ему кисть, и только тут заметил цепь. Мускулистая шея его побагровела.

Он шепнул своему спутнику:

— Этот малый приковал себя. Нужна машина.

Оба полисмена яростно трясли цепь, пытаясь ее разорвать, и дергали Пола то в одну сторону, то в другую. Тем временем толпа становилась все гуще и все теснее окружала их. Прибежал еще полисмен и тут же побежал дальше, изо всех сил свистя в свисток. Казалось, все разом вдруг начали толкаться и что-то выкрикивать. Транспорт остановился, запрудив улицу. Настал кульминационный момент, который Пол предвидел и намеревался использовать для борьбы. Именно сейчас он произнес самое страстное свое обращение.

— Друзья мои! — попытался крикнуть он. — Я прошу только правосудия. Невинный человек...

Но младший из полисменов ударом дубинки уже сбил замок, Пола втащили в подъехавшую полицейскую машину и быстро увезли. Он был в таком состоянии, что едва ли понимал, что с ним происходит, пока его не толкнули в камеру, да так, что он стукнулся лбом в цементный пол. Это ничего не убавило и не прибавило к страшной головной боли, ни на секунду не отпускаявшей его, наоборот — даже вывело его из оцепенения. Во всяком случае, Пол застонал. Этот стон произвел самое нежелательное впечатление на трех полисменов, охранявших его и уже достаточно разозленных хлопотами, которые по его милости выпали им на долю.

— Очухивается помаленьку, скотина этакая. Хмель-то, видать, сходит, — заметил один из них.

— Нет, он вовсе не пьян, — возразил сержант Джапп.

Третий полисмен, толстяк, все еще был красен и злился: в общей свалке кто-то ударил его в живот.

— Пьяный он там или не пьяный, а это ему даром не пройдет.

Он наклонился, схватил Пола за шиворот, потрянул и поднял, как мешок с мукой. Затем сжал кулак и ударил между глаз. Кровь хлынула у Пола из носу. Он упал как подкошенный и остался лежать неподвижно.

— Не надо было этого делать, — холодно сказал сержант Джапп. — Он свое получит... И скоро.

Когда дверь камеры с лязгом захлопнулась, скрыв от них жалкого, скрюченного в углу человека, младший из полисменов смущенно засмеялся.

— Так или иначе, — сказал он, как бы успокаивая свою совесть, — он сам этого хотел.

День был уже в разгаре, когда Пол начал смутно сознавать окружающее. Он долго лежал, не шевелясь и не спуская глаз с единственного источника света в камере — зарешеченного окошка под самым потолком. Затем чуть ли не на четвереньках подполз к кувшину, стоявшему в ногах дощатых нар. Наклонив его, он напился и слегка смочил распухшее лицо. Вода была холодная и освежающая, но лицо его тотчас стало гореть.

Пол сел на нарах. Голова болела уже не так нестерпимо. Вдруг он с удивлением заметил, что ему трудно дышать: каждый вдох режущей болью отдавался в левом боку. И тут же сделал открытие: чтобы избежать этой боли, вернее, уменьшить ее, надо дышать не так глубоко, вполвдоха. Разумеется, тогда приходилось дышать чаще, но это его не тяготило.

Пока он сидел на нарах, стараясь приспособиться к этому новому положению, дверь камеры внезапно отворилась, пропуская какого-то человека. Вглядевшись в него опухшими глазами, Пол узнал начальника полиции Дейла.

Дейл долго и молча смотрел на Пола, как бы изучая его во всех подробностях. В противоположность их предыдущей встрече он держался отчужденно, и выражение его лица было необычно сурово. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и сдержанно:

— Итак, вы пренебрегли моим советом. Насколько мне помнится, я рекомендовал вам уехать домой. Но нет, вам это пришлось не по вкусу. Вы предпочли остаться и учинить скандал. Вот и угодили сюда, как я предсказывал. Только теперь вам придется хуже, много хуже.

Опять наступило молчание.

— Вы, конечно, вообразили себя героем, оказав открытое неповиновение моему сержанту, и решили, что это вам сойдет. Шутка ли, столько времени еще проболтаться на свободе. Но не обманывайте себя, друг мой. Все это время вы жили моими благодеяниями. Я бы мог в любую минуту схватить вас. Но почему-то, даже вопреки рассудку, мне хотелось дать вам возможность спастись. А вы ею не воспользовались.

Дейл ослабился, обнажив крепкие зубы.

— Ну а теперь, судя по вашему виду, вы в прескверном состоянии. Может быть, мои молодчики слишком круто с вами обошлись? Что ж, обижаться не приходится! Полисмену при исполнении обязанностей не оказывают сопротивления. Пеняйте только на себя.

Опять молчание. Начальник полиции, казалось, ждал, что Пол заговорит, более того — надеялся, что он скомпрометирует себя каким-нибудь неудачно выбранным словом. Но едва Дейл переступил порог камеры, Пол решил молчать. Его час еще придет, на суде. Со странным чувством отрешенности слушал он, как Дейл говорил:

— А как вы полагаете: что теперь будет с вами? Верно, надеетесь опять отделаться предостережениями да еще раз получить добрый совет? Я почему-то думаю иначе: время советов прошло. Вы сунулись в дела, которые вас не касаются, подмяли бунт против общества, обеспокоили добропорядочных граждан, позволили себе докучать представителям закона, досаждали члену парламента. Помимо всего прочего, — он понизил голос, — вы изрядно досаждали и мне. Это, конечно, не существенно — я твердо стою на ногах. И все же я возмущен, возмущен вашим упорством и тем, что вы считаете, будто я в чем-то виноват. И теперь, как ни странно, мне думается, вы за это поплатитесь. Теперь-то уж виноваты вы. Начнем с того, что вы предстанете перед судом не позднее завтрашнего дня. Меня не удивит, если там отнесутся к вашему делу весьма серьезно, а чтобы взять вас на поруки, потребуются немалая сумма, к примеру, фунтов пятьдесят. У вас такой суммы, конечно, не найдется, и вы никоим образом не сможете раздобыть ее. Верно я говорю? Никоим образом. — Он

насмешливо покачал головой. — А это значит, что вам придется вернуться сюда, к нам. Что ж, камера довольно уютная. Вид из окна, правда, несколько ограниченный... Зато полный комфорт. Надеюсь, она вам по душе, потому что вам, вероятно, придется провести в ней некоторое время.

После этих слов он прищурился, внимательно оглядел Пола, повернулся и вышел.

Но едва Дейл очутился за дверью, как выражение его лица изменилось. Он помрачнел и насупился. В камере он не был самим собой. И теперь, как актер, плохо сыгравший роль, был себе противен. Но разве мог он, черт подери, поступить иначе? Ему передали, чтобы он срочно позвонил сэру Мэтью в суд. А прежде чем это сделать, он, разумеется, должен был повидать арестованного.

Когда он вошел в свой кабинет и сел за письменный стол, лицо его еще больше омрачилось. Привычный ко всякого рода «историям», к грязной неразберихе запутанных дел, к копанию в преступных жизнях, он был недоволен, что это дело снова к нему вернулось. Оно вызывало у него какое-то странное ноющее ощущение под ложечкой. Он искренне хотел, чтобы этот сумасбродный юнец, воспользовавшись его снисходительностью, успел убраться восвояси. И опять мучительный вопрос возник где-то в его душе, скорее, это был даже не вопрос, а неуверенность: «Неужели и вправду здесь что-то кроется?»

Он мотнул головой, гневно, как разъяренный бык. Нет, нет! Раз он причастен к этому делу, значит, ничего такого быть не может. Дейл слишком хорошо знал себя. Знал, что мог бы побить рекорд прямоты и безупречной честности даже в глазах самого придирчивого судьи. Нет, он не похож на тех, хорошо известных ему людей, которые заключают сделки со своей совестью. Его неизменный девиз: «Кто тронет деготь, тот выпачкается». Его руки чисты.

Тем не менее он долго смотрел на телефон, прежде чем заставил себя снять трубку. И номер набирал медленно: его одолевали сомнения.

Ответил ему Бэр, один из клерков, но трубка моментально оказалась в руках Спротта.

— Алло! Алло! Это вы, сэр Мэтью?

И тут же Дейл услышал щелчок в аппарате, означавший, что Спротт передвинул рычаг, тем самым исключая возможность подслушивания. Затем послышался его голос, на этот раз отнюдь не вкрадчивый и любезный, а задыхающийся и злобный:

— Как понять эту вашу новую глупость?

— Глупость, сэр Мэтью? — переспросил Дейл.

— Вы отлично знаете, что я имею в виду. Сегодняшнюю историю на площади. Вы, кажется, получили специальные инструкции касательно этого субъекта.

— Ваши инструкции были выполнены.

— В таком случае как это могло случиться?.. Этот уличный спектакль... То самое, чего я всеми силами старался избежать. Вы обязаны были, хоть раз в жизни, проявить некоторую предусмотрительность.

Начальник полиции старался сохранять спокойствие. Он не мог позволить себе рассердиться и ответил:

— Не так-то это просто, сэр Мэтью. Кто мог знать, что выкинет этот идиот? Мы с него глаз не спускали. Я поставил следить за ним лучшего из моих парией. Мы не могли взять его, поскольку вам были неуютны крутые меры. Но так или иначе, а сейчас ему крышка.

Заработает не меньше шести месяцев.

— Не сходите с ума!

Наступило неловкое молчание. Сэр Мэтью первый его нарушил, заговорив уже куда мягче и учтивее:

— Видите ли, Дейл, вы были близки к истине, употребив слово «идиот». Мне кажется, теперь уже не может быть сомнений, что этот юнец страдает навязчивой идеей.

Начальник полиции, чтобы не потерять самообладания, чертил узоры на промокательной бумаге. Но внезапно прекратил это занятие и уставился на голую стену перед собой.

— Если это так, — голос Спротта был по-прежнему мягок и вкрадчив, — то его, конечно, надо не судить и наказывать, а лечить в одном из заведений, занимающихся терапией душевных болезней.

— Вы имеете в виду психиатрическую лечебницу? — перебил его Дейл.

Спротт в ответ испустил горестный вздох.

— Дорогой мой Дейл, неужели вы не заметили, что такие неприятные термины, как «психиатрическая больница» или «сумасшедший дом», вышли из обихода цивилизованного человечества. И назвать так наше великолепное заведение в Дриме кажется мне ничем не оправданным оскорблением.

— А-а, — упавшим голосом пробормотал начальник полиции, — Дрим!

— Разумеется, чтобы его туда определить, — продолжал сэр Мэтью, — нужны какие-то данные. Расскажите мне что-нибудь о нем, Адам. Буйствует он?

— Да, — согласился Дейл, — пожалуй, что буйствует.

— А как насчет друзей? Есть кому позаботиться о нем?

— У него есть мать и девушка в Белфасте, но, видимо, они до известной степени поставили на нем крест. Последнее время он жил на улице... Совершенно один.

— Бедняга. — В голосе Спротта послышалась нотка сочувствия. — Все говорит о необходимости стационарного лечения. Я полагаю, он предстанет перед судом завтра утром?

— Да, — резко ответил Дейл. — Тут уже ничего остановить нельзя.

На этот раз в тоне Спротта не было ни тени сострадания. Слащавая елейность разом слетела с него, и его ответ, как ножом, полоснул Дейла:

— Меньше всего я хочу что-либо останавливать. Если это не будет нужно нам с вами.

Сейчас уже не могло быть сомнений, кто из этих двоих сильнее. И более спокойно Спротт добавил:

— Судья, мистер Бэттерсби, насколько мне известно, человек вполне здравомыслящий.

— О да, — подтвердил Дейл все тем же слегка неестественным тоном. — Если он назначит достаточно высокую сумму залога, арестованный, конечно, будет снова взят под стражу.

— Я не хочу, чтобы вы влияли на ход разбирательства в смысле каких бы то ни было посулов

и обещаний, — прямо заявил Спротт. — Но мне представляется желательным, чтобы вы перекинулись с ним словечком, разъяснили ему, что здесь налицо отклонение от психической нормы и что повторное взятие под стражу даст нам возможность подготовить компетентное медицинское обследование, которое в конце концов будет в интересах этого молодого человека.

— Есть, — ответил Дейл.

— Ну и отлично, — сказал Спротт. И внушительно добавил: — На этот раз действуйте порасторопнее.

Он повесил трубку.

Прошло не меньше минуты, прежде чем начальник полиции, в свою очередь, медленно опустил трубку на рычаг.

Глава IX

Полицейский суд открылся на следующее утро в десять часов. Высокий, но очень тесный и малоторжественный судебный зал на первом этаже освещался единственным окном, под которым был помост красного дерева для суда и напротив него — места для публики. Справа от судьи находилась скамья подсудимых, слева — место для свидетелей. Поскольку в этом помещении всегда сквозило, судейский стол был отгорожен от окна складной ширмой, отнимавшей много света. Фреска на потолке, на которую никто никогда не смотрел, изображала герб города — два лучника на зеленом, как дубовый лист, фоне.

Пола провел наверх полицейский с красной шеей, находившийся в то утро в самом благодушном настроении — от него и пахло так, словно он, позавтракав, только что с удовольствием выкурил трубочку. Когда они выходили из камеры, он многозначительно поглядел на распухшие, обведенные синяками глаза Пола.

— Видно, здорово ткнулись обо что-то вчера, дружище. Смотрите только сегодня не оступитесь! Ясно?

Пол ничего не ответил. Под утро он проспал несколько часов тяжелым, беспокойным сном, похожим скорее на забытие, в которое он от крайнего изнеможения провалился как в черную яму. Но этот сон не освежил его. Он не мог понять, почему его одолевает такая слабость. Каждый вздох стоил ему усилий. И еще эта нестерпимая боль в боку. Он все время прижимал к нему левую руку, чтобы хоть как-то справиться с ней. Мозг же его снова работал с лихорадочной остротой, как в ту минуту, когда Пол пришел в себя. Все виделось ему в неестественно ясном свете. И он твердо намеревался высказаться сегодня до конца, до конца все разоблачить. Да, на этот раз ничто не остановит его.

Когда его ввели через боковую дверь и усадили на скамью подсудимых, судья, мистер Бэттерсби, худощавый человек средних лет с добродушным, хотя и изможденным лицом, уже успел приступить к рассмотрению обычной череды дел о правонарушениях. Пол внимательно следил за тем, как он быстро распорядился судьбой трех пропойц-дебоширов, юнца, подбиравшего оброненные квитанции от тотализатора, разносчика, не имевшего патента на торговлю, старика музыканта, обвиняемого в нищенстве, и бродяги, задержанного за отсутствие «легальных средств к существованию».

У судьи были тонкие губы, которым его профессия сообщила известную суровость, и умные,

внимательные глаза. Он никогда не поддавался на лесть и униженные мольбы стоявших перед ним «каторжников». И также никогда не выносил сурового приговора. Пол всмотрелся в него и решил: «Этот человек меня выслушает».

И вдруг почувствовал, что и сам он является объектом упорного и пристального изучения. Он обернулся к местам для публики и тотчас увидел Лену. Она была не одна. Рядом с нею сидел совершенно незнакомый ему человек лет сорока, очень грузный и нескладный, в фланелевом костюме, с небрежно повязанным галстуком, в выдавшем виды помятом пальто. Он снял сплюснутую мягкую шляпу, так что стали видны его круглая плешивая голова и большой лоб. Лицо у него тоже было круглое, полное. Несмотря на явно небритые щеки, оно казалось до странности голым, и только глаза с белесыми ресницами, не без труда принявшие скучливое выражение, как бы прикрывали его наготу. Этот человек, видимо, уже несколько минут с рассеянным видом смотрел на Пола, но сейчас, хотя выражение его лица не изменилось, вдруг поднял указательный палец и приложил его к губам. Мимолетный и ничем не примечательный жест. Но значение его было несомненно. Пол быстро взглянул на Лену, прочел мольбу в ее глазах и тотчас же перевел взгляд на дородного незнакомца, который кивнул едва заметно, но опять указующе и властно, и, слегка покачиваясь на стуле, занялся рассматриванием своих ногтей с видом человека, нимало не интересующегося всем происходящим.

В эту минуту объявили, что слушается дело Пола. Он поднялся как во сне; смысл скороговоркой зачитанного обвинения едва ли дошел до него, но он все же заметил, что в зале появился начальник полиции и сел неподалеку от возвышения, спиной к судьям.

— Признаете вы себя виновным или нет?

Пол смешался и ничего не ответил. На секунду-другую в зале воцарилась тишина.

— Итак, что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил судья.

Со своего возвышения он всматривался в Пола куда внимательнее, чем в обвиняемых по ранее слушавшимся делам. Снова молчание. Поток слов уже готов был прорваться, но по какой-то неведомой причине, даже вопреки собственной воле, Пол одержал его. Он не смел взглянуть в публику, туда, где сидели Лена и незнакомец, подавший ему странный и властный знак. Внезапно и независимо от своего желания он понурил голову и с наигранным раскаянием в голосе, совсем как те старики пропойцы, что прошли перед ним, тихо проговорил:

— Весьма сожалею, ваша честь. Возможно, я хлебнул лишнего.

Короткая, мертвенная тишина. Пол видел, как начальник полиции выпрямился на стуле. Мистер Бэттерсби откашлялся.

— Вы были пьяны? Но это же позор в ваши годы.

— Да, ваша честь.

— Вам хоть стыдно в этом признаваться?

— Да, ваша честь.

В голосе Пола прозвучала смиренная нотка. Судья удивленно нахмурился. Он полистал бумаги, лежавшие перед ним, и, слегка подавшись вперед, спросил:

— Для чего вы устроили эту демонстрацию... приковали себя в самом людном месте города?

— Я уже говорил, ваша честь. Немножко не рассчитал. Мне, верно, захотелось малость

пощеголять перед людьми.

— Можете ли вы объяснить... зачем вам понадобилась такая чудовищная самореклама?

— Не могу, ваша честь. Я ничего дурного не думал. Когда пропустишь лишний стаканчик... что только не взбредет в голову.

И, хотя Пол этого не заметил, легкая дрожь — она могла сойти за улыбку — пробежала по губам человека, который перестал интересоваться своими ногтями и теперь, видимо, старался расшифровать темный смысл герба на потолке. Начальник полиции, сидевший очень прямо, повернулся, обратив к суду свой резко очерченный профиль. Судья бросил на него беглый взгляд, затем задал Полу один вопрос:

— Вы никогда раньше не устраивали такого рода демонстраций?

— Нет, ваша честь.

— Но вы бывали подвержены нервным припадкам?

— Что-то не припомню, ваша честь.

Пауза.

— Каковы ваши политические убеждения?

— У меня нет таковых.

Судья опять заколебался и бросил нерешительный взгляд на непроницаемую физиономию начальника полиции. Но наконец, видимо, решился:

— Молодой человек, по существу дела я должен был бы оштрафовать вас на две гиней, взыскать судебные издержки и отпустить с предупреждением. Но сведения, поступившие ко мне из авторитетных источников, заставляют меня полагать, что ваш случай много серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Поэтому я назначаю залог в сумме пятьдесят фунтов. Если у вас этой суммы не окажется, вы будете взяты под стражу, что даст возможность полиции собрать о вас дополнительные сведения.

Когда приговор был произнесен, незнакомец в местах для публики сбросил с себя напускное безразличие. Он, казалось, не был ни возмущен, ни удивлен, но в его раздраженном взгляде блеснула непонятная заинтересованность. У Лены было взволнованное, напряженное лицо.

— Можете ли вы внести залог в пятьдесят фунтов стерлингов?

— Нет.

— Можете ли вы назвать человека, который обеспечит внесение этой суммы?

Пол покачал головой, но тут незнакомец встал со своего места.

— Я готов внести залог.

Пол стоял не шевелясь, плотно сжав горячие руки.

Начальник полиции круто повернулся, и выражение досады и удивления на его лице сменилось гневом.

— Я заявляю протест. И хочу знать, из какого источника берутся эти деньги.

— Я плачу их — Л. А. Данн. Гран-стрит, пятнадцать, в центре сего древнего и богоспасаемого города. Деньги здесь, у меня в кармане.

— Я протестую.

— Соблюдать тишину в суде!

— Ваша честь! — Начальник полиции не желал сдаваться. Он вскочил, мрачно сжав челюсти.

— Я считаю, что залог назначен недостаточный и ходатайствую о повышении его до более значительной суммы.

— Соблюдайте тишину в суде!

Прервав заседание, судья упрямо выжидал, чтобы начальник полиции сел на место. Затем серьезным и даже сердитым голосом заявил:

— Суд объявляет во всеуслышание, что он не подчинен полиции и не действует по ее указке. И потому не видит оснований для пересмотра своего решения. Залог в сумме пятидесяти фунтов будет принят. Переходим к следующему делу.

Выходя из зала, Пол успел заметить возникшее вдруг замешательство: Дейл подскочил к судье и начал что-то горячо ему доказывать, потом вдруг круто повернулся и выбежал через боковую дверь. Тем не менее пятнадцать минут спустя, когда было покончено со всеми формальностями, Пол вышел из суда свободным.

На улице его как копьем пронзил яркий свет дня. Он даже покачнулся. И тут же заметил Лену и ее спутника, стоявших в каких-нибудь десяти ярдах от него. Вид Лены умиротворил его измученное сердце. Она стояла не двигаясь. А к нему подошел этот большой рыхлый человек в распахнутом пальто; руки он держал в карманах, шляпу лихо сдвинул на затылок.

— Прошу прощения, — сказал он. — Мое имя Данн. Я друг мисс Андерсен. Мы ждем вас, чтобы проводить на Уэйр-плейс.

— Почему вы дали за меня залог? — спросил Пол.

— А почему бы нам этого не сделать? — Данн рассеянно улыбнулся. — Когда человек в беде, ему нельзя не помочь.

Наступило томительное молчание. Взгляд Пола скользнул в сторону Лены, которая не сводила с него встревоженных глаз.

— Мне очень неприятно, — пробормотал он, стараясь не обращать внимания на гул в ушах, — что я втянул вас в эту историю.

— Не беспокойся, сынок. Как-нибудь переживем.

Данн вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул; проезжавшее мимо такси остановилось у тротуара.

Данн помог войти Полу, затем Лене и сел сам. Они поехали на Уэйр-плейс.

Через полчаса Пол был уже раздет, вымыт и лежал в постели с двумя подушками под головой, со смоченным в уксусе полотенцем на пылающем лбу и с грелкой на холодных как лед ногах. Он еле заставил себя выпить стакан молока, который принесла Лена: его мутило. Адская боль в левом боку не отпускала его, но это был пустяк по сравнению с радостью выхода из тюрьмы и возвращения в эту уютную комнату.

Втиснувшись в узкое плетеное кресло и так и не сняв пальто и шляпы — можно было подумать, что он и спит в них, — Данн, не отрываясь смотрел на Пола.

— Ну как, лучше? — спросил он.

— Намного, — едва дыша отвечал Пол.

Данн воздержался от дальнейших комментариев — возможно, у него была особая точка зрения на все происходящее — и опять погрузился в изучение своих обгрызенных ногтей, к которым он питал явную слабость. Затем сказал:

— Вот что, сынок. Я не хочу докучать вам, раз вы больны. Но я знаю, что у вас тяжело на сердце. Я слышал об этом от Лены, а Лена, так уж случилось, — мой давний друг. Но если вам хочется от этой тяжести освободиться... — Он выразительно передернул плечами.

— Вы адвокат?

— Боже упаси.

Лена хлопнула дверью вниз и вскоре вошла в комнату, села на низенький стул.

Оба они находились прямо перед глазами Пола, так что тот мог смотреть на них без труда, не поворачивая головы. Он заговорил, не сводя глаз со своих слушателей, останавливаясь, только чтобы перевести дыхание, видя в молчаливом внимании Данна, в полнейшей неподвижности Лены желание помочь ему избавиться от давившего его груза, сбросить тяжесть с души.

Когда он кончил, наступило продолжительное молчание. Данн, который во время монолога Пола все глубже и глубже втискивался в кресло, стал медленно из него высвобождаться. Он зевнул, потянулся, раздвинул занавески и выглянул в окно.

— Опять дождь... Что за проклятый климат! — Он снова зевнул и, обернувшись к Лене, сказал: — Смотрите за ним хорошенько. На поруки он отпущен на пять недель.

Несколько секунд он постоял, прислонившись к двери, потом достал сигарету из кармана и, не закуривая, сунул в рот. Глаза его все время сохраняли сонливое выражение. Внезапно он повернулся всем своим громоздким телом и, ни слова не сказав, вышел из комнаты.

Глава X

Данн, этот человек с обгрызенными ногтями и выражением застывшей скуки в глазах, был типичным порождением Уортли да еще кое-каких необычных наследственных обстоятельств. Полное свое имя Лютер Алоизиус Данн он таил, точно преступление, почитая своим заклятым врагом каждого, кто осмеливался его так назвать: оно приоткрывало секрет его рождения, ибо он был плодом «смешанного» брака и притом, в противоположность многим подобным союзам, основанным на взаимопонимании и терпимости, очень несчастливый. Его отец-католик и мать-кальвинистка ссорились яростно и постоянно. Несчастный ребенок жил, разрывааемый между молитвенным домом и церковью: впоследствии он признавался друзьям, что был крещен и там, и там, и, наверное, потому, когда вырос, проникся антипатией к любой организованной религии.

Когда мальчику минуло четырнадцать лет, отец его стал жертвой уличного происшествия: ушел из дома после обильного завтрака, ругая на чем свет стоит Джона Нокса,[6] а вернулся

незадолго до обеда — на носилках, мертвый. Справедливое возмездие! Однако вдова после первых дней оцепенения впала в отчаяние, слишком поздно обнаружив, что ее единственной опорой был этот упрямый приверженец папской непогрешимости, и, как это ни мало правдоподобно, дала, так сказать, обратный ход всей своей жизни. В чем заключалось это для нее лично — несущественно, но для сына новообращение вдовы возымело важное последствие: она взяла его из местной школы и отправила в иезуитский колледж в Хэссок-Хилле.

Святые отцы отнеслись к Данну с величайшей бережностью и предупредительностью; после того как его приняли в колледж, мудрый старый директор, прищурившись, посмотрел на него и сказал своим коллегам: «А теперь, во имя Бога, оставьте этого мальчика в покое». Ничего не могло быть лучше того неназойливого, поощрительного отношения, которое он здесь видел, но ему было уже пятнадцать лет, а начало было положено раньше. Данн никогда не жил общей жизнью со своими товарищами по колледжу. Замкнувшись в себе, он один отправлялся на футбольные матчи в отдаленные части города или прокрадывался в бильярдные заведения в нижней части Хэссок-Хилла и часами сидел там, не сводя глаз с зеленого сукна, — его взволнованное серьезное лицо, как луна, светилось в табачном дыму. Он любил игры, хотя никогда ни во что не играл, а его познания по части рекордов и достижений в любой области спорта были поистине энциклопедичны. Поскольку он обладал известным литературным талантом, отец Мергент, учитель английского, подстрекнул его к писанию статей о спорте для журнала, выпускавшегося в колледже. По окончании колледжа Данн, тихий, немного меланхолический юноша, получил благодаря посредничеству своего преподавателя должность в «Уортлийской хронике», ежедневной газете с не слишком большим тиражом, но вполне независимой и пользовавшейся отличной репутацией.

Последующие несколько лет его жизнь протекала спокойно, без всяких событий. Он выполнял различные поручения, делал вырезки, собирал материал и в редких случаях писал отчеты о местных спортивных событиях. Его первая заметка в «Хронике», которую он вырезал и заботливо хранил, была помещена в самом низу страницы.

Впрочем, позднее ему стали давать и более сложные задания, например, отчеты о ватерполо в плавательном бассейне или о состязаниях по боксу, и мало-помалу все стали замечать, что он вполне пригодный человек, умеющий с незаурядной живостью оценить событие, точный и яркий в своих зарисовках. В день нового года — ему было тогда всего двадцать пять лет — он неожиданно получил почетное задание написать отчет о самом значительном из всех спортивных событий — футбольном матче местных команд, ежегодно собиравшем несметные толпы народа и сводившем с ума добрых две трети населения Уортли. Из ложи для почетных гостей Данн продиктовал по телефону целых два столбца, а на следующее утро принес очерк. В этом очерке описывался не матч как таковой, а всего лишь один инцидент, происшедший во время игры.

В тот же день Джеймс Мак-Ивой, главный редактор и владелец «Хроники», вышел из своего кабинета со статьей Данна в руках. Характерной особенностью Мак-Ивой было то, что он никогда никого не «требовал» к себе. Он просто сел рядом с Данном за его рабочий стол.

— Что это значит? — осведомился он, похлопывая по статье своим пенсне. — Я жду от вас репортажа о футбольном матче, а вы преподнесите мне историю о молодом полузащитнике, которого стукнули по голове. Пока он лежит без сознания, вы показываете тридцать тысяч человек, жаждущих его крови, и другие тридцать тысяч — готовых разорвать в клочья центр нападения противника. Вы повествуете о выкриках, поношениях, о боевых схватках между болельщиками, о бутылках, брошенных в игроков, о судье, которому разбили щеку... иными словами, рисуете футбольный матч в джунглях, расовую и религиозную нетерпимость, от которой покраснел бы эскимос в своей ледяной хижине...

— Очень сожалею, — пробормотал Данн. — Я запустил машинку. И вот что получилось.

Мак-Ивой молчал, размышляя о странном противоречии: этот молодой человек, неуклюжий и застенчивый, который не умеет вставить слово в разговор и даже под страхом смерти не мог бы рассказать хороший анекдот за столом, на бумаге блестящ и многословен, — гейзер, бьющий могучей струей, извергающийся вулкан; к тому же все, вышедшее из-под его пера, глубоко прочувствованно, полно экспрессии, способной захватить рядового читателя, до глубины души его взволновать, заставить смеяться и плакать.

Мак-Ивой встал.

— Это самая дрянная статья за весь год. Завтра она пойдет на первой полосе. — Данн в недоумении на него воззрился, а тот с улыбкой добавил: — Я хочу, чтобы вы пришли ко мне ужинать в воскресенье.

В этот момент кончилась связь Лютера Алоизиуса Данна со спортивным миром и началась его подлинная карьера. Мак-Ивой первым делом направил его в полицейский суд, где Данн узнал еще много интересного относительно инцидента, который так удачно воспроизвел. Затем он стал разъезжать по стране, поставляя «Хронике» очерки не менее чем на полполосы. Поскольку комедия с именем больше не была тайной, Мак-Ивой придумал великолепный псевдоним для лучшего своего репортера. Отныне Данн неизменно подписывался: «Еретик». Серия его статей под названием «Жгучие вопросы», за которой последовала другая: «И еще более жгучие — ныне на повестке дня», привлекла к себе внимание самых широких слоев населения, не говоря уже о том, что Данн умудрился дважды навлечь на себя обвинение в диффамации, которое газета сумела отклонить. Количество подписчиков резко возросло, так же как возросла дружба между Еретиком и главным редактором, перешедшая в родство в 1929 году, когда высокая и статная сестра Мак-Ивова Ева, уже давно останавливавшая на Данне взгляд своих ясных и чистых глаз, стала наконец его женой.

Этот брак, хотя и не излечивший Данна от пристрастия к пиву и поношенной одежде, оказался весьма удачным: плодом его явились две дочки, втайне обожаемые отцом. Ева была славной женщиной с лебединой шеей и прочной любовью к бусам из слоновой кости, лавандовым саше и длинным серьгам. Данн предоставил полную свободу своей жене, и поскольку она была глубоко религиозна, то он вместе с дочками неизменно сопровождал ее к обедне, как положено в благочестивых семьях. Проповедник церкви св. Иосифа не раз ставил эту семью в пример другим прихожанам. Но душе Данна претили церковные обряды — видно, еще в детстве что-то в нем надломилось. Он придавал мало значения внешним формам, считая, что сердце человеческое куда важнее. Его девиз — будь у него таковой — гласил бы: «Жить и давать жить другим». Он всегда стремился исправить зло, всегда был готов ринуться на защиту обиженного.

Эта врожденная чувствительность сделала его чрезвычайно ранимым, и потому даже в сорок лет он, по существу, остался таким же нелюдимым и застенчивым, как в юные годы. Данн не терпел, чтобы его хоть в какой-то мере считали «поборником высокой морали», носителем правды. Он же просто газетчик, честно делающий свое дело. Поэтому он напустил на себя некий защитный налет меланхолического цинизма и принял скучающий вид, нередко свойственный людям его профессии. Все это было позой, которая никого не обманывала, разве что самого Данна. Дело в том, что из-под жесткой кожи постоянно проглядывали заплатки сентиментальности, но добрый малый не замечал этого и, наподобие страуса, чувствовал себя в безопасности.

Его дружба с Леной имела уже некоторую давность. Весь прошлый год по дороге в «Хронику», помещавшуюся на Арден-стрит, он заходил к ней в кафетерий выпить кофе с булочкой. Поэтому, когда она поздним вечером, после ареста Пола, пришла к нему в Хэссок-Хилл, он понял, что творится в ее душе, и со вниманием ее выслушал. И все-таки на следующее утро, идя с нею в полицейский суд, считал это начисто бессмысленным

предприятием. Однако то, что он там увидел, поколебало его уверенность. А затем он услышал рассказ Пола, исполненный глубокого страдания, несомненно правдивый, без единой фальшивой нотки от начала до конца.

Данн приучил себя не делать поспешных выводов, но врожденное чутье подсказывало ему, что здесь он наткнулся на материал, способный перевернуть всю его жизнь. Он был человеком уравновешенным, даже несколько вялым из-за своей толщины, но этой ночью, по дороге домой, в порыве внезапного возбуждения, шагал быстро, как юноша.

С неделю Данн молчал, ни словом не обмолвившись с Мак-Ивоем. Все это время он ни разу не заходил в редакцию, но был чрезвычайно занят, даже предпринял ряд сравнительно дальних поездок. Затем, в следующий четверг, в одиннадцать часов вечера, явился в «Хронику», не замеченный никем, кроме ночного швейцара, и заперся в своем кабинете. В дороге он устал и насквозь пропылился, но глаза у него были уже нескучливые — они ярко блестели, когда он, сняв пиджак и жилет, сдернул с себя галстук и уселся за письменный стол. Данн немного помедлил, раздумывая, затем неторопливо поплевал себе на руки, придвинул пишущую машинку и с вдохновенным лицом стал быстро-быстро отстукивать на ней статью, мастерски соблюдая меру чувствительности и сенсационности:

«В сыром мраке камеры смертников, у нас, в большом городе Уортли, ожидая повешения, сидел невинный человек. С тюремного двора до него доносился стук молотков — там воздвигали виселицу. Через несколько часов они явятся, свяжут ему руки за спиной, выведут на студёный рассветный воздух. Поставят под перекладной виселицы, веревка обовьет его шею, на голову ему накинут белый мешок...»

Назавтра, в девять часов утра, Данн проснулся на редакционном диване. Заспанный, небритый, без пиджака, он понес свою рукопись Мак-Ивою.

— Вот, — сказал он, — первая из новой серии статей Еретика. В то же время она подводит итог тем девяти предыдущим, что составляли прежнюю серию. Прочитайте ее. А я схожу позавтракаю.

Через полчаса, вернувшись, Данн застал редактора погруженным в размышления за своим письменным столом. Через некоторое время он медленно повернул голову. Редактор был стройный худощавый человек в синем рабочем костюме. Его темные волосы с проседью на висках аккуратно разделял прямой пробор. На носу красовалось пенсне без оправы, от которого к карману жилета тянулся белый шнурок. Мак-Ивой всегда гордился своей невозмутимостью, но сейчас был чрезвычайно взволнован, хотя и старался это скрыть.

— Ради Господа Бога, откуда вы это добыли?

— Я ничего не добывал.

— Если не вы, так кто же?

— Сын Мэффри. Все раздобыл он.

— Где он сейчас?

— Выпущен под залог на поруки и очень болен.

— Вы уверены, что это правда?

— Абсолютно. Я проверил все, о чем написал.

Мак-Ивой потер свой острый подбородок. Беспокойство, нерешительность и глубокое волнение одолевали его.

— А можем мы это напечатать?

Данн пожал плечами.

— Как вам будет угодно!

— Но, Бог ты мой, ведь здесь прямая дорога через высшие судебные инстанции к министру внутренних дел. А как насчет... насчет мистера О...? Тут уж нам не уйти от ответа. Вы подумали о диффамации? Против нас, несомненно, возбудят судебное преследование.

— Вовсе нет. Разве вы не заметили, как у меня это построено? Мы приберегаем его под конец. Не вдаемся ни в какие подробности. Просто говорим: мистер О. Или еще того лучше: мистер Х. Потом мы складываем руки и ждем, что из этого выйдет. Это же потрясающая история. Ничего более грандиозного нам еще не попадалось. Вы только подумайте... Человек пятнадцать лет сидит в Каменной Степи... ни за что.

— А может быть, он все-таки у-убил? — От волнения педантичный Мак-Ивой даже стал заикаться.

— Нет! Я готов присягнуть, что он невиновен.

— Они никогда этого не признают, никогда!

— Мы их заставим. — Данн зашагал из угла в угол. — Докажем, на что способна свободная печать. И сила общественного мнения. Я поведу такую атаку, что все, кого это касается, будут посрамлены, сколько бы они ни прикрывались своим официальным положением. Мы принудим их пересмотреть дело. Заставим начать новое расследование. Молодой Мэффри месяцами стучался к ним в двери — они даже не приоткрыли их. Почему? Потому что они знают: была допущена ошибка. И не желают вытаскивать ее на свет. Какая же это, черт подери, демократия, если нами верховодит кучка бюрократов?.. Закрывать глаза на этот случай, допустить несправедливость, не дать высказаться печати — это же гибель. Червь заберется в нас и все уничтожит. Поглядите на молодого Мэффри. Он едва не пропал, да и сейчас еще нельзя ручаться, что дело кончится благополучно. А все почему? Да потому, что его не пожелали выслушать. Если мы — свободная страна и хотим остаться свободными, человек должен иметь право возвысить свой голос...

— Ладно, ладно, — кисло отвечал Мак-Ивой. — Не стоит цитировать всю статью. Мы ее напечатаем, пусть даже себе на погибель. А погибель нам обеспечена. — И он решительным движением нажал кнопку звонка на своем столе.

Данн вернулся к себе в кабинет, надел жилет, пиджак, шляпу и пальто. Внизу заработали печатные машины, от их тяжелого стука теперь вибрировало все здание. Он задумчиво потер рукой подбородок — Ева всегда сердилась на него за неряшливый вид, надо, пожалуй, побриться. Это его освежит. Кроме того, ему хотелось пить. Глаза Данна блеснули: скоро двенадцать, значит, можно выпить пива у Эхнигана.

Глава XI

В тот вторник, после ухода Данна, Пол без сил повалился на подушки и уснул.

Лена с тревогой смотрела на него и вынуждена была признать, что он болен, очень болен. Какое-то непонятное чувство, которое она не могла побороть, заставляло ее желать, чтобы он оставался здесь, подле нее, в целостности и сохранности. Душа ее, сломленная жестокостью

настолько, что Лена трепетала даже перед мыслью о любви, теперь ожила, взволновалась чувством, которое она считала для себя невыносимым и запретным. Могла ли она думать, одинокая, болезненно уязвимая, сторонившаяся мужчин, что любовь снизойдет на нее, как снизошла теперь, перевернув всю душу и наполнив ее боязливой, робкой нежностью. Но горе придало ей силы.

Лена села на стул возле кровати, не отрывая глаз от лица Пола. Время от времени она поднималась, чтобы вытереть испарину, обильно выступавшую у него на лбу. Она считала это признаком того, что жар начал спадать, и понемногу успокаивалась. Под вечер Лена дала Полу стакан горячего молока и яйцо всмятку. Уходя к себе на ночь, она надеялась, что завтра сможет пойти на работу, ей очень не хотелось потерять место в «Бонанзе».

Утром, когда она вошла к Полу, он объявил, что чувствует себя лучше и смело может остаться один. Но когда она, уже одетая для улицы, поставила на плиту кастрюльку с бульоном, предназначавшимся ему на завтрак, и ненароком дотронулась до его руки, — рука пылала. Лицо Лены не дрогнуло, но сердце забилося в испуге. Она стояла в берете и плаще, держась за ручку двери.

— Может, мне все-таки остаться дома?

Он покачал головой.

— Все будет в порядке.

— Вы уверены?

— Да.

Она неохотно ушла и весь день, хлопоча у своей стойки, с тревогой возвращалась мыслями к Полу. В четыре часа она заставила себя обратиться к Херрису с просьбой, нельзя ли ей уйти. Он высоко вскинул брови, улыбнулся своей неприятной, обидной улыбкой, но не возразил. Она торопливо вышла и задержалась только в лавке зеленщика, чтобы кое-что купить. Дома, взбегаая по лестнице, она почувствовала необычное стеснение в груди — так сильно билось у нее сердце.

Пол сидел в постели, опершись спиной о подушки, и пристально смотрел в окно на ряды труб. С лица его исчезло отсутствующее, смятенное выражение, и он слабо улыбнулся, когда увидел ее. Тем не менее Лена тотчас заметила, что симптом, так ее напугавший, не только не исчез, но стал еще очевиднее. На щеках Пола пылали два ярких пятна. Он прерывисто вздохнул, прежде чем поздороваться с нею.

— Вы ушли раньше времени?

— Сегодня было мало посетителей. — Она неторопливо сняла плащ. — По-моему, вам надо лечь.

— Я чувствую себя лучше, когда сижу.

— Съели вы свой бульон?

— Полную чашку.

Она поправила на нем одеяло, стараясь скрыть беспокойство.

— Я принесла вам бисквитов... и немножко фруктов. Хотите, я сделаю лимонад?

— Очень хочу. — Он подавил кашель. — Меня мучает жажда. А есть я ничего не могу.

Судорожный вздох приподнял ее грудь.

— Пол, — сказала она, — по-моему, надо пойти за доктором.

— Нет, — запротестовал он. — Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Если бы вы знали... после всего, что было... только покой...

Она смотрела на него с мучительной нерешительностью: здравый смысл вступил в борьбу с ее страстным желанием быть с ним вдвоем, без чужих людей. Ведь это из-за него она страшится постороннего вмешательства, которое может снова поставить его в затруднительное положение, более того — вернуть в руки полиции. О Боже, как ей поступить?

Все еще в нерешительности она зажгла свет и спустила штору. Пол наблюдал за Леной как бы издалека, отчего все ее движения казались странно нереальными. Весь день его одолевала дремота, а придя в себя, он подумал о Данне. Он, собственно, не надеялся, что этот новый знакомый поможет ему. Да и не удивительно: вспоминая свои усилия в продолжение последних месяцев, Пол лишней раз убеждался, что это ни к чему не приведет. Он прошел свой путь до конца и больше ничего не мог сделать.

Отчаявшийся и подавленный, он внезапно подумал о Лене. Ее тесная дружба с Данном и явное взаимопонимание, существовавшее между ними, почти не оставляло сомнения в характере их отношений. Пол внушил себе, что этот скромный женатый человек, уже в годах, был отцом ее ребенка и постоянным ее покровителем. Этот вывод заставил его вздрогнуть, пронзил острой болью, мучительно усилившей ту, которую он ощущал при каждом вдохе и выдохе. Непреодолимое желание еще усугубить эту боль принудило его заговорить.

— Лена...

— Да?

— Вы так много для меня сделали. И я все спрашиваю себя: почему?

Она быстро отвернулась.

— Потому же, почему люди что-то делают друг для друга.

— Мне хочется, чтобы вы знали, как я вам благодарен.

— Это все пустяки.

Несколько секунд оба молчали.

— Вы, наверно, давно знаете Данна?

— Около трех лет.

— Он добр был к вам?

— Да, я всем в жизни ему обязана.

— Понятно.

Ему почудился вызов в гордом, печальном взгляде Лены. И в то же время на ее тонком лице отразилась такая бесконечная покорность судьбе, что ему стало страшно. Он отвернулся к стене.

— Так или иначе, — сказал он, — это несущественно. Я все понял.

Лена вздрогнула, побледнела, хотела было что-то сказать, но промолчала и только смотрела на него с неосознанной мольбой. Но она тут же поборолла эту мимолетную слабость и решительно сжала губы.

Наступило долгое молчание. Пол закрыл глаза, стараясь подавить отрывистый горловой кашель.

— Мне очень нехорошо!

На этот раз она не стала раздумывать, а, ни слова не говоря, выбежала в прихожую, надела плащ и выскочила из дому.

Ближе всего была приемная доктора Керра — всего в каких-нибудь двухстах ярдах по Уэйр-стрит. Доктор Керр был еще молод, недавно получил право практиковать и недавно же прибил дощечку у своей двери: он очень старался сколотить практику в своем районе. Лена слышала, что это человек приятный и знающий.

Приемная оказалась закрытой, но на двери висело печатное объявление, сообщавшее, по какому телефону можно разыскать доктора Керра. Она чуть ли не бегом побежала к автомату на углу и набрала указанный номер. К телефону подошла какая-то женщина. Она сказала Лене, что доктор ушел к больному, но пообещала передать ему вызов, когда бы он ни вернулся.

Лена вышла из будки с бледным, искаженным лицом. Правильно ли она поступила, положившись на столь неопределенный ответ? Не лучше ли разыскать другого врача где-нибудь поблизости? После долгой проволочки, за которую она жестоко корила себя, ей казалось необходимым найти врача без промедления.

Когда она вернулась домой, Пол, видимо, спал. Она ждала, томясь беспокойством и напряженно вслушиваясь, не идет ли врач. Вскоре после одиннадцати — томление ее уже дошло до предела — он наконец явился. Она видела, что доктор очень утомлен, вопросы он ей задавал кратко и отрывисто, но Пола осмотрел внимательно. Покончив с осмотром, он отошел от постели больного и взглянул на часы.

— Что с ним, доктор? Это серьезно?

У Керра сегодня выдался трудный день, он даже не успел пообедать, но ответил ей терпеливо и обстоятельно.

— У него был сухой плеврит — отсюда боль. Затем начала выделяться мокрота — масса жидкости стала давить на легкое.

— Плеврит?

Это звучало еще не так скверно.

Но врач быстро взглянул на Лену и тут же отвел глаза.

— Боюсь, что у него — гнойный плеврит. А это значит — госпитализация.

Лена изменилась в лице и прижала руку к сердцу.

— Не могли бы вы наблюдать за ним здесь?

— Бог мой, конечно, нет. Может потребоваться резекция ребра. Надо осушить всю полость. Тут работы недель на шесть, не меньше. Есть у вас телефон?

— Да. В передней.

Керр пошел вниз. Лена услышала, как он говорит с больницей, подчеркивая серьезность случая, и настаивает на неотложной госпитализации больного. Вся дрожь, она спустилась к нему.

Найти свободное место оказалось очень трудно. Большинство бесплатных больниц было переполнено, а так как доктора Керра еще мало знали в районе, то ни в одной больнице не торопились пойти ему навстречу. Наконец он все-таки договорился и, сообщив необходимые сведения, со вздохом облегчения отошел от телефона.

— Его поместят в больницу святой Елизаветы. В трех милях отсюда, на Окдин-роуд... Больница небольшая, ко хорошая. За ним уже послали машину.

Санитарная машина прибыла через пятнадцать минут. Еще через десять она уже скрылась из глаз.

Все еще в страшном напряжении, сбитая с толку, измученная и подавленная собственными чувствами, Лена поднялась вверх. В маленькой комнатке было душно и пахло лекарствами. Она выключила газ, подошла к окну, распахнула его и стала глубокими глотками впитывать влажный ночной воздух, потом отвернулась и, верная своей привычке, принялась убирать комнату.

Потертый пиджак Пола, который он носил все это время и в котором спал под Арками, аккуратно сложенный, лежал на стуле возле кровати. Она взяла его, намереваясь повесить в шкаф, но в это мгновение потрепанный бумажник выпал из внутреннего кармана, раскрылся и все его содержимое — в основном это были разрозненные бумажки — рассыпалось по полу.

Лена нагнулась собрать заметки — они все, без исключения, касались «дела» Пола — и стала класть их поштучно в карман пиджака. Внезапно, среди бумажных листов, ее пальцы нащупали фотокарточку. Инстинктивно она взглянула на нее. Это был портрет Эллы Флеминг, выполненный сепией на редкость лестно — Элла уж об этом позаботилась, а внизу под портретом стояло заботливо выбранное библейское изречение. Это и правда был подарок Эллы ко дню рождения Пола — ему тогда исполнилось девятнадцать лет, и можно не сомневаться, что она с многозначительным и нежным взглядом сама вложила эту фотографию ему в бумажник, надеясь, что он будет всегда носить ее на груди.

Пол забыл даже о существовании фотографии. Но в глазах Лены эти красивые черты, выразительный взгляд, волосы, лежащие мягкими волнами, и прежде всего надпись под портретом — нежная и в то же время говорившая об определенных правах — мгновенно сделали его самым дорогим достоянием Пола.

Даже вдоха не вырвалось из груди Лены, но в ее неподвижности, в оцепенелом лице, которое точно застыло — лишь подергивались уголки рта, — таилось безмерное горе. Наконец она вложила фотографию в бумажник, а бумажник — во внутренний карман пиджака. Затем она надела пиджак на плечики, повесила в шкаф и ушла на кухню. Там она облокотилась о доску камина, прикрыла глаза и отвернулась к стене.

Все последнее время она боролась со страхом, что положение, в которое она себя поставила, постыдно и невыносимо. Но никогда она не думала о такой возможности, тривиальной и все же неожиданной, разом убившей все ее надежды. Лену бросало в дрожь при воспоминании о бессмысленной борьбе с самой собой, о жалком своем малодушии. Как это глупо — принять благодарность за иное чувство! Еще немного, и она выставила бы напоказ трагедию своей жизни, но теперь она уже ничего ему не скажет. Никогда. Бесконечно униженная, она закрыла глаза, вновь во власти знакомых чувств — ненависти к себе и стыда. Сопоставляя себя, долго тащившуюся по житейской грязи, с ангелоподобным созданием,

связывавшим свою судьбу с Полом, она подумала — умереть бы сейчас, немедленно, чтобы страшная боль, сдавливавшая ей грудь, поторопила конец.

Не помня себя от отчаяния, Лена долго стояла неподвижно. Потом огромным усилием воли стряхнула с себя оцепенение, отбросила волосы со лба и присела на скамеечку. Глаза ее были сухи. Сжав губы, твердо решив не идти ни на какие компромиссы, она обдумывала, как быть дальше. Минуты бежали за минутами, и вдруг ее смятенный ум нашел решение. Иного выхода нет. Так она и поступит, чего бы это ей ни стоило. Ей хотелось бежать, забиться в какую-нибудь дыру, вытравить все из памяти. И, съежившись на скамеечке, она принялась намечать план действий.

Глава XII

В понедельник, двадцать первого февраля, на первой полосе «Хроники» появилась первая из статей Данна о деле Мэффри.

Вопреки своим привычкам — Данн обычно вставал поздно и не торопился выйти из дому — он на этот раз рано пошел в «Хронику». На панели мальчишки выкрикивали заголовки статей, размахивали специально отпечатанной Мак-Ивоем рекламой. Услышав эти крики и увидев фамилию Мэффри, набранную крупными буквами и колышашую на ветру, Данн почувствовал, как от радостного возбуждения по телу его побежали мурашки. Он был не слишком тщеславен и не питал особых иллюзий на счет своей профессии, но твердо верил, что газета должна обо всем говорить и в умелых руках может стать большой силой. «Ну вот, нарыв вскрыт, — размышлял он. — Это явится хорошенькой встряской».

Когда он пришел в редакцию, Мак-Ивой был уже там — они решили вместе работать над этой серией статей, — и Данн, естественно, поделился с ним своими мыслями:

— Хотелось бы мне посмотреть на рожу Спротта... и Дейла, когда они увидят, что им подано к завтраку.

Мак-Ивой был настроен менее восторженно. Он с довольно мрачным видом пожал плечами.

— Теперь мы влезли в это дело по самые уши. Будем молить Бога, чтобы все сошло благополучно.

За день ничего особо существенного не случилось. Несколько киоскеров по телефону затребовали еще две-три сотни экземпляров газеты. И все они были распроданы. Отправившись в ресторан обедать, Данн видел, что на улицах, в трамваях — всюду люди читают его статью. Но пока все было спокойно: затишье перед бурей, сказал он себе.

На следующее утро около одиннадцати зазвонил телефон. Во второй статье, которая была гораздо сильнее первой, где излагались лишь основные факты, уже прямо говорилось об ошибке, допущенной судом. Глядя на Данна, Мак-Ивой поднес трубку к уху, затем многозначительно кивнул, и губы его беззвучно произнесли: «Дейл».

Вслух же он сказал:

— Да, это редактор «Хроники». А, доброе утро, господин начальник полиции. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

Наступила пауза. Поскольку в редакции не было отводной трубки, Данн не мог слышать того, что говорилось на другом конце провода. Он слышал лишь одного из собеседников, а о том,

что говорит другой, мог судить по выражению лица Мак-Ивоя.

— Мне это крайне неприятно, господин Дейл. Но о какой, собственно, статье вы говорите? Ах, о деле Мэфри. Ай-яй-яй! Надеюсь, она не слишком вас огорчила?

Лицо редактора продолжало оставаться бесстрастным.

— Право, не понимаю, против чего тут возражать. Наша обязанность рассказывать о любых событиях. Ничего другого мы и не делаем. Что-что? Нет, сомнений на этот счет у нас нет. Зато есть кое-какие любопытные факты.

Последовала более продолжительная пауза. И Мак-Ивой заговорил уже менее любезно:

— Мы не боимся обвинения в диффамации или в чем-либо подобном. Мы считаем, что публика должна знать об этом деле. И, клянусь Богом, позаботимся о том, чтобы она узнала.

Опять пауза. Глаза редактора сверкнули за стеклами пенсне.

— Я бы на вашем месте не стал этого делать, Дейл. Видите ли, мы можем напечатать остальные статьи в газетах Ховарда Томпсона. То есть в пяти провинциальных и одной лондонской ежедневной. Они уже предлагали нам купить весь материал Данна. Нет, на вашем месте я не стал бы этого делать. И постарайтесь держать себя в руках. Вам еще потребуется самообладание. Кстати, если хотите прочесть признание инспектора Суона, то оно будет опубликовано в нашей очередной статье. Вы найдете ее завтра в «Хронике».

Лицо Мак-Ивоя, когда он опустил трубку на рычаг, пылало. Он закурил сигарету, чтобы немного успокоиться.

— Дейл взбешен. Да оно и понятно. Я счел за благо продемонстрировать ему нашу непреклонность.

— Дейл, — неплохой малый, — заметил Данн. — И в общем, честный. Он действует сейчас под нажимом тех, кто стоит над ним. Но сделать он все равно ничего не может.

— Мог бы, — возразил Мак-Ивой. — Но не станет. Ополчившись на нас, они фактически признают свою вину. Мы их приперли к стенке. Могу поспорить на рюмку вина, что завтра или послезавтра сам босс пожалует к нам. — Он взял листок бумаги, который только что положили ему на стол. — Так или иначе, бизнес от этого не страдает. Мы напечатали сегодня лишних двадцать тысяч экземпляров. И все раскуплены.

На следующее утро дело Мэфри было уже у всех на языке. Почта принесла целый мешок писем от читателей «Хроники», несколько газет высказалось по поводу статей Еретика. Комментарии в большинстве своем были весьма осторожные, а блэнкширский «Страж» даже решил сделать внушение Данну: «Мы опасаемся, что наш уважаемый коллега, взяв на себя миссию исправить мир, зашел в данном случае слишком далеко». Однако в лондонском «Рекорде», либеральной газете с весьма солидной репутацией, на эту тему была опубликована передовица, которая начиналась так: «Уортлийская „Хроника“ выступила с серьезнейшими обвинениями, и если эти обвинения верны, то они не могут не потрясти всю страну». И заканчивалась: «Как и все предыдущие статьи, вышедшие из-под талантливой пера Еретика, здесь каждое слово исполнено горячей убежденности. Мы с величайшим интересом ждем дальнейших статей этой интересной серии».

— Началось. — Мак-Ивой протянул Данну вырезки. — Обождите, что еще будет, когда они прочтут про Суона. Кстати... на вашем месте я не задерживался бы вне дома допоздна.

— Ну что вы! Они никогда не осмелятся.

— Конечно, нет, — подтвердил редактор каким-то странным тоном. — Но вы можете простудиться.

Раздался стук в дверь. Вошел молодой человек — секретарь Мак-Ивой.

— Извините, сэр. У телефона секретарь сэра Мэтью Спротта. Сэр Мэтью был бы вам очень признателен, если бы вы зашли к нему сегодня, в любое время.

Данн и Мак-Ивой обменялись взглядами. Мак-Ивой вытянул ноги под столом.

— Скажите секретарю сэра Мэтью, что, к сожалению, это невозможно. Мы очень заняты. Но если сэр Мэтью пожалует к нам, то мы будем рады его видеть.

— Хорошо, сэр. — И секретарь вышел.

— Он ни за что не придет, — заметил Данн.

— Может быть, и нет. — Мак-Ивой передернул плечами. — Но вот уже пятнадцать лет, как он держит людей в страхе. Пора пострадать и его.

В следующих двух статьях весьма недвусмысленно говорилось о том, что на суде не был учтен срок беременности убитой и что представитель обвинения весьма странно вел себя по отношению к свидетелям. Вот тут уж хлынула лавина. Почта мешками прибывала в «Хронику», и столько шло телеграмм, что Мак-Ивой посадил в соседнюю комнату специальную группу для сортировки корреспонденции, в то время как сам он и Данн, сняв пиджаки, работали у него в кабинете. Телеграммы были самые разные — от сумасшедших, от обществ по борьбе с одним, с другим и с третьим, иные были оскорбительного содержания (возмущенные авторы заявляли, что статьи Еретика подрывают основы закона и порядка), но в основном корреспонденты со всех концов страны от души желали газете успеха в ее начинании. Однако среди мусора попадались и жемчужные зерна.

Так, например, достопочтенный Фостер Баулз, известный публицист и проповедник Лондонской епархии, прислал следующую телеграмму: «

Горячие поздравления связи вашей великолепной компанией тчк Следующее воскресенье вечером выступаю проповедью делу Мэфри да благословит вас Бог Брат Баулз ».

— Он-то чего суется? — не без ревности буркнул Данн. — Хитрая лиса — сам только и умеет, что сотрясать воздух.

Мак-Ивой с шутливым неодобрением покачал головой.

— Где ваша любовь к ближнему, брат мой? Баулз как раз то, что нам нужно. Уж если он поднимет звон, так не только в Лондонской епархии, но и далеко за ее пределами будет слышно. Он втемяшит это в головы тысячам людей на Олд-Кент-роуд.

Мак-Ивой взял следующую телеграмму.

— А вот, смотрите-ка: «

Чрезвычайно одобряю вашу кампанию в поддержку моего запроса 19 ноября тчк Ввиду предстоящих выборов высоко ценю ваше признание моих усилий тчк Все-таки я первый это начал тчк Буду продолжать добиваться справедливости — Искренне ваш Джордж Бэрли ».

— Славный старина Джордж, — без тени улыбки заметил Данн. — И он хочет участвовать в благом деле.

— И нанести ответный удар Данкастерам. Они его тогда так крепко стукнули, что он чуть не вылетел из игры. «Буду продолжать добиваться справедливости». Это мило. — Редактор взял другую бумажку, пробежал ее глазами, затем передал через стол Данну: — А на это что вы скажете?

Данн, нахмурившись, прочитал телеграмму от редактора «Рекорда»: «

Дорогой Мак-Ивой учитывая большой интерес делу Мэфри предлагаю немедленно опубликовать статьи Еретика согласен любую цену — Искренне ваш Ллойд Беннет ».

На минуту в кабинете воцарилась тишина. Оба были газетчиками и думали об одном и том же... Мак-Ивой полистал блокнот, затем поднял голову.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете. Вы — рыбак и нашли чудесный уединенный пруд, и вдруг на противоположном берегу появляется какой-то субъект и говорит: «Дай-ка и я попытаю счастья!». А все-таки это большой комплимент... «Рекорд»... и Ллойд Беннет — мастер удить рыбу... Вы, надеюсь, меня понимаете...

Данн вскочил, подошел к окну и остановился возле него — спиной к редактору.

— Тут ведь дело не только в личном тщеславии, — сказал он наконец. — Придется принять предложение.

— Прекрасно, — отрубил Мак-Ивой. — Я так и думал, что вы согласитесь. Но цену мы заломим фантастическую.

— Да замолчите вы, Джимми. — Данн все продолжал стоять у окна. — Это ведь не наш материал. Мы тут с вами устраиваем скачки и, точно два букмекера, подсчитываем да рассчитываем... в то время как этот несчастный парень, проделавший всю работу и в поте лица раскопавший зерна правды, лежит в больнице без двух ребер и с дыркой в легком. Нехорошо получается.

— Он все еще плох?

— Очень плох. — Данн мотнул головой. — Но врачи все-таки надеются. Вот если бы он прочитал мои статьи! Они принесли бы ему больше пользы, чем любое лекарство.

— Хм!.. Ну и вой бы поднялся... — Редактор не мог удержаться, чтобы не высказать своих мыслей вслух. — Я хочу сказать... какое бы это произвело психологическое впечатление... если бы он вдруг умер...

Данн резко обернулся, но редактор уже спохватился и поспешил нажать на кнопку звонка.

— Подобные мысли невольно приходят в голову — так уж устроен человеческий мозг. Я хочу сейчас же послать телеграмму Ллойд Беннету.

На следующее утро лондонская газета «Рекорд» вышла с приложением в одну страницу, где были напечатаны три первые статьи Еретика. На другой день она нагнала «Хронику», опубликовав еще три. Седьмая статья появилась одновременно в обеих газетах. Поздно вечером, когда Данн и Мак-Ивой уже собирались домой, мальчик принес в редакцию ленту телетайпа:

«Мистер Дуглас Гибсон (лейборист), член парламента от Нью-Тауна, выступил в палате общин с запросом, намерен ли министр внутренних дел, ввиду шума, поднявшегося в последнее время в печати и повсюду в стране, пересмотреть свое решение по делу Мэфри.

Министр внутренних дел сэръ Уолтер Хэмилтон ответил, что просит изложить запрос в

письменном виде».

В кабинете воцарилась наэлектризованная тишина; двое мужчин молча смотрели друг на друга. Они провели утомительный день, пока что не принесший особых плодов, и сейчас напряжение начало сказываться на обоих.

— «Просит изложить запрос в письменном виде», — наконец повторил Мак-Ивой срывающимся от радостного возбуждения голосом. — На этот раз нет категорического отказа. Они хотят выиграть время для размышлений. Телефонная связь между Лондоном и Уортли будет сегодня работать всю ночь. А завтра надо ждать гостя.

Они молча, но горячо пожали друг другу руки, взяли шляпы и ушли.

Назавтра был четверг; около четырех часов, когда руководство «Хроники» обычно взбадривало себя крепким чаем, приготовленным мальчиком-рассыльным, который подавал его в толстых чашках с отбитыми краями, раздался стук в дверь.

— Войдите.

Но это был не мальчик с подносом, а крайне взволнованный секретарь Мак-Ивоя Тед Смит; по пятам за ним следовал сэр Мэтью Спротт. Ни в манерах, ни в облике сэра Мэтью, одетого весьма тщательно и элегантно, не было ничего необычного. Лицо его, хранившее, как всегда, сдержанное высокомерное выражение, было совершенно спокойно.

Секунду длилось молчание.

— Садитесь, прошу вас, — предложил редактор.

— Благодарю. — Сэр Мэтью опустился на стул. — Вас трудно застать в последнее время, мистер Мак-Ивой. Я проходил мимо и решил заглянуть на минутку. Конечно, неофициально.

— Разумеется, — кивнул Мак-Ивой, бесстрастно глядя в лицо собеседнику. — Не угодно ли сигарету?

— Нет, благодарю вас. — Спротт жестом отстранил серебряный портсигар. — Я очень рад, что и вы здесь, мистер Данн. То, что я хочу сказать, в известной мере касается и вас.

Наступила более продолжительная пауза. Спротт великолепно владел собой, все у него было заранее обдуманно, и он не проявлял никаких признаков тревоги. Он даже слегка улыбнулся, желая показать, что вполне спокоен.

— Джентльмены, — начал он, — я пришел сюда не для дидактических споров. Все ведь очень просто. К тому же я признаю, что вы имеете право помещать в своей газете все, что вам заблагорассудится. Тем не менее должен сообщить вам, что серия статей, которую вы последнее время печатаете, поставила в несколько затруднительное положение правительство его величества.

Молчание. Оба — Мак-Ивой и Данн — смотрели на Спротта. Под его напыщенным высокомерием чувствовалась тревога, которую ему уже не удавалось скрыть. И когда он снова заговорил, в его тоне звучала наигранная сердечность.

— Мы с вами, джентльмены, люди светские. Я уверен, что каждый из нас понимает, как трудно управлять страной в нынешние смутные времена. Через какие-нибудь три месяца предстоят выборы. Я не делаю никаких выводов, я просто хочу, чтобы вы помнили об этом. Учтите, что правительство его величества весьма сочувственно относится к поднятому вами вопросу. Это не подлежит сомнению.

— В самом деле? — заметил редактор.

— Смею вас уверить. — Сэр Мэтью внушительно кивнул. — Вчера вечером я целый час разговаривал по телефону с министром внутренних дел. — Незаметно для Спротта Мак-Ивой переглянулся Данном. — И повторяю: сэр Уолтер, будучи человеком большого ума, хочет со всею гуманностью подойти к этому странному и запутанному делу.

— Вот как!

Сэр Мэтью посмотрел на обоих, и его благожелательная улыбка стала еще шире.

— Как я уже сказал, джентльмены, я пришел к вам неофициально. Да и как могло быть иначе, учитывая занимаемое мною положение? Но, по правде говоря, — хотя и это тоже между нами — я пришел сделать вам одно предложение, можно сказать, более чем великодушное, которое, думается мне, раз и навсегда положит конец всей этой истории и приведет дело к справедливому разрешению.

Спротт облизнул губы и пригнулся ближе к своим собеседникам.

— Я уполномочен сообщить вам, что если вы немедленно прекратите публикацию этих статей, в которых, кстати сказать, учитывая дальнейшее развитие событий, не будет и нужды, — сэр Уолтер согласен амнистировать заключенного Мэфри и немедленно выпустить его из Каменной Степи.

Слащавая улыбочка, казалось, была прочно приклеена к лицу сэра Мэтью. Данн и Мак-Ивой даже не взглянули друг на друга.

— Так как же, джентльмены, принимаете вы мое предложение?

— Нет. Мы отказываемся.

Спротт неторопливо вытащил носовой платок и вытер ладони. Улыбка сбежала с его лица.

— Отказываетесь? Я очень удивлен. Разрешите спросить: по каким причинам?

Редактор в упор смотрел на него.

— Во-первых, мы бы нарушили основной принцип «Хроники», если бы на данном этапе склонились к компромиссу. А, во-вторых, невинного амнистировать нельзя.

Снова молчание. Спротт аккуратно вложил платок в нагрудный карман.

— Вы сказали: «на данном этапе». Могу я поинтересоваться: какова ваша конечная цель?

— Добиться полного оправдания и освобождения заключенного Мэфри, — громко и четко ответил Мак-Ивой. — Добиться досконального, открытого и беспристрастного расследования обстоятельств, приведших к его осуждению... и, если была допущена несправедливость... добиться полного возмещения и приемлемого удовлетворения за страшные страдания, причиненные невинному человеку.

Сэр Мэтью поднял брови и улыбнулся. Во всяком случае, попытался изобразить снисходительную усмешку, но лицевые мускулы уже не до конца повиновались ему, и черты его исказила кривая, растерянная гримаса. Он поспешно поднес руку к подбородку. И некоторое время держал ее так: казалось, его поразила тяжелый, нервный шок. Наконец усилием воли он заставил себя подняться.

— Я могу лишь надеяться, джентльмены, что вы не пожалеете об избранной вами линии

поведения, — холодно сказал он. — Нет нужды говорить, что я буду препятствовать вам в пределах моих возможностей. И советую помнить, что борьба с высшей властью — дело, которое может вам дорого обойтись.

Слишком он был опытен, слишком хорошо умел играть перед публикой, чтобы не суметь сейчас до конца совладать с собой. Он медленно кивнул каждому поочередно и спокойно вышел из комнаты. Но лицо у него было серое. И шел он тяжелой походкой больного человека.

В конце недели Мак-Ивой предусмотрительно повел на страницах «Хроники» кампанию по организации Фонда борьбы за освобождение Мэфри законным путем. Деньги начали поступать со всех концов королевства. Потирая руки, редактор взволнованно заметил:

— Дело принимает общенациональный характер. События созревают.

Если общественному мнению дать волю, событие, взволновавшее народ, может вызвать гигантскую волну протеста. Начинается все порой с еле слышного шепота, с нескольких слов, произнесенных вполголоса каким-то человеком, но шепот этот нарастает, ползет и ширится, с невероятной быстротой набирая силу, пока не превратится в ураган. Когда возникает такая буря, людям, находящимся у власти, нечего и пытаться ее остановить. Они должны либо подчиниться этой силе, либо она сметет их со своего пути. Вот тогда-то и выясняется, чьим интересам служит правительство — интересам народа или своим собственным.

Так получилось и с делом Риза Мэфри. В свое время поговорили в той местности, где шел суд, и вскоре забыли — оно кануло в забвение на пятнадцать лет. А теперь, пользуясь выражением Мак-Ивой, оно «приобрело общенациональный характер». Одна за другой газеты больших городов стали требовать беспристрастного расследования фактов. Миллионы слов прошли через уставшие линооты, отстаивая Мэфри. Писатели и политики, проповедники всех вероисповеданий, публицисты, лекторы, университетские профессора, руководители профсоюзов, крупные ученые, известные актеры, знаменитые врачи — все присоединили свои голоса к общему хору. В различных городах возникли Общества спасения Риза Мэфри. Были выпущены и распроданы по всей стране «пуговицы Мэфри». Дети, которые еще не родились, когда он был осужден, целыми школами выходили на демонстрацию с плакатами «Свободу Мэфри!». Никакое существо из плоти и крови, а тем более шаткое правительство не могло противостоять подобному натиску.

Однажды серым, унылым днем, в конце месяца, Мак-Ивой и Данн сидели в кабинете редакции, — вернее, не столько сидели, сколько молча и бесцельно шагали по комнате, измученные непрерывным напряжением предшествующих дней, — как вдруг из коридора до них донеслись крики. Минуту спустя в комнату вбежал секретарь Смит, а вслед за ним и другие сотрудники редакции.

Смит взволнованно протянул лепту телетайпа.

— Это только что поступило, сэръ.

Снизу, из помещения верстальщиков, и еще ниже, из подвала, неслись ликующие возгласы.

— Да читайте же, Бога ради, — сказал Мак-Ивой.

И Смит громко прочитал:

«В пять часов в палате общин министр внутренних дел объявил, что Риз Мэфри будет выпущен на свободу из Каменной Степи в последний день сего месяца, а через четыре недели в помещении местного суда начнутся заседания специального трибунала. Сообщение было встречено продолжительными аплодисментами».

Словно в ответ на эти слова, раздался новый взрыв восторженного ликования. Редактор посмотрел на маленькую группу, сгрудившуюся в дверях. Он был настолько измучен, что его даже удивили восторг и возбуждение, читавшиеся на их лицах. Он почувствовал, что должен что-то сказать.

— Все вы хорошо поработали, — начал он, как это положено в таких случаях, усиленно стараясь изобразить на лице радость. — И сейчас, получив эти добрые вести, я хочу поблагодарить вас за вашу поддержку. Каждый сотрудник получит премию в тот день, когда Мэфри будет освобожден.

И Данну и Мак-Ивой было ясно, что решение, принятое министром внутренних дел, говорит о тщательно продуманной попытке «увильнуть» от ответственности. Министр не мог противостоять общественному мнению и не выпустить на свободу Мэфри — об этом он прямо и объявил. В то же время освобождение Мэфри влекло за собой безусловное осуждение лиц, повинных в его заключении, а министр внутренних дел не был так уж уверен в его невиновности. Поэтому он решил своею властью поручить апелляционному суду по уголовным делам выяснить официальным путем, на открытом заседании, есть ли новые факты, позволяющие даровать помилование. И, естественно, заседание суда назначить в Уортли, чтобы утихомирить разыгравшиеся там страсти.

Мак-Ивой отпустил сотрудников и повернулся к Данну. Тот сидел, откинувшись в кресле, и сосредоточенно рассматривал свои ногти. Он чувствовал себя бесконечно усталым и опустошенным. Теперь наступила реакция.

— Ну вот, мы своего и добились, — сказал Мак-Ивой. — Я чертовски устал. Пойду домой.

И он принялся медленно надевать пиджак.

— Мне хотелось бы иметь для завтрашнего номера небольшую передовицу. Что-нибудь насчет того, как был сломлен парламент, о силе гласа народного и тому подобное. Сделаете?

— Хорошо.

— Спасибо. Приезжайте с Евой ужинать. Надо же отметить такое событие. — Он взял пальто, помедлил. — Мы ведь выиграли, правда? Мы должны пожимать друг другу руки и танцевать фанданго. А мы... Что с нами происходит?

— Реакция, наверное. Слишком нелегко нам все это далось. Зато Мэфри свободен... Мы вернули его к жизни.

— Интересно... Интересно, что чувствовал Лазарь, когда выходил из могилы. — Произнеся эти слова, Мак-Ивой покачал головой и ушел.

Данн написал передовицу за пятнадцать минут. Он позвонил, отдал напечатанный на машинке текст Смит и пошел к себе в кабинет. Он хотел было позвонить в больницу, чтобы сообщить Полу счастливую весть. Эту минуту он давно уже предвкушал, но неожиданно ему пришла в голову мысль, которая удержала его. Он улыбнулся с той теплотой, которую никак не мог в себе вытравить, надел шляпу, сдвинул ее на затылок и вышел на улицу.

В доме номер шестьдесят один на Уэйр-плейс он застал миссис Хэнли, которая уже вернулась из своей поездки в Лондон и сейчас гладила белье в кухне возле топившейся печки.

— Миссис Хэнли, — сказал Данн. — Отца Пола скоро освободят. Эти сведения вполне определенные и официальные. Я хочу, чтобы Лена ходила в больницу и сообщила Полу

добрую весть. Я полагаю, она справится лучше меня. Позовите-ка ее сюда скорее.

Миссис Хэнли не шелохнулась. Поджав губы, она посмотрела на Данна.

— Лена здесь больше не живет. Когда я вернулась на прошлой неделе, комнаты ее были пусты. Она оставила записку, что уехала навсегда.

Глава XIII

Утро второго марта занялось ясное и тихое; среди желтых крокусов, пестревших на лужайке перед клиникой св. Елизаветы, чирикали воробушки. Стояла отличная весенняя погода — солнце уже начинало припекать, в вязах, выстроившихся вдоль короткой подъездной аллеи, пробудился сок, и редкие перышки нежно-зеленых молодых побегов украсили верхние ветки. Влажная земля, в которой журчали невидимые ручейки, казалось, набухла, распираемая жаждой жизни.

В этот день Пол должен был выйти из больницы.

Задолго до полудня, когда Данн обещал заехать за ним, Пол уже сидел в больничной гостиной, распрощавшись со всеми и особенно тепло поблагодарив пышногрудую, краснощекую и всегда такую веселую сестру Маргарет, которая ходила за ним, — ей он дважды крепко пожал руку. Он думал, что не выберется отсюда живым, но теперь ребра у него зажили, с легкого уже сняли пневмоторакс и кашель прошел. И вот, хотя силы еще не вполне вернулись к нему и слабость давала себя знать, его признали здоровым.

Точно в условленный час Данн приехал за ним на такси. После затянувшегося прощания — добрые сестры, видимо, с особым уважением относились к Данну, и ему пришлось употребить немало усилий, чтобы избежать несколько назойливого гостеприимства достопочтенной матери-начальницы, предлагавшей подкрепиться коньяком и бисквитами, — они наконец выбрались из больницы. Такси помчало их к городу, и Пол, вдыхая в открытые окна напоенный ароматами воздух, почувствовал трепет радости от предвкушения того, что его ждет. Ведь ради этого он мучился и страдал все эти долгие месяцы.

— Я снял для вас комнаты в «Виндзоре», — нарушил молчание Данн. — Это далеко не лучшая гостиница, но там тихо. На первых порах, во всяком случае, сойдет.

Пол с благодарностью посмотрел на него, всем своим видом говоря, что заранее согласен с любым решением Данна.

— Вообще, — продолжал тот, — поскольку завтра приезжает ваша матушка, я думаю, вам есть смысл там и остаться до окончания следствия. Расходы берет на себя «Хроника». Нет, не благодарите меня. Это уж наша забота. И поэтому вот вам тридцать фунтов. Возьмите их. Вам ведь придется купить отцу кое-какие вещи и одежду. Вы можете потом вернуть их редакции, если захотите, после того как получите возмещение.

— Какое возмещение?

Данн искоса взглянул на него.

— Я считаю, что ваш отец может предъявить иск правительству. По мнению адвоката, это составит около пяти тысяч фунтов.

Пол молча выслушал неожиданную новость. Хотя в его нынешнем состоянии перспектива

подобной компенсации не представлялась ему столь уж важной, но так легче было принять пачку банкнот, которую протягивал спутник. Как приятно будет употребить ее на то, о чем говорил Данн. И думая об этом предстоящем удовольствии, Пол радовался еще и тому, что сможет побыть наедине с отцом целый день, до завтрашнего утра, когда должна приехать из Белфаста мать.

— Вы его видели? — после некоторого молчания спросил он.

Данн кивнул.

— Он сейчас в гостинице. С ним один наш сотрудник — Смит.

— Вы все предусмотрели.

— Хотел бы, да не смог, — уклончиво заметил Данн.

Он был очень внимателен к Полу, но несколько резковат. Помолчав немного, он переменял тему разговора.

— Вы давно не видели Лену?

— Давно. — По лицу Пола пробежала тень. — С того вечера, когда она отвезла меня в больницу.

— Значит, вы ничего про нее не знаете, — перебил его Данн. — А пора бы узнать.

И, глядя прямо перед собой, он в нескольких коротких фразах все рассказал Полу, ничего не скрыв от него.

У Пола, потрясенного до глубины души, встал комок в горле. Как же неверно он судил о ней! Вот дурак... Слепец, болван! Перед ним возникло ее лицо — грустное и правдивое.

— Я должен ее увидеть, — сказал он, когда почувствовал наконец, что к нему вернулся голос.

— Она уехала.

— Уехала?

— Бросила работу. — Данн, казалось, получал злобное удовлетворение от своих слов. — И исчезла.

— Но почему?

— Откуда мне знать?

— Но вы хоть знаете, куда она уехала?

— Не знал... Теперь знаю. — Данн искоса взглянул на своего спутника. — Она работает официанткой в дешевеньком ресторанчике в Шеффилде.

— У вас есть ее адрес?

— Если и есть, то не для разглашения.

Данн так это сказал, что продолжать разговор было бесполезно.

Такси обогнуло деловой центр Уортли и, переехав через Ноттингемский, мост, запетляло по

южной окраине города. Многие из этих улиц были знакомы Полу — здесь он бродил в самую тяжкую пору своей жизни, когда она, казалось, не сулила ему ничего, кроме разочарования. Но вот они добрались до района Фейрхолл и остановились у «Виндзора» — облупленного старого здания, с деревянными балконами, несколькими башенками и красной черепичной крышей. Это была своеобразная гостиница дачного типа, построенная с большим размахом лет десять назад, но так и не оправдавшая своего назначения; постепенно она превратилась в своего рода постоялый двор, вполне респектабельный, но почти всегда наполовину пустой и, казалось, засиженный мухами. Пол с Данном прошли через вращающиеся двери, поднялись по устланной зеленым ковром лестнице. Когда они на секунду остановились перед номером люкс на первом этаже, Пол почувствовал, что Данн смотрит на него, словно хочет что-то сказать. Но он уже не мог ждать. Весь дрожа от волнения, он толкнул дверь и вошел.

В гостиной, у столика возле окна, под наблюдением секретаря Мак-Ивоя, расположившегося в сторонке, сидел мужчина лет шестидесяти — массивный, расплывшийся, с могучим торсом и мускулистыми руками — и ел яичницу с ветчиной. Голова его, на ссутулившихся широких плечах, спереди лысая, с торчащими ушами, за которыми виднелась коротко остриженная щетина сальных седых волос, была круглая, как пушечное ядро. Шею, с желтой, точно пергамент, кожей, загрубелой и обвисшей, испещренной голубоватыми точками, перерезали глубокие складки. Лоснящийся коричневый костюм, кое-где лопнувший по швам, старомодный и до нелепости узкий, делал его похожим на бывшего моряка, приодевшегося ради праздника.

Пол остановился с сильно бьющимся сердцем. Незнакомец поднял коротко остриженную голову, сдвинул брови и, продолжая жевать крепкими желтыми зубами, ледяным враждебным взглядом посмотрел на него. С минуту — ох, какая это была томительно долгая минута! — Пол не мог произнести ни слова. Тысячи раз и на тысячу ладов он представлял себе, как они встретятся, как узнают друг друга, кинутся друг другу в объятия, расплачутся, что вполне простительно, — какой бесконечно нежной рисовал он себе встречу с любимым в детстве отцом! Он, бесспорно, понимал, что годы не могли пройти для отца бесследно, но ему и в голову не приходило, что эти перемены могут быть такие страшные. Усилием волн он совладал с собой, подошел и протянул руку. Пальцы, после минутного замешательства ответившие на его пожатие, были толстые и мозолистые, шершавые, как щетка, с потрескавшимися желтыми ногтями.

— Ну, сэр! — воскликнул Данн с наигранным радушием, до того ненатуральным после его недавней сдержанности, что ухо Пола сразу уловило фальшь. — Надеюсь, вы всем довольны?

Мужчина у стола перевел взгляд на Данна. Он ничего не сказал, продолжая жевать с таким мрачно-сосредоточенным видом, словно задался целью извлечь из пищи все, что можно.

Спас положение Данн. Он повернулся к Смит.

— Вы проследили за тем, чтобы все было в порядке, Тед?

— Да, мистер Данн, — ответил Смит.

— Вы не позволили репортерам слишком мучить мистера Мэфри?

— Нет, сэр... Я им роздал подготовленное вами заявление.

— Отлично.

Наступила пауза. Секретарь взял шляпу, лежавшую на полу у его ног.

— Ну-с, — изрек Данн, переступая с ноги на ногу. — Вы давно друг друга не видели. Мы со

Смитом не будем вам мешать. Зайдем завтра. А если что-нибудь понадобится, — позвоните мне.

Волна неподдельного страха нахлынула на Пола. Чего бы он ни дал, чтобы задержать Данна и Смита. Но те явно спешили уйти.

Когда дверь за ними закрылась, он с минуту постоял в нерешительности, затем взял стул и присел к столу. Незнакомец — этот Риз Мэффри, его отец, — продолжал есть, низко пригнувшись к тарелке, проталкивая пищу в рот быстрыми движениями большого пальца и время от времени вопросительно и озадаченно поглядывая на Пола. Одни только глаза и жили на этом лишенном выражения лице. Пол не выдержал. В отчаянии, сбивчиво, с трудом выдавливая из себя слова, он заговорил:

— Я и сказать вам не могу, как я рад... увидеть вас, отец. Это такое счастье! Конечно, после стольких лет... нам обоим трудновато. Вы, наверное, чувствуете себя так же скованно, как и я. Нам столько нужно сказать друг другу, что я просто не знаю, с чего начать. А сколько еще предстоит сделать! Прежде всего необходимо купить вам приличную одежду. Когда вы покончите с завтраком... мы отправимся по магазинам.

Пол умолк, чувствуя, что говорит что-то не то. И когда его собеседник откликнулся, он даже вздрогнул от неожиданности и облегчения.

— А деньжата у тебя есть?

Хотя Пола, как ножом, резанула прямолинейность вопроса, он ответил:

— На первое время хватит.

— Мне ни гроша не удалось вытянуть из этого Данна. — И, как бы размышляя вслух, он добавил: — Но ничего, я свое получу. Я заставлю их за все со мной расплатиться.

Голос у него был грубый и хриплый, словно заржавевшая труба, но куда страшнее были горечь и темная, мрачная злоба, звучавшая в нем. Пол почувствовал, как у него еще сильнее забилося сердце.

— У тебя нет сигареты?

— К сожалению, нет. — Пол покачал головой. — Я бросил курить.

Мэффри испытующе поглядел на сына из-под нависших бровей, придававших его лицу сходство с маской; казалось, он хотел удостовериться, что тот говорит правду. Затем нехотя достал из кармана пачку сигарет, и Пол сразу признал в них те, которые обычно курил Данн. Вытащив одну из них, Мэффри вдруг пригнулся, словно намереваясь укрыться от посторонних глаз, и закурил. Он быстро курил, пряча сигарету в кулаке, глубоко втягивая дым. Глядя на это насупившееся, напряженное лицо, Пол впервые с ужасом заметил его каменную неподвижность. Особенно неприятным был рот под длинной, плохо выбритой верхней губой — тонкий, как лезвие. Ни слова не говоря, Мэффри вдруг потушил сигарету и сунул окуроч в карман.

— Который теперь час?

Пол посмотрел на свои серебряные часы и почувствовал, как тот, другой, впился в них алчным взглядом. Чувства не обманули его, ибо почти тотчас Мэффри заметил:

— А у меня вот нет часов.

Пол немедленно отстегнул цепочку и вручил часы Мэффри.

— Можете пользоваться моими. Пока не купите себе что-нибудь получше.

Ни слова благодарности. Мэфри взвесил на руке часы, раз, другой, затем быстрым, вороватым движением сунул их во внутренний карман.

В эту минуту раздался стук в дверь и вошла горничная, чтобы убрать со стола.

Пол встал. Он понимал, чем объясняется такое поведение отца, и тем не менее на душе у него было тяжело. Еле слышно он предложил:

— Пойдемте... Надо вам кое-что купить.

— Правильно, — сказал Мэфри. — Мне охота принарядиться.

Они вышли на улицу, залитую ярким весенним солнцем, взяли такси и отправились на Леонард-сквер к Дрону — это был один из крупнейших в городе магазинов готового платья. Если Пол надеялся, что поездка может разрядить атмосферу, то его ждало горькое разочарование. По мере того как шли часы, положение становилось все кошмарнее. Прохожие оборачивались на небритого, неопрятного человека — его отца. В магазине грубость Мэфри чуть не довела до слез обслуживавшую их молодую продавщицу. Но хуже всего был дух злобного противоречия, с каким Мэфри выбирал самые нелепые вещи. Он непременно решил купить себе клетчатый костюм, подходящий разве что совсем молодому человеку; рубашку выбрал яркую, из искусственного шелка, галстук — пронзительно желтый, ботинки — коричневые, остроносые. С добрый час он провел в ювелирном отделе, привлеченный ярко блестящими под стеклом украшениями, и только после того как Пол купил ему кольцо с печаткой, согласился оттуда уйти.

Вернулись они в «Виндзор» около шести часов, и Пол, усталый, вконец павший духом, опустился в гостиной в первое попавшееся кресло, Мэфри же, забрав покупки, которые он ревниво не выпускал из рук, направился в спальню. Он отсутствовал минут двадцать. Когда же он появился — на нем было все новое: костюм, часы с цепочкой, кольцо с печаткой, лицо его дышало неприкрытым самодовольством.

— Как видишь, я еще не конченный человек! — воскликнул он. — Им со мной не удалось разделаться. Эх, если бы эти свиньи видели меня сейчас, особенно Хикс. Ну, пошли: кутнем как следует, сходим в театр.

— Но мы ведь только что вернулись, — поспешно возразил Пол. — И ужинать сегодня будем здесь.

Мэфри посмотрел на него, и сухая, как пергамент, кожа на его лбу пошла складками.

— Надо чего-нибудь выпить.

— Конечно, выпьем, — согласился Пол. — Что вы хотите?

— Виски.

Мэфри растянулся на кушетке и развернул вечернюю газету, которую заставил Пола купить, когда они возвращались в гостиницу.

— Тут должна быть моя фотография. Они ведь снимали меня. Я заставлю их за все мне заплатить, что они напечатают.

Он нажал кнопку звонка, и через несколько минут появилась горничная — та самая, которая раньше убирала со стола. Пока Пол заказывал ужин и бутылку виски, Мэфри, развалясь в новом костюме на кушетке, поверх газеты разглядывал горничную. Девушка была высокая, с

грубоватым, скуластым лицом, и такое внимание со стороны человека, о котором все сейчас говорили, заставило ее покраснеть и смущенно хихикнуть.

— А она знает, кто я такой! — хвастливо заявил Мэфри, как только девушка вышла.

Когда принесли ужин, Пол почти не притронулся к нему. Мэфри же, наоборот, ел жадно. Покончив с едой, он откупорил бутылку виски и, перейдя через комнату, уселся в кресло с высокой спинкой, стоявшее у стены. Он сидел выпрямившись, в полном молчании, глядя куда-то в пустоту невидящим, постепенно стекленевшим, жутким взглядом. Время от времени он плескал виски в стакан и губы его шевелились, словно он разговаривал сам с собой. Казалось, он совсем забыл про Пола и, когда горничная вошла, чтобы убрать скатерть, к явному ее разочарованию, не обратил внимания даже на нее.

Молчание становилось все томительнее, и Пол в страхе смотрел на грузную, мрачную фигуру отца. Неужели это тот самый человек, который был таким мягким и элегантным, когда, держа сына за руку, ходил с ним в долину Джесмонд, где они пускали по пруду кораблики, который так старался доставить ему удовольствие — рисовал и вырезал разные фигурки, а в конце недели всегда приносил ему какую-нибудь забавную игрушку, неужели это тот самый человек, все действия которого некогда были пронизаны любовью и лаской! Сколько он, должно быть, претерпел, чтобы так опуститься!

И когда Пол начал перебирать в уме все, через что прошел за эти пятнадцать лет его отец — заключение в крошечной камере, арестантская одежда и отвратительная еда, железная решетка на окнах, долгие часы одиночества в кромешной тьме, крики и стенания страдальцев, неослабный надзор тюремщиков, бесконечная, изнурительная работа, зимой и летом, в снегу и под палящим солнцем, безрадостные дни и бесконечные ночи, в груди его затеплилась искорка жалости. Но неумолимая действительность — вид застывшей фигуры на другом конце комнаты — тотчас загасила эту искру.

Внезапно Мэфри вынул из кармана часы. Долго, с нежностью смотрел на них и наконец сказал:

— Уже девять. Теперь там темно... и все лежат на своих дощатых перинах. Целый день они потели под дождем, надрывались в каменоломне. На ужин им подали водянистый суп... Счастливчик, кому попался в нем кусочек жира... и макароны... макароны, от которых несет мылом. Вечно эти макароны, серые, слипшиеся... От одного их вида все кишки выворачивает. Темно. Только слышно, как он ходит по коридору; вперед — назад, вперед — назад и посматривает в глазок. Может, там сегодня Хикс дежурит... Ну, так они живо узнают, почем фунт лиха, если это он. Хикса все как огня боятся.

У одних болят пальцы, покалеченные в каменоломне, у других содрана кожа и болит спина — там у всех ревматизм от проклятого тумана. Но все это чепуха в сравнении с тем, что творится у них в голове. А думают они о воле... лежат на своих досках и пытаются вспомнить, как там за высокими стенами, вспоминают все хорошее, что было в их жизни, вспоминают о мягкой постели, о бифштексе на обед, о многом, многом другом. Старожилы перестукиваются через стенку, сообщают новости: кому всыпали, кто прибыл, кто выходит. Только большинство никогда не выйдет оттуда, и они это знают. Они там на всю жизнь. Им не на что надеяться... Они заживо погребенные.

Но, может, им сейчас и хуже, может, они вовсе не лежат в своих камерах. Может, они что-то натворили, в чем-то провинились. Тогда они — в карцере: восемь на шесть, глубоко внизу, в подземелье. Там темно, как в могиле. И даже макарон не дают. Хлеб да вода... Черствый хлеб да вода. Повернуться негде: два шага — и ударяешься башкой о цементную стену. Вот тут-то ты и начинаешь думать... кто ты есть... и где ты находишься... и что же ты такое натворил, что очутился здесь. Вот тут-то и говоришь себе, что, если эти стены когда-нибудь

чудом раздвинутся, ты уж с лихвой возьмешь свое... заставишь кого-нибудь заплатить за все, что ты выстрадал... возненавидишь весь этот проклятый мир... будешь хватать все, что ни попадется под руку... если только стены раздвинутся.

И вот они раздвинулись для меня. Теперь ты можешь догадаться, как я намерен себя вести.

Высказав все это, он встал и, не попрощавшись, даже не взглянув на Пола, вышел из комнаты. Слышно было, как он тяжело шагает по коридору, направляясь к себе в номер. Некоторое время царил тишина, затем до слуха Пола донесся приглушенный звонок и вскоре звук более легких шагов по коридору. Пол попытался преодолеть овладевшее им оцепенение, но не мог. Он слушал, слушал, напрягая слух. Шаги не возвращались.

Из груди Пола вырвалось рыдание. Он не смел подойти к двери и проверить свои подозрения, но тут, по ассоциации, в мозгу его возникло воспоминание о том, как отец толкнул его в толпе, когда они выходили из магазина. Пол инстинктивно сунул руку в карман пиджака. То, что оставалось от полученных им денег — около пятнадцати фунтов, — исчезло.

Глава XIV

На следующий день стояла такая же великолепная погода, и при ясном утреннем свете все показалось Полу менее мрачным. Вопреки своим предположениям, он спал хорошо и, проснувшись, почувствовал себя готовым встретить любые трудности. Мать должна была приехать из Белфаста в одиннадцать часов, и, приведя себя в порядок, он подумал, что ее прибытие не может не повлечь за собой существенных изменений к лучшему. В конце концов тюрьма неизбежно должна была сказаться на отце, и только в том состоянии вполне естественного волнения, в каком находился Пол, он мог этого не учесть. Но время, доброе отношение, внимание со стороны семьи должны смягчить, заставить переродиться самого зачерствелого человека.

Пол позавтракал внизу в ресторане, затем прошел по коридору до второго номера и повернул ручку двери. В этот момент в нем снова шевельнулись вчерашние опасения. Дверь легко поддалась, и Пол, облегченно вздохнув, вошел. Мэфри еще спал мертвым сном. Его сальные седые волосы торчали из-под согнутой в локте руки, которой он прикрыл голову, простыни были сбиты и смяты, подушки валялись на полу. С внезапным приливом жалости Пол смотрел на свернувшееся клубком тело отца, такого беззащитного в своем забытии. Он решил не будить его. Вырвав листок из гостиничного блокнота, лежавшего на бюро в углу, он написал: «Ушел встречать поезд. Надеюсь, Вы уже встанете, когда мы приедем. Пол». Он положил листок на самое видное место — на стул, где висела новая одежда. И вышел.

Шагая в город, Пол почувствовал себя лучше и бодрее. Путь его пролегал по берегу канала, где царил большое оживление: у причалов стояла под погрузкой вереница барж и небольшая прогулочная яхта готовилась к отплытию. Когда Пол добрался до вокзала, выяснилось, что экспресс опаздывает: лишь через двадцать пять минут из-за поворота показался паровоз и, пытаясь, остановился у главной платформы. На перрон из первого вагона вышла небольшая группа — мать Пола, Элла и Эммануэл Флеминг.

Пол вздрогнул: он никак не ожидал увидеть пастора и его дочь; он так давно не вспоминал о них, что даже смутился и почувствовал себя неловко. Но размышлять было некогда — они уже увидели его: Флеминг приветственно поднял руку, а Элла замахала белым платочком. Через несколько минут они миновали барьер и сгрудились вокруг Пола, восторженно поздравляя, говоря все сразу, так что ничего нельзя было понять. В глазах матери стояли

слезы, Элла дольше обычного задержала руку Пола, а пастор одобрительно и понимающе улыбался ему.

Они двинулись по улице к автобусной остановке; Флеминг с миссис Бэрджес шли впереди, а Пол — как того, видимо, все хотели — пошел с Эллой. Легкая краска волнения выступила на ее восковом личике, обрамленном короткими, должно быть, только что вымытыми и завитыми волосами. На ней был новый сиренево-серый костюм и скромная серая шляпка, из-под которой радостно блестели глаза. Она тотчас взяла Пола под руку и задушевым тоном заговорила:

— Итак, Пол, мы должны просто на коленях просить у тебя прощения. И, право же, готовы это сделать, если хочешь. Во всяком случае, я готова. — Она игриво посмотрела на него сияющими глазами. — Конечно, мы и представить себе не могли, что так получится, а то повели бы себя иначе. Мы считали, что ты портишь открывающуюся перед тобой неплохую карьеру и ни за что губишь свою жизнь. А поскольку мы тебя любим, это, конечно, было для нас ужасно. Нам казалось, что если мы станем помогать тебе или поощрять тебя, это все равно ни к чему хорошему не приведет. Я уже говорила, что мы и подумать не могли... И вдруг — смотри, что произошло, что ты сотворил, удивительный ты человек! Когда до нас дошла эта вест, я чуть в обморок не упала — от радости, конечно. Я была на кухне — варила какао, когда отец пришел из церкви и сказал мне. Я вынуждена была прилечь. Ах, Пол, дорогой мой, я все это время так скверно себя чувствовала, я чуть с ума не сошла, волнуясь за тебя. Ведь это был такой позор! Но не будем говорить обо мне, хотя я по-своему, втихомолку, тоже немало выстрадала. Будем говорить о тебе, Пол, о тебе — замечательном, необыкновенном человеке. Если б ты почитал белфастские газеты, — а я уверена, что то же самое пишут и здесь, — ты бы узнал, что думают о тебе люди. Твое имя у всех на устах, по всей стране. Не сочти меня вульгарной или падкой до сенсаций — я, конечно, была рада, что нас не встречали фотографы, хотя, по правде сказать, ожидала их увидеть. А как тебе нравится мой новый костюм? Я считаю, что он хоть и весенний, но достаточно строгий и приличествует случаю. Сегодня, Пол, день твоего триумфа, и я хочу, чтобы ты наслаждался им сполна. Помогла тут, конечно, и молитва — мы оба это прекрасно понимаем, а ведь я каждый вечер молилась за тебя перед алтарем.

Во взгляде ее появилась нежность, и, как всегда, говоря о религии, она закатила свои светлые зеленоватые глаза.

— До чего же чудесно, Пол, что мы снова вместе и все еще у нас впереди. Конечно, в своей радости мы не должны забывать и о твоём отце. Бедный, бедный человек! У меня сердце исходит кровью при мысли о нем. Нам трудно даже понять, как такое могло случиться. Но мне кажется, иные испытания ниспосылаются нам свыше, чтобы проверить человека, очистить и укрепить его дух. Я просто не дождусь той минуты, когда увижу твоего отца и смогу выразить ему свое сочувствие. И я хочу заверить тебя, Пол, что если я могу быть чем-то ему полезной, прикажи — я все сделаю.

Еще раз подняв глаза к небу, она умолкла: они как раз подошли к автобусной остановке. Пол прикусил губу, слушая эту тщеславную и пустую болтовню. Какой мелкой и ничтожной была Элла! Неужели он в самом деле так неразрывно связан с нею, как она это изображает? Его удивляло, что он когда-то мог ею увлечься, — видимо, он очень изменился с тех пор! Он вспомнил о Лене, и сердце у него сжалось. Когда они все вчетвером уселись на верхнем этаже автобуса, Пол решил, что надо рассказать им о перемене, совершившейся с Мэффри. Пастор, более сдержанный, чем обычно, смотрел в окно, словно обсуждая сам с собой какой-то вопрос; он слегка нахмурился, когда Элла снова принялась болтать. Казалось, только у него и были какие-то опасения, тогда как обе женщины явно ничего не подозревали — ведь еще недавно ничего не подозревал и сам Пол. Его долг — предупредить их. И тем не менее, пока автобус мчался вперед, с каждой минутой приближая их к гостинице, Пол упорно молчал. Бездушные восторги Эллы, даже взволнованное нетерпение, с каким ждала встречи

с мужем его мать, тоже надевшая — не без перезрелого кокетства — свое лучшее платье, почему-то вызывали у него озлобление, побуждали встать не на их сторону, а на сторону отупевшего, озверелого человека, который ждал их. Нет, пусть сами все узнают.

У «Виндзора» они вышли из автобуса, и Пол, не говоря ни слова, повел их наверх, где со слегка иронической усмешкой распахнул дверь в гостиную и пропустил их вперед.

Мэфри уже покончил с завтраком и курил сигарету. Он сидел за столом, все еще уставленным грязными тарелками, в одних брюках, без пиджака; рубашка на груди у него была распахнута, новые коричневые ботинки не зашнурованы. С застывшим, ничего не выражающим лицом он медленно повернулся к вошедшим. Глядя на них в упор, он поднес ко рту чашку и проглотил гущу; кадык на его морщинистой, обветренной, как у матроса, шее при этом опустился и вернулся на прежнее место. Затем он поставил чашку и, обращаясь к Полу — единственному человеку, которого он признавал и с присутствием которого мирился, спросил:

— Чего им надо?

Пол постарался ответить так, чтобы не вызвать вспышки гнева:

— Видите ли, отец... они хотят побыть с вами.

— А я не хочу быть с ними. Ты хоть сделал для меня что-то. А они ничего не сделали. Сколько лет я там гнил — они и не почесались. А сейчас, когда я вышел, приползли лизать мне сапоги: авось, что-нибудь и им обломится.

Пастор шагнул вперед. Хоть он и побледнел, но казался меньше других ошеломленным этой встречей; быть может, подумал Пол, он ничего другого и не ожидал. Тихим, вкрадчивым голосом пастор сказал:

— Вы правы, упрекая нас. И нам остается лишь уповать на ваше великодушие и умолять о прощении.

Мэфри бросил грозный взгляд на Флеминга.

— А вы не изменились... Я ведь хорошо вас помню. И не желаю слушать вашу слащавую болтовню. Достаточно наслушался в свое время. Простить вас! — Его потрескавшиеся губы раздвинула усмешка, скорее похожая на гримасу. — Был у нас там один тюремщик по фамилии Хикс. Однажды мы работали в каменоломне. Это был мой первый месяц в тюрьме. Работать я не умел и буквально погибал от непосильного труда. Но Хикс был рядом, он ни на шаг от меня не отходил и подгонял, подгонял. Пот заливал мне глаза. Я почти ничего не видел. Взмахнул кайлом, а оно скользнуло по граниту и угодило Хиксу по сапогу. Самого-то Хикса даже не поцарапало, только сапог разрезало. Вы думаете, он мне это спустил? Он клялся и божился, что я хотел убить его. Поташил меня к начальнику. Но и этого ему показалось мало. Он преследовал, ругал меня, плевал мне в лицо, сажал в карцер, следил за каждым моим шагом, пятнадцать лет делал все, чтобы превратить мою жизнь в пытку. А вы тут толкуете о прощении.

— Я знаю, что вы много страдали, — промямлил Флеминг. — Ужасно страдали. Тем естественнее наше желание помочь вам найти себя, обрести покой в лоне своей семьи.

— У меня на этот счет другие планы. — Лицо Мэфри сделалось сосредоточенным и упорным, как в магазине, когда они с Полом выбирали ему костюм. — Я еще не конченный человек. И собираюсь пожить в свое удовольствие.

— Каким образом?

— Погодите — и увидите, вы, блеющий лицемер. Там надо мною вволю натешились. Теперь настал мой черед.

Флеминг смешался и бросил беспомощный взгляд на мать Пола, которая в изумлении, приоткрыв рот, не сводила глаз с Мэфри. До сих пор она еще не произнесла ни слова. Но сейчас под напором дотоле неведомых чувств, а может быть, повинувшись голосу далекого прошлого, жалобно вскрикнула и протянула к Мэфри руки.

— Риз... Давай начнем все сначала.

Он так на нее посмотрел, что она сразу осеклась.

— Нечего ко мне приставать. — Он хватил по столу кулаком. — Между нами все кончено. Мне нужна жена молодая, горячая. — И он окинул взглядом вспыхнувшую Эллу, затем снова посмотрел на жену; губы его скривились в горестной усмешке. — Ты мне всю жизнь отравляла своим хныканьем да уговорами идти в церковь, когда мне хотелось выпить кружку пива с приятелями. Да если бы из всех баб ты одна на земле осталась, я б и то на тебя не позарился.

Она присела на стул, глубоко уязвленная, обливаясь слезами. Элла подбежала, опустилась рядом с ней на колени и в знак сочувствия тоже принялась всхлипывать. Мистер Флеминг стоял молча, уставившись глазами в ковер. Пол взглянул на согбенную фигуру матери. Но не сделал ни шагу к ней — казалось, он и сейчас больше сочувствовал отцу.

Мэфри еще некоторое время неподвижно сидел у стола, нахмурившись, опустив глаза, словно что-то обдумывал. Затем тяжело поднялся и пошел к двери. Однако прежде чем выйти, оглядел присутствующих своими бесцветными глазами.

— Вот дерануть бы вас раз восемь «кошкой», — буркнул он, — то-то вы распустили бы нюни. Я-то знаю, каково это.

И он хлопнул дверью. В комнате раздались рыдания. Флеминг подошел к окну и с мрачным видом посмотрел на улицу.

— О Господи, Господи... — простонала мать Пола. — Лучше бы мне умереть...

Элла плакала в испуге:

— Я ничего не понимаю, я ничего не понимаю... Я думала, все будет хорошо, как писали в газетах. Я хочу домой.

Мать Пола всхлипнула:

— Не надо было нам приезжать сюда, уедем, сейчас же уедем...

Пастор Флеминг медленно отвернулся от окна.

— Нет, — сказал он приглушенным, но твердым голосом. — Мы должны остаться и посмотреть, что будет дальше. Один раз мы отвернулись от него. Но больше нам так поступать нельзя. Может быть, еще не поздно. И если мы будем надеяться и молиться, возможно, он будет спасен.

Глава XV

В понедельник, двадцать пятого марта, к десяти часам утра, — а утро было теплое и влажное, — уортлийский суд присяжных был набит до отказа, люди стояли даже на улице. Все места на галерке для публики были заняты, люди толпились на ступеньках, в проходах, их возбужденные лица ряд за рядом уходили ввысь, под самую крышу. Не меньше народу было и внизу. Целая армада корреспондентов уже трудилась, вооружившись перьями, склонившись над блокнотами. Первые ряды на галерее заполняла уортлийская знать и всякого рода знаменитости. Среди них — лорд Омэн и сэр Мэтью Спротт. Генеральный прокурор со своим помощником и другие лица, представляющие обвинение, расположились слева от судьи, напротив сидел адвокат апеллянта мистер Найгел Грэхем, а также его помощник и стряпчий, подготавливавший дело. Пол и его мать, Элла и пастор Флеминг, Данн, Мак-Ивой и кое-кто из их друзей заняли места в переднем ряду галереи для публики, а рядом со своим адвокатом — на этом, вопреки советам доброжелателей, он настоял — на виду у всех сидел, покусывая губу и хмуро посматривая вокруг, бывший каторжник, прошедший пятнадцать лет в Каменной Степи, — Риз Мэфри.

Внезапно раздался зычный возглас: «Тихо! Суд идет!» Гул разговоров в зале стих. Когда воцарилась полная тишина, распахнулись двери и в зал вошел председательствующий, судья Фрейм в сопровождении апелляционного судьи, оба торжественные и внушительные, в длинных развевающихся мантиях. Все встали. Среди полной тишины судьи заняли свои места. Затем, шурша одеждой, сели все остальные. Раздался голос:

— Слушается дело Риза Мэфри.

Сдавленный со всех сторон, Пол напрягся, точно струна, и судорожно глотнул воздух. День за днем, живя только нервами, он следил за кропотливой подготовкой Найгела Грэхема к процессу. И сейчас ему с трудом верилось, что разбор дела начался. Вот поднялся Грэхем, и перед глазами у Пола поплыл туман. Высокий, прямой, спокойный, держась — сообразно традиции — одной рукой за отворот мантии, молодой адвокат повернулся к судьям. Тон у него был непринужденный, лишенный какой бы то ни было риторики, манеры свободные.

— Милостивые государи, пятнадцатого декабря тысяча девятьсот двадцать первого года Риз Мэфри, подавший сейчас апелляцию, предстал перед уортлийским судом присяжных по обвинению в том, что восьмого сентября тысяча девятьсот двадцать первого года в городе Уортли им была убита Мона Спэрлинг. Хотя ваш апеллянт заявил, что он не виновен, слушание дела под председательством судьи Омэна продолжалось, и двадцать третьего декабря тысяча девятьсот двадцать первого года ваш апеллянт был приговорен к смертной казни. Позже министр внутренних дел заменил смертную казнь пожизненным тюремным заключением, и Мэфри был препровожден в тюрьму его величества в Каменной Степи, где и пробыл пятнадцать лет. Министр внутренних дел в соответствии с полномочиями, данными ему королем, созвал настоящий суд для расследования обстоятельств, приведших к обвинению апеллянта, и, принимая во внимание некоторые факты, дал указание вести процесс в открытом судебном заседании. Я выступаю от имени апеллянта и намерен доказать, что он не виновен в возведенном на него обвинении, что, следовательно, приговор ему был вынесен ошибочно и несправедливо и явился серьезным нарушением норм правосудия.

Пол исподтишка поглядел на трех вершителей закона, сидевших так близко, что ему достаточно было слегка податься вперед, чтобы дотронуться до каждого из них вытянутой рукой. Начальник полиции Дейл восседал с невозмутимо-бесстрастным видом; на лице Омэна читалась высокомерная скука; Спротт сидел слегка развалившись, красный, храня, однако, наигранно безразличную мину. С этой троицы Пол перевел взгляд на одинокую нескладную фигуру отца, которому вновь предстояло пройти через все муки судебного процесса, и сердце его забило с такою силой, что ему стало больно дышать. Но сейчас отец, по крайней мере, будет отомщен, и, боясь утратить присутствие духа, Пол поспешно отвел от него глаза.

После вступительного слова Грэхем сделал паузу и пристально посмотрел на судей. А затем все так же спокойно продолжал:

— Милостивые государи, год тому назад дело Риза Мэфри лежало погребенным в пыльных архивах министерства внутренних дел. Пятнадцать лет никто о нем не вспоминал, осужденный отбывал свое пожизненное, я бы сказал — посмертное, заключение в тюрьме его величества. Словом, все обстояло прекрасно.

Затем, по чистой случайности, сын осужденного, понятия не имевший о случившемся, вдруг обнаружил, что на его отце лежит страшное темное пятно, в известной мере бросающее тень и на него. Молодой человек, потрясенный до глубины души, склонился перед законом и, содрогаясь от ужаса, признал позорный факт, что его отец — убийца. Однако, движимый любовью и состраданием, он стал доискиваться правды, желая узнать, какие страшные обстоятельства привели его отца к преступлению. Потратив на это несколько месяцев, в течение которых он вынес немало страданий и наткнулся на отчаянное противодействие, он шаг за шагом раскрыл все подробности забытого дела. Благодаря усилиям этого молодого человека, а также результатам, к которым они привели, мы, милостивые государи, и собрались здесь.

Слова Грэхема, его спокойные простые манеры произвели сенсацию. Пол сидел, не поднимая глаз. Чувствуя, как все внутри у него дрожит от напряжения, он слушал Грэхема, а тот, помолчав немного, продолжал речь и, время от времени заглядывая в свои записи, изложил и проанализировал обстоятельства, предшествовавшие задержанию обвиняемого, рассказал, как протекал суд и какой приговор был вынесен Ризу Мэфри в декабре тысяча девятьсот двадцать первого года. Пол, прекрасно знавший эти давно забытые факты, вновь ощутил волнение и жалость, слушая, как Грэхем пункт за пунктом, спокойно, в логичной последовательности излагал обстоятельства дела, которые привели к осуждению его отца.

Эта блестящая речь длилась — с перерывом на обед — почти три часа. Окончив ее и решив воспользоваться произведенным эффектом, Грэхем не стал садиться. Не выказывая ни малейшей усталости, с присущим ему достоинством и скромностью, он поклонился судьям, давая понять, что хочет приступить к допросу свидетелей.

— Милостивые государи, — сказал он. — Я предлагаю прежде всего вызвать для показаний самого апеллянта. На суде из-за беспрецедентного поведения прокурора, действовавшего на психику обвиняемого, Риз Мэфри не имел возможности в полной мере защитить себя. А теперь вы услышите, что он ничего не знал об убийстве, и его показания внесут ясность во все вопросы, связанные с обвинением.

Генеральный прокурор вскочил в знак протеста. Пока Грэхем произносил речь, он все время нервничал и беспомощно ерзал на стуле. Сейчас же он воскликнул:

— Милостивые государи! Я стремлюсь, больше того — жажду содействовать законному расследованию апелляции. Но мы не должны заново разбирать дело. Я решительно протестую против того, чтобы обвиняемому разрешено было давать показания.

Гул возбуждения прокатился по залу. Пол увидел, как отец выпрямился и обратил посеревшее, напряженное лицо к Грэхему. Господа судьи, низко пригнувшись друг к другу, совещались. Наконец председательствующий Фрейм объявил их решение:

— Настоящий суд созван для того, чтобы расследовать любые новые факты, которые могут повлиять на ранее вынесенный приговор. Не нужно, да и нежелательно, слушать самого обвиняемого. Факты, фигурировавшие на предыдущем суде, нам досконально известны. Достоверность же показаний обвиняемого была установлена судом присяжных. И мы призваны сейчас не решать вопрос о том, насколько правильным было вынесенное им решение, а установить, существуют ли дополнительные данные, которые могут повлиять в ту

или иную сторону на это решение. Эти-то дополнительные данные, которые могут повлиять в ту или иную сторону на это решение, вы, мистер Грэхем, и должны представить на наше рассмотрение.

Подавшись вперед и все больше волнуясь, вслушивался Мэфри в слова судьи. Сейчас он вдруг вскочил, дрожа всем телом. К ужасу Пола, Мэфри погрозил кулаком судьям и, перекрывая поднявшийся шум, грубым, хриплым голосом закричал:

— Неправильно это! Дайте мне слово. Я много чего расскажу. И я хочу, чтоб все это слышали. Как со мной расправились! Как пятнадцать лет меня морили в тюрьме! — Голос его поднялся до визга. — Вы не можете заткнуть мне глотку... как это сделали они тогда. Я требую, чтоб меня выслушали. Я требую справедливости... справедливости!

Грэхему и нескольким приставам с трудом удалось усадить отчаянно жестикулировавшего Мэфри. Несколько минут в зале стоял страшный шум, затем все как будто почувствовали себя неловко и воцарилась тишина. Придя в себя, Пол заметил, что сидевшие рядом с ним Элла и мать плачут. Чуть подальше Данн и Мак-Ивой встревоженно поглядывали друг на друга. Спротт и Дейл, впервые за этот день проявившие какие-то чувства, явно ликовали.

Судья Фрейм, сурово нахмутив брови, обратился к Мэфри:

— Мы готовы проявить снисходительность. Но я должен предупредить апелланта, что подобные выходки не могут повлечь за собой благоприятного отношения суда к его делу. Более того, я должен предупредить апелланта, что если это повторится, ему будет предъявлено обвинение в неуважении к суду.

— Милостивые государи, — поспешил вмешаться Грэхем, уже севший на свое место, — от имени апелланта я приношу искренние извинения суду за эту прискорбную, но, пожалуй, объяснимую выходку. А теперь, с вашего разрешения, я вызову первого свидетеля защиты — известного эксперта министерства внутренних дел сэра Малкольма Гаррисона.

Генеральный прокурор снова вскочил на ноги.

— Милостивые государи, я возражаю. Мы можем выслушать мнение эксперта лишь в том случае, если он сообщит нам какие-то новые факты.

Судья Фрейм склонил голову в знак согласия.

— Какие основания имеются у мистера Грэхема для вызова свидетелем сэра Малкольма Гаррисона?

— Милостивые государи, — отвечал Грэхем, — как вам известно, сэр Малкольм является крупнейшим нашим криминалистом. К нему в свое время поступило описание ран, нанесенных убитой. Он видел снимки трупа, сделанные на месте преступления, а также бритву, которая, по утверждению прокурора, была орудием преступления, и категорически заявляет, что этот инструмент не имел ни малейшего отношения к убийству.

Судья Фрейм нахмурился и посоветовался с коллегами. Через несколько минут он из-под нависших бровей снова взглянул на Грэхема.

— Вы, мистер Грэхем, по-прежнему неправильно толкуете нашу задачу. Мы собрались здесь не для того, чтобы заново рассматривать дело, в каком случае были бы уместны показания экспертов. Мы собрались для того, чтобы выслушать и изучить новые факты, которые вы можете нам представить и которые могут в ту или иную сторону повлиять на ранее принятое решение. Нет такого дела на свете, когда бы защита по окончании судебного разбирательства не могла для подтверждения своей правоты привлечь новых и новых

экспертов. Но ведь это не новые доказательства, а лишь новые предположения.

Пола бросало в жар и в холод от возмущения. Неужели им на каждом шагу будут чинить препятствия? Но Найгел Грэхем поклонился, спокойно соглашаясь с решением суда.

— Милостивые государи, я вижу, вы решили елико возможно ограничить число свидетелей, а потому я вызову лишь пять человек, против которых вам нечего будет возразить. Теперь по поводу тех, кто видел тело. Хочу напомнить вам, милостивые государи, — и это вы можете проверить по досье, — что доктор Тьюк, видевший убитую женщину сразу после смерти, не был вызван в суд в качестве свидетеля. Милостивые государи, из всей вашей практики вы не сможете назвать ни одного случая, когда бы врач, первым обследовавший труп, не был вызван в качестве свидетеля. Почему же в данном деле был оставлен без внимания этот важнейший свидетель? Доктора Тьюка уже нет в живых, но здесь присутствует его вдова, готовая ответить на этот весьма существенный вопрос.

Волнение прошло по залу при этих словах. Минуту спустя на возвышение для свидетелей вошла степенная пожилая женщина в черном; ее простое, изборожденное морщинами лицо дышало честностью и порядочностью. Она вдумчиво произнесла слова присяги, затем повернулась к Грэхему, который непринужденным тоном начал допрос:

— Вы — вдова доктора Тьюка, скончавшегося в тысяча девятьсот тридцать третьем году? Правда ли, что ваш муж в течение нескольких лет практиковал в Уортли, в районе Элдон?

— Совершенно верно, сэр.

— Вам известно, что ваш муж был вызван на квартиру мисс Спэрлинг в тот вечер, когда было совершено убийство?

— Да.

— Он говорил вам что-нибудь об этом?

— О да, это была страшная история, и мы не раз с ним о ней толковали.

— Выражал ли когда-нибудь ваш супруг удивление по поводу того, что не был вызван в суд в качестве свидетеля?

— Да. Он говорил, что это очень странно. Он говорил... — Она умолкла, бросив боязливый взгляд в сторону судей.

— Не бойтесь, миссис Тьюк. Ведь суд затем и собрался, чтобы выслушать ваши показания. Так что же говорил ваш муж?

— Он говорил, что власти пренебрегают его мнением.

По залу снова прокатился гул, и взоры присутствующих впервые обратились на сэра Мэтью Спротта. И хотя Пол давно все это знал, его снова захлестнуло волнение.

— Расскажите нам, миссис Тьюк, — продолжал Грэхем, — какие предположения высказывал ваш муж во время ваших бесед с ним на эту тему.

Наступила пауза. Свидетельница отпила воды из стоявшего перед ней стакана.

— Понимаете ли, сэр, — начала она, — доктор Тьюк все время считал, что орудием убийства была не бритва, а более заостренный и отточенный инструмент, нечто вроде хирургического скальпеля.

— На основании чего он пришел к такому выводу?

— На основании тщательного изучения ран. Видите ли, сэр, с правой стороны шеи была глубокая рана, а дальше — до левого уха — шел длинный разрез.

— Следовательно, доктор считал, что каким-то острым инструментом была сначала нанесена глубокая рана и повреждены шейные сосуды, а уж потом был сделан разрез?

— Да, сэр.

— Ну а с помощью бритвы, лезвие которой заканчивается тупым закруглением, это невозможно проделать?

— Именно так он и говорил, сэр. Кроме того, он считал, что убийство было совершено человеком очень сильным и порывистым. А судя по местонахождению ран и по тому, как был обрызган кровью ковер возле тела, он считал, — да не только считал, а был совершенно уверен, — что раны нанесены левшой.

— Левшой, — повторил Грэхем, сделав особое ударение на этом слове, и сурово посмотрел на свидетельницу. — Вы ясно и четко помните эти его слова?

— Вполне ясно. — Губы вдовы слегка дрогнули. И с трогательным достоинством она продолжала: — Доктор Тьюк был мне хорошим мужем, сэр. И я чту его память. Неужели, вы думаете, я стану приписывать ему слова, в которых я не уверена?

— Нет, я этого не думаю. Я просто хотел, чтобы и суду было ясно, насколько вы убеждены в достоверности своего показания.

Словно почувствовав вызов в этих словах, а также во взгляде, который бросал на него Грэхем, генеральный прокурор раздраженно заявил:

— Я не понимаю, какой смысл так долго допрашивать эту свидетельницу. У меня лично вопросов к ней пока нет.

— В таком случае вы свободны, миссис Тьюк. Очень вам благодарен. А теперь я попрошу следующего свидетеля защиты.

По знаку мистера Грэхема старушка сошла с возвышения, и на него поднялся профессор Валентайн.

Это был низенький нагловатый человек лет пятидесяти в слегка поношенном фраке с атласными лацканами, в высоком белом воротничке и черном галстуке. У него было бледное, болезненное лицо, высокий лоб и копна черных волос, которые он носил очень длинными, что придавало ему сходство с второразрядным импресарио. После присяги он встал в позу — одна рука на бедре, другая на пюпитре, откинул голову и, казалось, приготовился ко всякого рода неожиданностям.

— Мистер Валентайн, — мягко начал Грэхем, — насколько мне известно, вы разбираетесь в почерках?

— Я дипломированный профессор графологии, — с достоинством заявил Валентайн. — И вообще, думается, смело могу сказать, что я широко известен как эксперт.

— Прекрасно. Помнится, вы заявили на суде, что записка, в которой покойной назначалось свидание и которая была найдена у нее на квартире, была написана Ризом Мэффри?

— Да, сэр... Я был специально вызван для этой цели прокурором.

— Я убежден, что вы полностью отдавали себе отчет в весомости и важности вашего мнения и, очевидно, были абсолютно уверены в том, что оно правильно?

— Да, сэр. У меня большой опыт в установлении подлинности серьезнейших государственных и частных документов.

— В таком случае, может быть, вы сообщите нам, мистер... прошу прощения: профессор Валентайн, как вы пришли к такой уверенности?

— Путем рассмотрения указанного документа сквозь лупу, сэр, и заснятия на пленку с последующим увеличением элементов каллиграфии, которые я сравнил с почерком арестованного на открытке, по собственному его признанию написанной им. Мои познания в этой области позволили мне в результате произведенных исследований прийти к твердому убеждению, что записка была также написана Мэффри, но только измененным почерком.

— Что значит — измененным почерком?

— Он его изменил очень простым и распространенным способом, а именно: держа перо в левой руке.

— Вот как! Значит, записка, в которой назначалось свидание, была написана левой рукой?

— Несомненно. И написана заключенным Мэффри.

— И написана Мэффри. — Грэхем мягко улыбнулся. — Такая убежденность весьма успокоительна. Я недостаточно подготовлен, профессор, чтобы постичь тайны вашего искусства. Однако крупные авторитеты в этой области утверждают, что не всегда можно безоговорочно доверять доказательствам, основанным на дедукции и теоретических выкладках. Вы, возможно, слышали о деле Адольфа Бека?

Профессор надменно промолчал.

— На этом процессе, профессор, довольно известный эксперт по почерку под присягой показал, что определенные письма были написаны человеком по фамилии Адольф Бек, и на основании этих показаний Бек был приговорен к пяти годам каторжных работ. А после того как Бек полностью отбыл свой срок, со всю очевидностью было установлено, что он не писал этих писем, что он совершенно невиновен и что эксперт-графолог совершил страшную ошибку, из-за которой ни в чем не половинный человек был обречен пять лет выносить жесточайшие страдания.

Валентайн с оскорбленным видом отбросил назад волосы.

— Я не имел никакого отношения к делу Бека.

— Конечно, нет, профессор. Вы имели отношение к делу Мэффри, а как раз это дело нас сейчас и интересует. Итак, ваша экспертиза устанавливает три положения: во-первых, что записка была написана левой рукой; во-вторых, что почерк был изменен; в-третьих, что ее написал Мэффри. Не можете ли вы сказать нам, какие из этих трех положений основаны на фактах, а какие — на умозаключениях?

Профессор сейчас, казалось, утратил все свое самообладание.

— Даже новичок, сэр, — раздраженно отвечал он, — может по наклону и конфигурации букв сказать, что записка написана измененным почерком и левой рукой. Третье положение требует, однако, больших технических познаний в этой области... можно даже сказать: интуиции... наличия своеобразного шестого чувства, которое позволяет эксперту опознать тот или иной почерк среди многих других.

— Благодарю вас, профессор, — спокойно сказал Грэхем. — Именно это я и хотел узнать. Короче говоря, знания позволяют вам утверждать, что записка была написана измененным почерком и левой рукой. А интуиция говорит вам, что ее написал Мэффри. Только и всего.

Профессор, донельзя взбешенный, открыл было рот, намереваясь что-то сказать. Но счел за благо промолчать. Он спустился с возвышения, и мистер Грэхем обратился к судьям:

— Милостивые государи, с вашего разрешения я вызываю доктора Добсона, полицейского хирурга.

И снова генеральный прокурор, несмотря на свой внушительный вес, стремительно вскочил на ноги.

— Милостивые государи, я протестую. Мы собрались не для того, чтобы пересматривать дело. Полицейский хирург был выслушан на первом суде. Вторичный опрос свидетеля недопустим!

— Если, как вы сами сказали, — спокойно перебил его Грэхем, — свидетель не может сообщить нам новых фактов.

Наступила минута напряженного молчания — две воли схлестнулись в единоборстве, которое нарушил голос судьи Фрейма:

— А вы для этого желаете вызвать хирурга?

— Да, если позволит ваша светлость.

Судья кивнул, и через переполненный зал стал быстро пробираться живой темноволосый атлетического сложения человек в синем костюме, с приятным мужественным лицом; спокойно, словно это было для него привычным занятием, он поднялся на свидетельское возвышение.

— Доктор Добсон, — начал Грэхем, пуская в ход все свое обаяние, — вы слышали здесь об умозаклучениях, к которым пришел доктор Тьюк касательно ран, нанесенных покойной. Его вдова очень четко и ясно изложила их суду. Что вы об этом думаете?

— Ерунда.

Он произнес это без тени презрения, с обезоруживающей улыбкой, и на галерее захихикали. Хотя смех тотчас утих, Мэффри стиснул зубы и злобно посмотрел на весельчаков.

— Ерунда, доктор? Не слишком ли это сильное выражение?

— Вы спросили, что я об этом думаю. Я ответил.

Пол затаил дыхание. Вызов полицейского хирурга казался ему бессмыслицей: едва ли Грэхему удастся чего-нибудь добиться от этого самоуверенного, твердо стоящего на своем свидетеля. Но молодой адвокат, нимало не горячась и не смущаясь, продолжал:

— По-видимому, вы вообще против теоретизирования.

— Если я вижу женщину, у которой перерезано горло так, что голова почти отделена от тела, я не нахожу нужным пускаться в теоретические изыскания.

— Ясно. Вы просто приходите к выводу, что орудием убийства была бритва.

— Я ни разу не упомянул о бритве.

— Но решающую роль в обвинении сыграла бритва, как орудие убийства.

— Это уж меня не касается.

— Вернемся в таком случае к тому, что вас касается. Отбросив в сторону всякие теории, к какому выводу вы пришли касательно орудия, которым было совершено убийство?

— Я пришел к выводу, что раны были нанесены чрезвычайно острым орудием.

Хирург начал злиться, что было вполне понятно, хотя и напрасно. Грэхем слегка улыбнулся.

— Следовательно, как и утверждал доктор Тьюк, убийца вполне мог воспользоваться тонким острым инструментом, вроде, скажем, скальпеля.

На лице врача отразилась борьба между честностью и досадой.

— Да, — произнес он наконец, — думаю, что мог. При условии, что он обладал кое-какими познаниями в анатомии.

— Кое-какими познаниями в анатомии, — многозначительно, хотя и спокойно, повторил Грэхем. — Благодарю вас, доктор... Очень вам благодарен. Но пойдём дальше: ведь это вы вскрывали убитую?

— Разумеется, я.

— Вы обнаружили, что она была беременна?

— Я указал это в моем отчете.

— А срок беременности вы указали?

— Конечно, — раздраженно ответил полицейский хирург. — Уж не намекаете ли вы, что я нерадиво отнесся к своим обязанностям?

— Отнюдь нет, доктор. Сколько бы мы ни расходились в вопросе о метафизике, я убежден в вашей абсолютной порядочности. Какой же был срок беременности у жертвы?

— Три месяца.

— Вы в этом уверены?

— Так же уверен, как в том, что я стою на этом возвышении. Я указал в своем отчете, что у нее была трехмесячная беременность... Может быть, на день или два больше.

— И ваш отчет был направлен прокурору?

— Безусловно.

— Благодарю вас, доктор. Это все. — Грэхем с приятной улыбкой отпустил Добсона, затем повернулся к судьям. — Милостивые государи, с вашего позволения, я вызову четвертого свидетеля.

На возвышение поднялся тощий человек, с узким длинным лицом, лысый, преждевременно состарившийся, в чересчур широком для его иссохшей фигуры клетчатом костюме.

— Ваши имя и фамилия?

— Гарри Рокка.

— Чем занимаетесь?

— Работаю конюхом... на Ноттингемских бегах.

— Это вы пятнадцать лет тому назад сообщили полиции о том, что Мэффри с вашей помощью пытался установить ложное алиби?

— Да.

— Вы хорошо знали Мэффри?

— Мы нередко вместе проводили свободное время.

— А где вы с ним познакомились?

— У кассы тотализатора на Шервудовских скачках... примерно в январе двадцать первого года.

— А позднее вы познакомили его с этой Спэрлинг?

— Совершенно верно, сэр.

— Можете ли припомнить точно, когда именно состоялось это знакомство?

— Прекрасно помню. Это было в тот день, когда в Кэттерике происходил большой июльский гандикап. Я помню это совершенно точно, потому что выиграл тогда пять фунтов на победителя... а победителем в забеге вышел Уорминстер.

— Значит, знакомство произошло на июльском гандикапе?

— Да, сэр. На забеге четырнадцатого июля.

— А вы сообщили полиции о том, какого числа состоялось это знакомство?

Наступила пауза. Рокка опустил голову.

— Не помню.

— В свете медицинских показаний эта дата, указывающая, что Мэффри был знаком со Спэрлинг всего семь недель, была чрезвычайно важна. Неужели вас об этом не спрашивали?

— Не помню.

— Попробуйте вспомнить.

— Нет. — Рокка упрямо покачал головой. — Не помню. Они этим не интересовались... видимо, не считали важным.

— Ясно. Не считали важным, что наиболее темное пятно на репутации обвиняемого, наиболее опорочивающий его факт вообще не имел места. Благодарю вас. Это все.

Рокка сошел с возвышения, и Грэхем бросил простодушный взгляд на судей.

— Милостивые государи, следующий свидетель защиты — Луиза Бэрт.

Судьи разрешили вызвать свидетельницу, один из служителей вышел в комнату для ожидания и минуту спустя вернулся с Бэрт.

Она вошла с довольно развязным видом — лишь в глазах притаилось смущение, поднялась на свидетельское место, приосанилась и с наигранным безразличием, так хорошо знакомым Полу, оглядела зал. Она не заметила его и ни разу не посмотрела в сторону Мэффри, тогда как тот сразу устремил на нее горящий ненавистью взгляд.

— Вас зовут Луиза Бэрт? — самым любезным тоном спросил ее Грэхем, как только она приняла присягу.

— Да, сэр. Во всяком случае, так меня звали. — Она намеренно сделала паузу. — Вам, конечно, известно, что я недавно вышла замуж.

— Разрешите вас поздравить. Мы вам весьма обязаны за то, что вы явились по нашему зову, тем более в первые дни брака.

— Должна сказать, мы очень удивились, когда нас задержали на пароходе. Но я с полным моим удовольствием готова помочь вам, сэр.

— Благодарю вас. Могу вас заверить, что лишь серьезные причины заставили суд вызвать вас. Вы, конечно, понимаете, что показания, которые вы давали на суде пятнадцать лет назад, имели первостепенное значение и сыграли, по всей вероятности, главную роль в обвинении заключенного.

— Я, сэр, сделала все, что могла, — скромно ответила Бэрт.

— Итак, насколько мне известно, в тот вечер, когда было совершено убийство, погода стояла пасмурная и шел дождь.

— Да, сэр. Я помню все так ясно, точно это было вчера.

— И человек, появившийся из дома номер пятьдесят два на Эшоу-террейс, бежал очень быстро.

— Совершенно верно, сэр.

— Так быстро, что буквально вихрем промчался мимо вас.

— Должно быть, так, сэр, — нерешительно произнесла Бэрт.

— И тем не менее вы успели совершенно отчетливо и ясно, разглядеть этого человека. Вы заявили, что на нем был серый макинтош, клетчатая кепка и коричневые ботинки. Теперь расскажите нам, пожалуйста, как это в одно мгновение, да еще в темноте, вы сумели настолько хорошо его разглядеть?

— Видите ли, сэр, — уверенно отвечала Бэрт, — он пробежал под фонарем. И свет падал прямо на него.

— И это было без двадцати восемь.

— Совершенно верно, сэр. Я вышла со своим приятелем из прачечной в половине восьмого, а до дома номер пятьдесят два оттуда меньше десяти минут ходу.

— Значит, вы совершенно уверены в том, что это было именно без двадцати восемь?

— Могу подтвердить это под присягой, сэр. Да я ведь уже приняла присягу.

— В таком случае, как же вы могли видеть бежавшего при свете фонаря? Согласно постановлению муниципалитета от тысяча девятьсот двадцать первого года уличное освещение включается только после восьми часов вечера.

Впервые Бэрт была сбита с толку; она исподтишка метнула взгляд на Дейла, который сидел, намеренно отвернувшись от места для свидетелей.

— Фонарь, по-моему, горел, сэр, — наконец выдавила из себя Бэрт. — Уж больно хорошо я все помню. Мне это прямо врезалось в память.

— Тогда почему же эта врезавшаяся в память картина так существенно отличается от тех показаний, которые вы в конце концов подписали после многочисленных допросов в полицейском участке?

Бэрт молчала понурившись.

— А может быть, кто-нибудь из сильных мира сего подсказал вам, что нужно говорить?

— Протестую, милостивые государи, — выкрикнул генеральный прокурор, — против таких ничем не оправданных и непростительных намеков!

— Хорошо, оставим это, — благоразумно согласился Грэхем. — Если я не ошибаюсь, вы говорили, что человек, пробежавший мимо вас, был без усов и без бороды.

— Да, — немного помедлив, согласилась Бэрт.

— Вы так сказали, это было опубликовано в печати и от этого, не дискредитируя себя, вы уже отступить не можете. — Грэхем помолчал. — Однако у Мэфри — человека, которого вы опознали в Ливерпуле как преступника, пробежавшего тогда мимо вас, — были усы, которые к тому времени он носил уже шесть лет.

— Ну, а я-то тут при чем, — огрызнулась Бэрт. — Я ведь потом вспомнила, что у него вроде были усы. Я уже говорила, что сказала тогда все, что знала.

— Бесспорно, — примирительно заметил Грэхем. — Это становится все более очевидным. Хорошо, оставим в покое такие пустяки, как негоревший фонарь, усы, вдруг изменившуюся одежду и перейдем к вещам более любопытным.

Напряженная тишина воцарилась в суде. С Бэрт слетела вся ее самоуверенность. Она пыталась найти хоть у кого-нибудь поддержку — поймать взгляд Спротта или начальника полиции, но, увидев, что оба упорно отворачиваются от нее, в отчаянии окинула взглядом зал и заметила Пола. Она вздрогнула. Глаза ее расширились, и бледные одутловатые щеки посерели.

— Речь у нас пойдет, — продолжал Грэхем, — о ваших отношениях с Эдвардом Коллинзом. Вы с ним были друзьями?

Бэрт разрыдалась. Она ухватилась за перила, ограждающие свидетельское место.

— Мне плохо, — простонала она. — Я больше не могу. Мне надо прилечь. Я ведь только недавно вышла замуж.

Судья Фрейм нахмурился, и легкий смешок, пробежавший по залу, тотчас стих.

— Вы больны? — осведомился он.

— Да, сэр, да, ваша светлость, мне надо прилечь.

— Милостивые государи, — резонно заявил Грэхем, — с вашего разрешения, я не возражаю против того, чтобы свидетельница немного отдохнула. Но я вынужден буду вызвать ее еще раз для показаний в связи с одним обстоятельством, имеющим первостепенное значение.

Посоветовавшись, судьи согласились. Пока Бэрт, поддерживаемая приставом, спускалась с возвышения, судья Фрейм взглянул на часы под потолком — они показывали без пяти минут четыре — и объявил перерыв до следующего утра.

Глава XVI

Как только судьи встали, Спротт, с трудом дождавшийся перерыва, мгновенно вышел из зала, прошел в пустую комнату судей и оттуда через боковую дверь вышел на улицу. Он ни в коем случае не хотел попасть в лапы корреспондентов или задержаться из-за какого-нибудь пустого разговора и велел подать себе машину к четырем часам. Она уже ждала у подъезда, и на душе у Спротта сразу стало легче, когда он, с радостно забившимся сердцем, увидел на заднем сиденье свою жену. Усевшись, он велел ехать домой, поднял стекло, отделяющее от него шофера, и, откинувшись на мягкие серые подушки, взял Кэтрин за руку.

Этот день был для него, привыкшего к тому, что все идет согласно его воле, сущей пыткой. Особенно издергало его вступительное слово Грэхема. Более того: профессиональный инстинкт подсказывал ему, что это еще не все. Он с ужасом думал о Бэрте и о том, что Грэхему завтра удастся извлечь из нее во время допроса. На секунду он прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной. Затем сказал:

— Как мило, что ты приехала, Кэтрин. Ты у меня верный друг.

Она молчала.

Приподняв усталые глаза, он заметил, что она как-то необычно бледна и на ней скромное шерстяное пальто и фетровая шляпа, низко надвинутая на глаза. Она отняла свою руку.

Спротт выпрямился.

— Не так уж все плохо идет, — заметил он как для собственного, так и для ее успокоения. — Конечно, Грэхем произвел сенсацию. Этого мы ожидали. Разрывал навоз и целыми лопатами швырял в нас, грошовый фигляр.

— Не надо, Мэт.

Пораженный, он нагнулся к ней.

— В чем дело?

Кэтрин отвернула от него побледневшее лицо и посмотрела в широкое окно автомобиля. Наконец она сказала:

— Я не считаю, что к мистеру Грэхему применимо слово «фигляр».

— Что?!

— Я считаю, что он человек честный и искренний.

Румяные щеки Спротта побагровели.

— Ты бы этого не сказала, если б слышала его сегодня.

— А я его слышала.

Она отвернулась от окна и, опершись щекой на длинные, тонкие пальцы, впервые посмотрела мужу в лицо. Глаза у нее были печальные, затуманенные.

— Я сидела на галерее, в заднем ряду. Я не могла не пойти. И пошла я для того, чтоб быть подле тебя, чтобы поддержать тебя своей любовью, чтобы услышать, как с тебя будут смыты все эти позорные наветы. И вместо этого...

Он в испуге смотрел на нее, и кровь отхлынула от его лица. Меньше всего он хотел, чтобы она была там и все слышала.

— Не надо было тебе приходить. — Голос его звучал раздраженно. — Я ведь говорил тебе. Сегодняшний суд не место для женщин. Неужели я недостаточно ясно это объяснил? Каждому чиновнику приходится раз в жизни проглотить горькую пилюлю. Но это вовсе не значит, что его жена должна присутствовать при том, как он ее глотает.

— Я не могла не пойти, — повторила она еле слышно. — Что-то гнало меня туда.

Оба умолкли. Спротт старался задушить в себе гнев. Он слишком любил ее.

— Впрочем, это не так уж важно. — Спротт попытался снова завладеть ее рукой. — Скоро все кончится. Этому типу Мэфри дадут какую-нибудь подачку. Потом поставят на деле крест и забудут.

— Забудут ли, Мэт? — переспросила Кэтрин все с той же непонятной вялостью.

Ее манера держаться, ее тон жгли его, точно удары хлыста. Ему хотелось громко выругаться, но в эту минуту они свернули с Парк-Квэдрант на аллею, и машина остановилась у их дома. Кэтрин первая вышла из машины.

— Вам еще понадобится сегодня машина, сэр? — спросил шофер, когда Спротт выходил из автомобиля.

— Нет, на черта она мне, — злобно огрызнулся Спротт.

Показалось ему или действительно в подобострастном взгляде шофера мелькнул какой-то странный огонек? Сэр Мэтью не мог ни за что поручиться. Как бы то ни было, ему на это наплевать. Он поспешил в дом следом за женой и настиг ее в холле.

— Подожди, Кэтрин! — крикнул он. — Мне нужно поговорить с тобой.

Она остановилась с безразличным видом, склонив голову. Обеспокоенный ее состоянием, ее необычной бледностью, он помедлил и, вместо того чтобы докучать ей, требуя объяснений, спросил:

— Где дети?

— Я отправила их к маме. Я подумала, что тебе будет неприятно, если они узнают об этой... беде.

Он понимал, что она поступила разумно, вспомнил, что и сам дал на это согласие. И все-таки ему доставало ласкового поцелуя дочек, неизменно приветствовавших его появление в доме. Оба немного помолчали, затем Спротт искоса взглянул на жену.

— Не очень-то веселое возвращение домой для человека, которого терзали весь день. Неужели ты не можешь взять себя в руки, Кэтрин, и пообедать вместе со мной?

— Я приказала подать тебе обед, Мэт. Но избавь меня от необходимости на нем

присутствовать. Я неважно себя чувствую.

Спротт побагровел и угрюмо уставился на нее налитыми кровью глазами.

— Какой черт в тебя вселился?

— А ты не догадываешься? — прерывающимся голосом спросила Кэтрин.

— Нет. И не вижу оснований к тому, чтобы в моем доме меня встречали, как прокаженного.

Уже взявшись рукой за перила лестницы, она обернулась.

— Извини меня, Мэт. Я должна прилечь.

— Нет! — крикнул он. — Нет, сначала объясни, в чем дело.

Последовало долгое молчание; затем, все так же держась за перила и стоя на нижней ступеньке лестницы, Кэтрин подняла голову и посмотрела на мужа глазами раненой птицы.

— Я думала... ты сам поймешь... каким это явилось для меня ударом. Все эти годы, когда я слышала, как люди поносили тебя... говорили про тебя всякие гадости... я только смеялась. Я не допускала мысли, что они могут быть правы. Ведь я твоя жена. И я верила тебе. Но теперь... теперь я поняла... что они имели в виду. Сегодня в суде Грэхем не забрасывал тебя грязью. Он сказал правду, Мэт. Ты приговорил человека к смерти, даже хуже, чем к смерти, в угоду своему честолюбию, для того чтобы выдвинуться. — Она в смятении приложила тонкую руку ко лбу. — О Боже, как ты мог?.. Страшно даже смотреть на этого несчастного, который столько выстрадал.

— Кэтрин! — воскликнул Спротт, шагнув к жене. — Ты сама не знаешь, что говоришь. Ведь это же мой долг — добиваться осуждения.

— Нет, нет! — вырвалось у нее. — Твой долг следить за тем, чтобы вершилось правосудие.

— Но, дорогая моя, — внушительно проговорил он, — я ведь и являюсь носителем правосудия. Когда ясно, что обвиняемый — преступник, я обязан призвать его к ответу.

— Даже если для этого надо закрыть глаза на некоторые обстоятельства?

— Адвокат обвиняемого всегда изображает дело с выгодной ему стороны.

— А ты используешь все средства, чтобы заманить его в западню и осудить. Да ты... ты самый настоящий «адвокат дьявола», который только и знает, что выискивать в людях дурное.

— Кэтрин! Хоть ты и возбуждена, но нельзя же совсем терять рассудок. Ты видела сегодня, что такое Мэфри.

— Я видела, каким он стал. И все равно он не выглядит убийцей. Он выглядит... он выглядит скорее человеком, пострадавшим от руки убийцы.

— Не впадай в истерику, — резко сказал Спротт. — Его еще не реабилитировали.

— Но реабилитируют, — еле слышно произнесла Кэтрин.

— Это еще вилами по воде писано.

Губы ее дрожали, но она смотрела на него в упор долгим, пронизывающим взглядом.

— Мэт, ты же знаешь, и ты с самого начала знал, что он невиновен.

При слове «невиновен», которое Спротт так часто слышал в суде, но которое сейчас, в устах его жены, приобрело вдруг страшный смысл, самые противоречивые чувства нахлынули на него — странная смесь гнева и тоски: ему хотелось ударить ее и в то же время утешить, но всего сильнее хотелось ему сейчас положить ей голову на грудь и выплакаться. Он подошел к жене и попытался обнять ее за талию, но она, вздрогнув, отодвинулась от него.

— Не прикасайся ко мне!

Он застыл, услышав это восклицание; к тому же на лице жены, искаженном горем и страданием, отражалась такая неприязнь, более того — такой страх, какого он никогда не видел. Он стоял и смотрел на нее, а она повернулась и медленно пошла вверх по лестнице.

Прозвучал гонг, оповещая, что обед подан.

Спротт направился в столовую, где стол был накрыт на один прибор. Горничная молча принесла суп. На обед подали его любимые блюда: суп из бычьего хвоста, жареный язык, мясное филе с кровью, яблочную шарлотку и пикантный стилтонский сыр. Но пища казалась ему безвкусной, он машинально жевал ее, гнев — как незаживающая рана, жег ему душу. Раза два или три, когда открывалась дверь в людскую, до него долетал шелест переворачиваемой газеты и звук голосов, перешептывающихся на кухне. Он вдруг вскипел и на чем свет стоит распушил пожилую горничную за то, что она не так прислуживает.

Излив свою злобу, Спротт с грохотом отодвинул стул и прошел к себе в кабинет. Здесь, почувствовав потребность подкрепиться и успокоить расхолодившиеся нервы, он, вопреки обыкновению, налил себе большой стакан виски с водой и, выпив, упал в кресло. Никогда прежде не было у него такого смятения в мыслях и такой страшной пустоты внутри, такого вакуума, в который он погружался и из которого не было возврата. Он боялся того, что ждало его завтра, и вместе с тем почти не думал о будущем. Он походил на человека, сраженного апоплексическим ударом, — растерявшегося, ошеломленного, тщетно пытающегося понять, что же произошло. Все, к чему он так стремился и чего достиг — богатый дом, книги в красивых переплетах, чудесные картины, — все вдруг потеряло значение. Он думал только о Кэтрин и в тишине дома напряженно прислушивался к малейшему звуку наверху.

Спротт выпил еще виски, и постепенно на сердце у него потеплело, все стало казаться менее мрачным. Кэтрин — крайне чувствительная натура, настоящая «голубая кровь», но ничего, все уладится, и она забудет про эту неприятную историю. В конце-то концов, разве она не делила с ним его успехов? Надо подняться к ней. Она нужна ему сейчас больше, чем когда-либо. И кровь быстрее побежала по его жилам, когда он вспомнил, какая она мягкая, нежная, покладистая, какая тонкая у нее душа, как она бесконечно добра.

Было одиннадцать часов, слуги уже легли, и дом погрузился в полнейшую тишину. Спротт поднялся с кресла, погасил лампу и тихонько, на цыпочках, пошел наверх.

У двери в спальню жены он остановился. Сердце у него стучало — он так желал ее, так нуждался в ее сочувствии. Взявшись за ручку двери, он осторожно ее повернул. Дверь была заперта. В тревоге он тихонько окликнул Кэтрин... Потом позвал громче. Ответа не последовало. В отчаянии он снова и снова вертел ручку, нажимая плечом на дверь, но она была заперта. На секунду его крупное тело напряглось, словно готовясь снести возникшую перед ним преграду, потом расслабло. Сэр Мэтью повернулся и, оттопырив нижнюю губу, побрел в темноте к себе в комнату.

А для Пола это был бесконечно томительный вечер, и по мере того как тянулись часы, странный импульс все сильнее овладевал им. Мать отправилась с пастором Флемингом к вечерне в ближайший храм искать утешения, и, хотя они на все лады уговаривали его пойти с ними, он наотрез отказался. Элла надулась и ушла к себе. Мэфри, следуя строжайшим наказам Данна и Мак-Ивоя, лег спать. Пол сидел один в гостиной «Виндзора», совсем один, и вновь переживал события минувшего дня, подавленный, томимый неотвязным предчувствием.

У ног его валялось несколько газет. Слухи о привлечении к ответственности Освальда быстро распространились, и газетные заголовки пестрели сообщениями об этой последней сенсации в деле Мэфри. С того места, где сидел Пол, были отчетливо видны черные буквы: «Где Енох Освальд? Таинственное исчезновение Серебряного Короля».

Он снова перечитал эти слова, чувствуя, как растет в нем, набирает силу, приобретает отчетливую форму импульс к действию. Еще не было девяти часов. Он встал, надел пальто и шляпу и вышел из гостиницы. К этому времени его предчувствие едва ли не превратилось в уверенность.

Вечер был влажный, мостовые отсырели, и сейчас от них поднимался холодный серый туман, окутывавший ватной пеленою улицы, отчего казалось, что на город уже спустилась ночь. Пол направился в Элдон. Точнее: на Эшоу-террейс. Вот он вошел в дом номер пятьдесят два и, минуя квартиру Прасти, словно тень, стал взбираться по лестнице. В уши ему ударила тишина. С ясной головой, но быстро бьющимся сердцем он добрался до верхнего этажа и постучал в дверь роковой квартиры.

Никто не отозвался. Неужели он ошибся? Повинуясь некоему инстинкту, Пол вынул из кармана ключ, который дал ему Прасти, и вставил в замок. Ключ без труда повернулся, Пол вошел и закрыл за собою дверь.

Твердым голосом он спросил:

— Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Нигде не видно было ни полоски света. Пол неподвижно стоял в темной передней, остро ощущая царящую вокруг тишину, толщу тумана за окном, которая заглушала все звуки, усугубляя застывшее безмолвие нежилого помещения. Однако квартира не казалась заброшенной — ни сырости, ни запаха плесени. Пол нашел в кармане коробку спичек и осторожно чиркнул. Вспыхнул крошечный огонек. Линолеум на полу был чист, на массивной вешалке из красного дерева не видно было пыли. Прежде чем спичка потухла, Пол успел заметить открытую дверь, за ней — гостиную. Он сделал три шага, вошел и снова спросил:

— Есть здесь кто-нибудь?

И опять никакого ответа. Может, и правда, кроме него, в квартире никого нет?

Он зажег газовый рожок в розовом стеклянном шаре. До сих пор Пол был сравнительно спокоен: нервы повиновались порыву отваги, приведшему его сюда. Но сейчас при виде комнаты, где произошла трагедия, загубившая столько человеческих жизней, кровь застыла у него в жилах. Самым страшным в этой комнате, представшей ему сейчас в неярком свете затененного рожка, была ее обычность. Под бронзовой люстрой стоял круглый дубовый стол. Два плюшевых кресла были придвинуты к камину, в нем, за бумажным экраном, аккуратной стопкой лежали дрова. Железная решетка и щипцы, зеркало и безделушки на каминной полке

— все было протерто и начищено; часы указывали правильное время.

И вдруг... Пол затаил дыхание. Из соседней спальни донесся скрип половицы — звук очень слабый, но в безмолвном доме прозвучавший, как трубный глас. Пол вздрогнул и устремил взгляд на дверь. И когда секунду спустя он услышал звук тяжелых шагов, словно кто-то с трудом передвигался по комнате, ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы побороть желание повернуться и опрометью кинуться вон из квартиры. Хотя для Пола это не было неожиданностью и ради этого он пришел сюда, однако ноги у него приросли к полу, когда дверь спальни отворилась и перед ним предстал Енох Освальд, как всегда, в строгом черном костюме, но растерзанный, со сбившимся на сторону галстуком, бледный, с всклокоченными волосами и таким пустым, тяжелым взглядом, словно он только что пробудился от сна. Медленно, как привидение, подошел он к Полу и пристально посмотрел ему в лицо.

— Это вы, — промолвил он наконец. Голос у него был низкий и усталый, с резкими интонациями, вполне соответствующий его измученному, странному виду. — Я предполагал, что вы можете навестить меня. Я знал, что у вас есть ключ.

Он опустил на стул у стола и сдержанным жестом указал Полу на другой.

— К сожалению, не могу ничем угостить вас. Я только вчера сюда переехал. Повинуясь наитию, можно даже сказать: прихоти. И пока что не ощущал потребности в еде. — Освальд говорил, бесцельно блуждая взглядом по комнате, затем в упор посмотрел на Пола: — Скажите, зачем вы пришли?

У Пола сразу пересохло в горле. Как объяснить то, что было у него на уме? Он попытался овладеть голосом и говорить ровно, спокойно:

— Мне казалось, что вы должны быть здесь. И я пришел... сказать вам, что вы должны уехать... исчезнуть, и немедленно.

Молчание. Словно пробудившись от тяжелого сна, на секунду сбросив с себя придавившую его свинцовую тяжесть, Освальд метнул быстрый взгляд на Пола.

— Вы поражаете меня, молодой человек. Я осведомлен о вашей деятельности на протяжении последних месяцев. И у меня создалось впечатление, что вы не слишком-то... расположены... ко мне.

— Я теперь уже не тот, и чувства мои не те, — еле слышно проговорил Пол. — То, что мне довелось пережить, то, что я увидел сегодня в суде, что узнал о механизме закона... изменило мои взгляды. И так уж слишком много страданий и горя повлекло за собой это дело. Пятнадцать лет страдал мой отец. Кому будет легче, если теперь они возьмутся за вас? Уезжайте, пока не поздно. Ордер на арест будет подписан не раньше завтрашнего вечера. В вашем распоряжении двадцать четыре часа — вы еще можете покинуть страну. Так попытайтесь же это сделать.

— Попытаться... — не поддающимся описанию тоном повторил Освальд. — Попытаться. — Он пришел в невероятное возбуждение, нижняя губа его дрожала, желтые щеки окрасились румянцем, глаза увлажнились и беспокойно забегали под седыми бровями. — Молодой человек, — с неожиданным пылом воскликнул он, — не все еще потеряно для человечества! О, я верю... теперь я верю, что есть и для меня искупитель.

Не в силах сдержаться, он вскочил на ноги и стремительно зашагал из угла в угол, потрескивая костяшками пальцев и время от времени поднимая взгляд горе, словно для того, чтобы воздать благодарность небесам. Наконец он справился с волнением, сел и крепко схватил Пола за плечо.

— Дорогой мой юноша, помимо благодарности, я обязан вам кое-что разъяснить. Я расскажу вам всю трагическую историю. Вы вполне это заслужили.

Продолжая, словно железными тисками, сжимать плечо Пола, Освальд посмотрел ему прямо в глаза и, помолчав, хриплым голосом начал свой до странности архаичный рассказ, с трудом укладывающийся в мозг современного человека.

— Знайте, молодой человек: меня всю жизнь посещали видения. С детства я был эпилептиком. — Он умолк, глубоко вздохнул и продолжал: — Когда я появился на свет, родители мои уже были немолоды. Я был единственным сыном. Конечно, они во мне души не чаяли, взяли меня зачем-то из школы, и я учился у домашнего учителя, который во всем мне потакал.

Развитие мое шло медленно, но поскольку я испытывал влечение к медицине, в девятнадцать лет меня послали учиться в университет, а практику я проходил в больнице святой Марии. Увы, болезнь прервала мои занятия, а потом и начисто лишила меня возможности их продолжать. Я вынужден был вернуться домой. К двадцати пяти годам припадки у меня прекратились, и я взялся за выполнение многочисленных обязанностей в деле моего отца. В тридцать лет меня обручили с молодой особой приятного, доброго нрава. Родители ее, занимавшие примерно такое же положение, как и мои, дали согласие на наш брак, если по истечении определенного срока будет установлено, что моя болезнь прошла.

Освальд помолчал, и тяжкий вздох снова вырвался из его груди.

— Тут я на свою беду познакомился с этой Спэрлинг. Она, как вам известно, работала в цветочном магазине, куда я случайно зашел заказать цветы для моей невесты. Не буду говорить о тривиальности первой встречи и о том, как развивалась наша связь. Всему виной моя собственная слабость и порочность. Тем не менее должен сказать, что я пал не без помощи моей возлюбленной. Никогда, юный мой друг, не попадайтесь в лапы тщеславной, требовательной женщины. Она тянула из меня все — туалеты, драгоценности, деньги; она получила от меня квартиру, а когда я под конец предложил ей полностью обеспечить ее и ребенка, которого она ждала, она отказалась в самых грубых и оскорбительных выражениях. Ей нужен был только законный брак.

В это время умер мой отец. От горя я дошел до полного иступления, и у меня снова начались эпилептические припадки. После одного особенно тяжелого я отправился на свидание к Спэрлинг, о котором у нас было договорено заранее. Ах, дорогой мой юноша, вы и представить себе не можете, как страшно состояние эпилептика после припадка. Поднимаешься с земли смертельно бледный, с искусанным языком и пеной на губах, ум твой еще одурманен, словно после глубокой спячки, но чувства обострены, возбуждены. Вот в таком отчаянном состоянии, сам себя не помня, я и совершил убийство.

Последовало долгое молчание; на искаженном, безумном лице Освальда проглянула тусклая улыбка, взгляд стал таинственный, нечеловеческая хитрость большого ума отразилась в нем. Полу стало не по себе, и он крепко вцепился в подлокотники кресла.

— Первым моим намерением было немедленно предать себя в руки правосудия. Но тут мне был Внутренний голос. Он сказал одно лишь слово: «Воздержись». И я воздержался. Не потому, что боялся кары за преступление, а потому, что увидел впереди необозримое поле деятельности на благо ближним, каковою я смогу хоть отчасти искупить свою вину. — Освальд вдруг горделиво выпрямился. — С тех пор я посвятил свою жизнь служению ближним. Во всеуслышание я возвестил: «Я буду печься о бедных, о калеках, о хромых и слепых, и благословение снизойдет на меня, когда придет праведный судия».

— А подумали вы о том, — перебил его Пол, — кто был осужден вместо вас?

— Ах, — горестно вздохнул Освальд, — это было единственным пятном на начертанной мною схеме искупления. Но такова была воля Господня. Не скрою: несколько раз я порывался отдаться в руки правосудия. Но голос во мраке ночи звучал снова и снова и с каждым разом все настойчивее: «Как?! Ты тоже из тех, кто, начав строить дом, не доводит дела до конца? Пойди отдай себя в руки правосудия, и по закону все твое достояние отойдет государству. Воздержись!». Да, дорогой мой юноша, я сокрушался. Но что я мог поделаться? Все мы — в руке Божией. Странствие — наш удел. А цель оправдывает средства. — И снова кривая, чуть ироническая усмешка тронула каменное лицо Освальда. — Внутренний голос подсказывал мне, какие надо делать шаги, какие принимать меры предосторожности, чтобы обезопасить себя и продолжать великое дело. Вы знаете, что были люди, которые подозревали о моей вине и пытались извлечь из этого выгоду. И хотя я подчинил их своей воле, взял к себе в дом, обработал, как горшечник глину, они продолжали оставаться для меня источником тревоги. Ах, не думайте, что моя жизнь была легка. О нет, я то и дело подвергал себя суровым искусам. Нервная болезнь, преследовавшая меня с детских лет, стала теперь моей постоянной бедой: по два и даже по три раза в неделю она валила меня с ног. Но самое страшное: мне приходилось постоянно быть начеку, чтобы в своей благотворительной деятельности не выйти за пределы, установленные обычаями и светом, и не позволить чьему-нибудь излишне зоркому глазу прочесть мою тайну.

Возбужденный собственными словами, Освальд снова вскочил и заметался по комнате — бледный, нахохлившийся, он размахивал руками, рассуждая сам с собой громким, взволнованным голосом.

Дрожь прошла по телу Пола, когда он заметил возрастающее волнение Освальда, темную нестерпимую муку, усиливавшуюся с каждым мгновением. Жутко было смотреть на это изломанное человеческое существо, однако чем большее отчаяние овладевало Освальдом, тем большую жалость вызывал он в Поле. Теперь он ясно понял, что его собеседник не в своем уме.

Внезапно из туманной мглы — должно быть, с дальнего канала — донесся чуть слышный вой паровой сирены. Этот неземной звук, подобный воплю истерзанной души, казалось, пронзил сердце Освальда. Тяжкий стон сорвался с его уст, он застыл на месте и, устремив взор куда-то вдаль, воскликнул:

— Час мой приходит! Очисти от скверны слугу твоего!..

Последние слова Освальда звучали хрипло. Лицо его посерело, простертые к небу руки будто окаменели. Это был одержимый. Через некоторое время тело его расслабло, он очнулся, осмотрелся кругом. Ухватившись за край стола, чтобы не упасть, он вынул из кармана платок и вытер лоб. Затем улыбнулся Полу тусклой улыбкой.

— Дорогой мой юноша, позвольте еще раз поблагодарить вас за доброе отношение. Вам, наверно, пора идти. Не тревожьтесь, все будет в порядке.

Пол медлил, чувствуя в сердце гнет непонятной нерастраченной жалости.

— Вы обещаете исчезнуть?

— Обещаю. — Освальд снова улыбнулся, кивнул и опустил руку на плечо Пола. — Я ведь все это предвидел. И подготовился. Прощайте. Да благословит вас Бог.

Рука, пожавшая руку Пола, была холодна, как лед. Освальд распахнул дверь, и Пол вышел.

На следующее утро заседание суда началось в крайне наэлектризованной атмосфере. В толпе, наводнившей зал, где уже стояла невыносимая духота, шел непрерывный шепоток. Всевозможные слухи носились в воздухе. Когда собравшиеся заметили, что сэра Мэтью нет на месте, стали высказывать предположения. И даже его приход не уgomонил шептунов. Спротт быстро прошел на свое место. Вид у него был помятый, невыспавшийся, на щеке виднелся порез от бритвы.

Лишь только судьи уселись, поднялся Найгел Грэхем, как всегда сдержанный, но сегодня еще более холодный.

— Милостивые государи, с вашего разрешения я хотел бы возобновить допрос свидетельницы Луизы Бэрт, — заявил он.

После небольшой заминки, связанной с выполнением необходимых формальностей, Бэрт взошла на возвышение для свидетелей.

— Надеюсь, — начал Грэхем учтиво, но ледяным тоном, — у вас было достаточно времени, чтобы прийти в себя.

— Я в полном порядке.

Бэрт ответила почти грубо, без обычной вкрадчивой скромности. Нерешительность, владевшая ею накануне, исчезла, как будто за ночь она успела с кем-то посоветоваться и заручиться чьей-то поддержкой. Она стояла на возвышении и дерзко смотрела на Грэхема.

— Итак, мы говорили, — продолжал Грэхем, — о ваших отношениях с Эдвардом Коллинзом, молодым человеком, который приносил мисс Спэрлинг белье из прачечной. Вы виделись с ним до и во время суда?

— А то как же: мы почти все время были вместе.

— Вот как! Значит, вы были вместе. И часто вы беседовали с ним о деле Мэфри?

— Нет, — быстро ответила Бэрт. — Мы ни разу об этом не говорили.

Грэхем слегка приподнял брови и, взглянув на судью Фрейма, заметил:

— По меньшей мере странное заявление. Но не будем на нем останавливаться. Обсуждали ли вы с Коллинзом дело Мэфри после суда?

— Нет, — отрезала Бэрт.

— Я должен предупредить вас, — спокойно сказал Грэхем, — что вы дали присягу и что клятвопреступление сурово карается законом.

— Милостивые государи, я протестую против подобных инсинуаций. — Генеральный прокурор привстал с места. — Они рассчитаны на то, чтобы запугать свидетельницу.

— Вы что же, никогда не говорили с Коллинзом об этом деле? — не отступался Грэхем.

— Видите ли, — Бэрт впервые опустила глаза, — я что-то не помню. Наверно, говорили.

— Значит, все-таки говорили?

— Может быть.

— И часто?

— Да.

Грэхем перевел дух.

— В тот вечер, когда было совершено убийство и какой-то человек проскочил мимо Эдварда Коллинза на площадке лестницы, он никого ему не напомнил?

— Нет, — очень громко ответила Бэрт.

— А вам? Вы его совсем не знали?

— Нет.

— И вы никогда не говорили Коллинзу, что у вас такое ощущение, будто вы где-то видели этого человека?

— Никогда.

— И ни разу по секрету, шепотом не называли ему никакого имени?

— Нет.

Последовала многозначительная пауза.

— Вернемся к вашим наблюдениям в тот достопамятный вечер... Предположим, что фонарь не горел... и вы не могли различить черты того человека, но вы, конечно, видели, что он делал. Он бежал?

— Да. Мне уже надоело это повторять.

— Извините, если я чрезмерно вас утомляю. Этот человек бежал все время?

— Как — все время?

— Ну, до самого конца улицы?

— Должно быть, что так.

— Должно быть? А он случайно не вскочил на велосипед — зеленый велосипед, что стоял у ограды, и не умчался на нем?

— Нет.

Грэхем сурово взглянул на свидетельницу.

— В свете новых данных, которыми мы теперь располагаем, я должен еще раз предупредить вас быть осторожнее. Повторяю: разве он не уехал на зеленом велосипеде?

Бэрт всю трясло. Она пробормотала:

— Я же сказала: нет. Ничего больше я не могу добавить. — И, вытащив носовой платок, стала сморкаться.

Генеральный прокурор снова вскочил.

— Милостивые государи, я решительно протестую против попыток запугать свидетельницу.

Легкая краска выступила на щеках Грэхема, и он ядовито ответил:

— Быть может, генеральный прокурор считает, что я вторгаюсь в его область. Было время, когда в этом самом суде обвинитель обращался со свидетелями, как терьер с крысой, приводя их в такое смятение, что они сами не знали, что говорят. Уже по этому одному я отношусь к свидетельнице с полным уважением и, смею вас заверить, что оно еще пригодится ей.

Эти слова были встречены мертвой тишиной. Сэр Мэтью Спротт взглянул на судей, но на этот раз судья Фрейм воздержался от вмешательства.

Грэхем выждал, пока Бэрт вытрет глаза.

— По окончании суда вы с Эдвардом Коллинзом явились в полицейское управление за причитавшейся вам наградой в пятьсот фунтов.

— Да, явились, и ничего дурного вы нам тут припаять не можете.

— Конечно, нет. Когда вы прибыли в управление, вас попросили немного обождать, пока не будут выполнены некоторые формальности.

— Совершенно точно. В полиции с нами были очень обходительны, чего не скажешь про вас.

— Я еще раз прошу вас набраться терпения и сосредоточить все свое внимание на том полчасе, который вы провели с Коллинзом в приемной полицейского управления. Суд, несомненно, явился испытанием для вас обоих. По-видимому, вы волновались, нервничали и не были вполне уверены в своих показаниях, что и нашло отражение в разговоре, который вы там вели.

— Каком еще разговоре?

— Разве вы не помните?

— Нет, не помню.

— В таком случае, быть может, я смогу освежить его в вашей памяти. — Грэхем взял листок из лежавшей перед ним кипы бумаг. — Насколько мне известно, между вами и Коллинзом произошел следующий разговор:

«Коллинз. Ну вот, вроде бы уже виден конец, и хорошо, что мы до него добрались. А то я думал: не выдержу.

Бэрт. Чего ты волнуешься, Эд. Ты же знаешь, что мы поступили правильно и по чести.

Коллинз. Да, пожалуй. А все-таки...

Бэрт. Что все-таки?

Коллинз. Ну, ты же знаешь, Луиза. Почему ты не сказала про... Ты знаешь про что!

Бэрт. Потому что никто меня об этом не спрашивал, дурачок.

Коллинз. Так-то оно так. А мы... мы получим награду?

Бэрт. Будь спокоен, Эд, получим. Может, нам и еще чего-нибудь прибавят.

Коллинз. Ты это про что?

Бэрт. Погоди — увидишь. Я попридержала кое-что про запас.

Коллинз. А Мэфри правда тот человек, Луиза?

Бэрт. Да замолчи ты. Сейчас отступить все равно уже поздно. Мы же ничего плохого не сделали. Со всеми этими уликами Мэфри все равно бы не выпутаться. И потом его ведь не повесили. Неужто ты не понимаешь, дуралей, что против полиции все равно не пойдешь. И все еще может так обернуться, как тебе и во сне не снилось, Я скоро жить буду, точно настоящая леди».

Грэхем кончил чтение и, спеша опередить судью, сурово обратился к свидетельнице:

— Вы что же, станете отрицать, что этот разговор, который был подслушан и записан, действительно имел место?

— Не знаю. Я не помню. Не могу же я отвечать за то, что говорил Эд Коллинз. — Бэрт пришла в полное смятение, и голос у нее дрожал.

— Что вы делали после того, как полиция выдала вам деньги?

— Точно не помню.

— А вы не отправились отдыхать в Маргейт с Эдвардом Коллинзом?

— По-моему, нет.

— И вы с ним не жили в одном номере в отеле «На берегу»?

— Конечно, нет. И, вообще, нечего меня оскорблять, я не за тем сюда пришла.

— В таком случае едва ли вам будет приятно, если я покажу суду книгу записей этой гостиницы за тот период.

— Милостивые государи, — снова вмешался генеральный прокурор, — я вынужден опротестовать подобные заявления, касающиеся морального облика свидетельницы и не имеющие прямого отношения к делу.

— Однако обвинение почему-то не возражало, когда пятнадцать лет назад делались гораздо более серьезные и менее справедливые заявления относительно морального облика моего клиента.

Наступило молчание. Грэхем повернулся к Бэрт.

— Отдохнув, вы вернулись в Уортли. Вы обнаружили, что атмосфера здесь изменилась, стала более прохладной. Вы отнюдь не сделали популярной героиней, какой вам хотелось стать. Работу найти было трудно. Тем не менее как раз в это время вам и Эдварду Коллинзу были предложены отличные места, на которые вы и поступили, — в одном из самых высокопоставленных домов Уортли. Правильно я говорю?

— Да.

— Кто был хозяином этого дома?

Бэрт уже держалась без всякого вызова. Она исподтишка метнула взгляд на Пола. Фамилия хозяина, казалось, прилипла у нее к гортани. Затем среди гробовой тишины она пролепетала:

— Мистер Енох Освальд.

— Прав ли я, говоря, что мистер Освальд проявил величайшую доброту по отношению к Коллинзу — женил его на своей старшей горничной и затем отправил супругов в Новую Зеландию?

— По-моему, он красиво поступил с Эдом, — пробормотала Бэрт.

— А с вами? — вкрадчиво спросил Грэхем. — Разве он отнесся к вам не так же внимательно, хотя, быть может, и несколько круто? Дал вам хорошее место у себя в доме, потом выдал замуж и, оплатив проезд, чуть было тоже не отправил на край света.

Бэрт пробормотала что-то в знак согласия, и по залу пронесся шепот. Интерес у присутствующих был возбужден до предела. Все взоры были устремлены на Грэхема, когда он задал очередной вопрос:

— Чем же вы можете объяснить такое внимание со стороны мистера Освальда к вам и Коллинзу, двум главным свидетелям по делу Мэфри?

Бэрт покачала головой.

— А не могло ли это в какой-то мере объясняться тем обстоятельством, — сдержанным тоном спросил Грэхем, — что Енох Освальд является хозяином квартиры, где жила убитая женщина — Мона Спэрлинг?

Бэрт снова промолчала. Мертвая тишина дарила в зале.

— Мистер Освальд довольно часто бывал в этой квартире: приходил по делам — получить квартирную плату, узнать, не нуждается ли в чем-нибудь жилища. Поскольку приходил он по вечерам, его вполне мог видеть Коллинз, который частенько бывал на улице в вечерние часы.

— Я... я думаю, что мог.

И тут последовал вопрос, неожиданный, как удар из-за угла.

— Освальд приезжал к своим квартирантам на велосипеде?

— Ну, хоть бы и приезжал... и даже на зеленом, — вырвалось у Бэрт. — Ко мне-то какое это имеет отношение?

Зал загудел.

— И последний вопрос, — небрежно проронил Грэхем, словно эта мысль только что пришла ему в голову. — Вчера, да и сегодня, здесь много говорилось о левше. Мистер Освальд — левша?

Зал затаил дыхание. Бэрт уже не могла больше изворачиваться. Она обвела присутствующих блуждающим взглядом, из груди ее вырвался стон ужаса.

— Да. И мне плевать: пусть все об этом знают.

Со свидетельницей сделалась истерика. Зал мгновенно загудел от возбуждения. Несколько корреспондентов схватили свои блокноты и бросились к телефонам.

После того как Бэрт с помощью приставов сошла с возвышения, наступила драматическая пауза. Затем Грэхем повернулся к судьям, чтобы произнести заключительную речь.

Голос его, звучавший почти все время спокойно и сдержанно, теперь был исполнен страстной убежденности:

— Я должен поблагодарить суд за терпение, с каким меня здесь слушали. Теперь я буду краток. Милостивые государи, мы гордимся тем, что наша система судопроизводства основана на принципе, согласно которому человек считается невиновным до тех пор, пока не установлено обратное. Человека можно подозревать, но обвинение обязано доказать его вину.

А что если обвинение, милостивые государи, нечестно выполняет свои обязанности? Что если исполнители закона, выявив подозреваемую личность, используют все имеющиеся в законе лазейки, все средства ораторского искусства, все тонкости и трюки убеждения, все методы давления и запугивания, чтобы доказать, что они правы, что они по справедливости привлекли виновного к ответу?

У государства, представителем которого является обвинитель, имеются, милостивые государи, немалые ресурсы — умные люди, деньги и неоспоримый авторитет. Те, кто выступает от его имени, будучи всего лишь людьми, стремятся не только подтвердить свои вполне законные подозрения, но и продвинуться, быть на хорошем счету у общества. Эксперты, которых привлекает обвинение, люди в высшей степени опытные и достойные, могут тем не менее попасть под влияние уже сложившегося мнения. Начальник полиции, считая, что он задержал преступника, переворачивает небо и землю, чтобы добиться осуждения. Полицейские врачи, вызванные обвинением для обследования ножа, молотка или другого орудия убийства, редко говорят: «На этом предмете нет крови». Они говорят чаще: «Материал, из которого сделан данный предмет, не дает возможности прийти к окончательным выводам». Или далее: «Замечены следы частиц, которые вполне могут быть кровью». Словом, милостивые государи, стоит какому-нибудь бедняге попасть под подозрение или своими действиями произвольно навлечь на себя таковое, как к нему уже относятся с предубеждением, с враждебностью, пагубной для него.

Давайте рассмотрим, что же произошло с этим ничем не примечательным членом нашего общества, далеко не сильной личностью, немного безответственным, быть может, не лишенным тщеславия, но, в общем, человеком не хуже и не лучше других. Несчастливая жизнь дома, холодная атмосфера, созданная строгой женой-пуританкой, естественно привела к тому, что он стал искать более приятное и ласковое лицо, на котором мог бы отдохнуть его взгляд. Тут как раз приятель знакомит его с хорошенькой молодой женщиной. Он затевает с ней легкий флирт, а две или три недели спустя, сидя один в захолустной гостинице маленького городка, решает послать ей открытку — приглашение отобедать с ним, на которой рисует сельский пейзаж. Затем, всего несколько дней спустя, он, к своему ужасу, узнает, из кричащих заголовков вечерних газет, что эта женщина зверски убита и полиция повсюду разыскивает того, кто послал открытку, воспроизведенную во всех газетах страны.

Как он должен был поступить? Он понимает, что следовало бы пойти в полицию и добровольно признаться в том, что он — отправитель открытки. Но мысль, что все это станет широко известно, нежелание ввязываться в запутанную историю удерживает его. К тому же он наверняка знает: его спросят, где он был восьмого сентября между восемью и девятью часами вечера. Оглядываясь назад, он с тревогой вспоминает, что ходил один в кино и заснул там во время сеанса. Ничего не стоящее алиби! Ну кто видел его там в темноте? Даже кассирша, когда он брал билет, не подняла головы и не взглянула на него. Так что никто не может прийти к нему на помощь в роковой час.

Насмерть перепуганный, он теряет голову и, вместо того чтобы отправиться в полицию, принимает глупейшее решение — состряпать себе алиби с помощью приятеля. В это самое время выясняется, что он — отправитель открытки. Он пытается доказать свое алиби, и его тотчас опровергают, уличая во лжи. С этой минуты он пойман: *falsus in uno falsus in omnibus*. [7] Улики против него громоздятся горой. Но тут всплывают новые данные: например, оригинальный кошелек, найденный возле трупа, зеленый велосипед, на котором, по-видимому, приехал убийца. Мэфри знать не знал о кошельке и велосипеде. Тем не менее

это признается несущественным, об этих вещах просто забывают, не учитывают их при обвинении. Раз они не укладываются в нужные рамки, значит, их следует отметить. И прокурор, исполненный горячей жажды правосудия, в своей речи даже не упоминает о них.

Милостивые государи, я утверждаю, что в деле Риза Мэфри обвинение всячески стремилось воспрепятствовать — и действительно воспрепятствовало — справедливому суду. Пусть я несовершенно изложил факты, но, милостивые государи, нам никуда не уйти от того, что столь серьезные противоречия не были приняты во внимание. Более того: прокурор в ходе процесса, и прежде всего в своем обращении к присяжным, высказал ряд достаточно мрачных предположений, губительных для обвиняемого.

Вся речь прокурора была донельзя театральная, к тому же она изобиловала пагубными намеками, рассчитанными на то, чтобы повлиять на присяжных и заставить их вынести обвинительный вердикт.

Милостивые государи, когда на карту поставлена человеческая жизнь, нет места речам, воздействующим не на ум, а на чувства присяжных, речам, которые не озаряют людей ясным светом логики, а возбуждают в них буйные чувства: ужас, гнев, отвращение, жажду мести. Подобные речи иной раз сопровождаются еще более возмутительной комедией, когда ученый муж берет в руки орудие убийства, швыряет его на пол, словно бы даже наносит роковой удар; и эта мелодрама превращает торжественную арену, где вершится правосудие, в дешевый балаган. Я считаю, что речь, произнесенная обвинителем Риза Мэфри, и то, как она была произнесена, подрывают основы нашего правосудия, и полагаю, что суд не замедлит согласиться со мной.

Грэхем сделал передышку, и Пол, весь напрягшись от волнения, бросил быстрый взгляд на Спротта. Красное лицо сэра Мэтью было смертельно бледно, губы плотно сжаты. О чем он думал? Об унижении, которому его сейчас подвергли? О нежданно рухнувшей карьере? О разлетевшейся в прах мечте отвоевать себе место на политическом поприще?

— Более того: я считаю, — продолжал Грэхем, — что председатель суда, напутствуя присяжных, дал им неправильные указания, его заключительная речь была неточной, несовершенной, бестолковой. Как бы вторя обвинителю, он высказал ряд неблагоприятных суждений о характере обвиняемого и не привлек внимания присяжных к тем серьезнейшим упущениям, которые имели место при установлении личности преступника. Что касается полиции, то, хотя ее действия были определены убежденностью в своей правоте, несомненно, что и она при установлении личности преступника пренебрегла важными уликами. И совершенно ясно, что те данные, которыми она располагала и которые были благоприятны для апелланта, но не были известны ему и его адвокатам, были намеренно скрыты, что, разумеется, нанесло ему огромный ущерб.

И, вытянув правую руку — единственный жест, который он позволил себе за весь этот день, Грэхем повернулся к судьям.

— Милостивые государи, Мэфри не совершал этого убийства. Изучение и анализ материалов процесса привели нас к бесспорному выводу, что он невиновен, что он пал жертвой страшной ошибки правосудия. Перед вами свидетельница Бэрт, которая сама обвинила себя в клятвопреступлении и, будучи извлечена из трясины лжи, недвусмысленно показала, кто был подлинным преступником.

Милостивые государи, я не принадлежу к полиции, и в мои обязанности не входит привлекать виновного к суду, но я располагаю достаточно вескими доказательствами, позволяющими мне назвать этого человека. Пусть те, кому надлежит этим заниматься, найдут его, и последняя тень сомнения рассеется. Милостивые государи, всеми священными канонами правосудия заклинаю вас исправить страшную несправедливость, признать вину прокурора и

объявить всему свету о невинности Риза Мэфри.

Грэхем сел среди глубокой тишины, которую вдруг разорвала буря аплодисментов. Только угроза очистить зал от публики положила конец овации. В глазах Пола стояли слезы: он никогда еще не слышал ничего более волнующего, чем речь Грэхема. Растроганный, он перевел взгляд со спокойного лица молодого адвоката на своего отца. Тот сидел смущенный, растерянный: он, видимо, не мог понять, как та же публика, которая пятнадцать лет назад всячески поносила его, теперь может столь оглушительно его приветствовать.

Когда порядок был наконец восстановлен, генеральный прокурор после долгого совещания с коллегами нехотя поднялся, чтобы произнести речь. Хотя держался он спокойно и с достоинством, весь вид его говорил о том, что ему не по душе стоящая перед ним задача, но... делать нечего. Речь его, размеренная и сдержанная, длилась меньше часа. В противоположность горячей и мастерски построенной речи Грэхема это была, быть может намеренно, бесстрастная речь. Как только он сел, судья Фрейм тотчас объявил перерыв до следующего дня.

Назавтра в половине третьего суд возобновил заседание. Все затаили дыхание, когда, величественный и непроницаемый, поднялся судья Фрейм и стал держать речь. Пока он говорил, сердце Пола стучало как бешеное. Он взглянул на отца: тот слушал с каким-то болезненным возбуждением.

— До сведения министра внутренних дел доведено, — объявил судья, — что суду стали известны новые обстоятельства, которые позволяют считать ранее вынесенный приговор неправильным.

Последовала долгая пауза. Пол едва дышал.

— В соответствии с этим нам сообщено, что министр внутренних дел тотчас же обратился к его величеству с рекомендацией даровать полное помилование.

Тут началось столпотворение: в воздух полетели шляпы, раздались неистовые крики «ура». Данн и Мак-Ивой улыбаются, пожимают руки друг другу, Найгелу Грэхему, Полу. Какие-то люди хлопают Пола по спине. А вот и старик Прасти, прерывисто дыша, обнимает его. Элла Флеминг и мать стоят, прижавшись друг к другу, растерянные, все еще не оправившиеся от пережитого стыда. Пастор сидит, закрыв глаза, — похоже, что он молится. У Дейла лицо еще более неподвижное, чем всегда. Спротт, потрясенный, протискивается к выходу. На галерее какой-то невысокий человечек отчаянно жестикулирует... Неужели это Марк Булия?

Пол повернулся и стремительно пошел туда, где среди этой сутолоки сидел, сгорбившись, еще не вполне понимая, что произошло, сломанный жизнью человек, которого теперь уже никто больше не станет называть убийцей.

Глава XIX

Пол вернулся в «Виндзор» в четыре часа. Они победили, и вся юридическая фразеология законников, все торжественные манеры судей, вся холодная отчужденность царившей в суде атмосферы не могли притушить радости этой победы. Однако нервы Пола были по-прежнему напряжены, все вокруг представилось ему еще смутным и нереальным, а будущее — расплывчатым и туманным.

В коридоре ему попались на глаза чемоданы Эллы — сплошь в наклейках, а в приоткрытую дверь он заметил свою мать, которая укладывала вещи у себя в номере. Это в какой-то мере подготовило его к тому, что предстоит. В гостиной он увидел Эллу — она сидела в перчатках и шляпе, лицо у нее было задорное; в прошлом это бы значило, что она приняла решение за них обоих.

Все колебания Пола кончились. Он налил воды из графина, все время чувствуя на себе взгляд Эллы.

— Ну, вот и все.

— Надеюсь. — Она сидела очень прямо, опустив уголки рта и сейчас вызывающе вскинула голову. — Нельзя сказать, чтоб это быстро кончилось.

— Я знаю, что все это было не слишком приятно, Элла, — заметил он. — Но мы должны были через это пройти.

— Ах вот как: должны! Ты так думаешь. А я нет. Я считаю, что вся твоя затея ни к чему. Никому это не нужно. А все по твоей милости. Ты начал эту историю. Ты на ее завершении настаивал. Вопреки всем. И чего ты добился? Ничего. Ровным счетом ничего.

— Да разве выиграть такое дело — это ничего?

— А что это дало? Ты слышал, как они все повернули. Они горой стоят друг за друга, эти адвокатишки. Каких-то денег удастся добиться разве что через парламент. Да если и удастся, ты-то их все равно не получишь.

Он вспыхнул от возмущения, но заставил себя спокойно, без злобы ответить ей:

— Меня не интересуют деньги. Я никогда о них не думал. Я хотел добиться оправдания отца. И добился.

— Добился на свою голову. Раз уж ты так печешься о его репутации, лучше было бы оставить его, где он был. А сейчас он показал себя во всей красе — мерзкий старый пропойца.

— Элла! Но ведь таким сделала его тюрьма... Но всегда же он был таким.

— Но сейчас-то он такой! И с меня всего этого предостаточно. Конечно, плохо было, когда он сидел в тюрьме. Но по крайней мере он был далеко. Никто его никогда не видел, никто ничего не знал о нем. А теперь... Как он вел себя в суде! Поэтому и судьи относились к нам так, точно мы грязь у них под ногами. В жизни я не испытывала большего позора и унижения: ведь теперь все приличные люди знают, что я, пусть отдаленно, связана с таким человеком. Я тебе прямо скажу: если бы не ты, я бы давно собрала вещи и уехала.

Пол видел, что она не в состоянии уразуметь всего значения происшедшего. Она не думала ни о страданиях, которые он претерпел, ни о борьбе, которую выдержал. Она принимала в расчет лишь то, что нанесен удар столь милому ее сердцу аристократизму, ее тщеславию и чувству собственного достоинства. И потому осыпала его жалобами и упреками, тем более мелочными, что она считала их вполне справедливыми. Как он мог быть настолько глуп, чтобы увлечься ее хорошеньким личиком, которому болезненная религиозность придавала возвышенное выражение?

Пол молчал, и Элла, по опыту прошлых лет, истолковала это молчание как признак того, что он сдаётся. Смягченная его смирением и отказом от препирательств, она заговорила мягче, со страдальческими интонациями глубоко оскорбленного существа, готового, однако, внять голосу христианского милосердия и простить:

— В таком случае укладывайся скорее.

— Зачем?

— Потому что мы уезжаем, глупенький. Больше ждать нечего. Мистер Данн заплатил за гостиницу — и правильно сделал: его газета заработала на нас немалые денежки. Пароход отходит в семь часов из Холихеда.

— Я не могу оставить его, Элла.

Она посмотрела на него — сначала с удивлением, затем с ужасом.

— В жизни не слыхала о такой нелепице. Тебе он не нужен, и ты ему тоже. Он, как только вышел из суда, тут же отправился в какой-нибудь кабак. Пусть там и сидит. А когда он вернется, нас уже здесь не будет...

Пол покачал головой.

— Я не поеду.

Кровь бросилась ей в голову. В глазах загорелся мрачный огонек.

— Если ты отказываешься ехать, Пол, предупреждаю: ты об этом пожалеешь. Я многое терпела из-за нашей любви. Но больше терпеть не намерена...

Она все еще продолжала корить его, когда дверь отворилась. В комнату вошли мистер Флеминг и мать Пола, оба в дорожном платье. Священник посмотрел сначала на Пола, затем на дочь.

— Что случилось? — спросил он.

— О, ты и представить себе не можешь, что! — воскликнула Элла. — После всего, что мы для него здесь сделали, у Пола хватило наглости заявить, что он не поедет с нами.

Во взгляде Флеминга отразилось смущение. В последние недели он немало выстрадал, непрестанно борясь с собой. Он надеялся возродить Мэфри к жизни, но, несмотря на все его усилия, несмотря на все его молитвы, из этого ничего не вышло. Теперь неудача угнетала его, подрывала основы его веры. И вдобавок еще этот разлад между дочерью и Полом. Взволнованный и смущенный, он с трудом произнес несколько избитых фраз, которые всегда ненавидел:

— А не кажется ли тебе, что ты и так уже достаточно сделал, мой мальчик? Ты потрудился столь... столь благородно.

— Да, Пол, — тихим голосом взмолилась мать. — Ты должен поехать с нами.

— В конце концов, с моральной точки зрения ты вовсе не обязан оставаться. — Флеминг подумал и снова пошел на компромисс: — А впрочем... мы ведь едем сейчас, но ты можешь приехать и позже.

— Если он не поедет сейчас, — вмешалась Элла, — он горько об этом пожалеет.

— Помолчи, Элла, — не без досады осадил ее Флеминг. — Неужели нет предела твоему эгоизму?

Но она залилась злыми слезами, и остановить ее было уже невозможно.

— Для меня это, во всяком случае, конец. Значит, этот злобный старикашка ему дороже, чем

я. В жизни больше слова ему не скажу.

Бледный и хмурый Флеминг попытался собраться с мыслями и урезонить дочь. Но тщетно. Глубоко уязвленная Элла была не в состоянии внять его словам. А мать Пола была так сражена всем пережитым, что где уж ей было прийти к нему на помощь. Она жаждала одного: поскорее отсюда убраться.

Наконец священник сдался и для собственного успокоения, а также чтобы хоть отчасти отстоять свое достоинство, подошел к Полу и молча обменялся с ним долгим рукопожатием.

Через несколько минут они уехали.

Пол с трудом этому верил. Ему казалось, что огромная тяжесть свалилась с его плеч. Оставшись один в комнате, он со вздохом облегчения опустил в кресло. Решение не ехать возникло у него внезапно. Но теперь он знал, что больше не увидит Эллу. Он был свободен.

Пока он сидел так, не двигаясь, в коридоре слышались тяжелые шаги. Потом дверь отворилась, и в комнату медленно вошел Мэффри.

Пол в изумлении посмотрел на отца: обычно он лишь после полуночи нетвердым шагом являлся в гостиницу. А сейчас Мэффри был совершенно трезв, но выглядел усталым и разбитым. Движения его были медленны, на лице читалось уныние, совсем уж странное, если вспомнить, что этому человеку только что был вынесен оправдательный приговор. Его дешевенький костюм лопнул под мышкой, и лацканы были все в пятнах. На колене присохла грязь — видимо, после очередного падения. Едва передвигая ноги, он подошел к креслу, сел и взглянул на Пола из-под косматых бровей. Казалось, он ждал, что скажет сын, но поскольку Пол молчал, осведомился:

— Смотались они?

— Да.

— Скатертью дорога. — Затем, как всегда грубо, добавил: — А ты чего здесь торчишь? Видно, думаешь поживиться моими деньжонками, когда я их получу?

— Именно так, — спокойно признал Пол.

Он уже знал, что это самая правильная линия поведения при иронических наскоках отца. Его ответ и в самом деле заставил Мэффри умолкнуть. Но он продолжал исподлобья смотреть на сына, покусывая растрескавшуюся верхнюю губу: верно, все-таки ждал, что тот заговорит.

— Ты что, язык проглотил? — спросил он наконец в полном недоумении.

— Нет.

— Ужинал ты?

— Я как раз собирался что-нибудь заказать.

— Тогда закажи и на мою долю.

Пол подошел к телефону и попросил принести ужин на двоих; пока накрывали на стол, он перелистывал книгу, не говоря ни слова.

Вскоре был подан ужин: жареный барашек с горошком и картофелем, яблочный пирог, все горячее, под двойными крышками, и отец с сыном молча уселись за стол. Сегодня Мэффри ел мало, без аппетита. Не докончив десерта, он встал из-за стола, пересел в кресло и закурил

трубку, которая недавно вошла в его обиход. Его грузное тело глубоко ушло в мягкое кресло. Он выглядел разбитым, дряхлым стариком.

— Тебя не удивляет, что я сегодня дома? — наконец спросил он. — Теперь, когда представление окончено, мне бы самое время разгуляться.

— Меня в вас ничто не может удивить, — ответил Пол.

Продолжая выказывать безразличие, которое только и могло заставить Мэфри разговориться, Пол взял стул, поставил его у камина и сел.

— Осточертела мне эта компания, с которой я вожжался, — с неожиданной горечью заговорил Мэфри. — Делают из меня какого-то дурака. Расхваливают до небес, потом закажут выпивку, а я плати за всех. Чертовы паразиты! А бабы — и того хуже. Что им до меня? Никому из них я не нужен. Им бы только обобрать меня до нитки, а потом надсмеяться. А все почему? Потому что я теперь ни на что не годен... Взять да выбросить.

Наступила мучительная пауза. Затем, не глядя на сына, Мэфри безжизненным голосом продолжал:

— Ты представить себе не можешь, каково в каменоломне... Сотни мужиков... сильных, здоровых... и никаких баб. Не очень-то веселая картина, правда? Пол — штука омерзительная, особенно когда ты каторжник. Комитет по наблюдению за тюрьмами... Эти чертовы ханжи... Они над этим даже не задумываются. Но ей-же-ей им пришлось бы задуматься, очутись они там. День и ночь, неделю за неделей, месяц за месяцем эта мысль грызет тебя так, что кажется: вот-вот с ума спятишь. Против природы не попрешь. Лежишь, бывало, ночью в камере и мечтаешь... мечтаешь о том, что на воле тебя ждет женщина... красивая, молодая, ждет и страдает... И домечтаешься до того, что готов кулаками долбить стены, лишь бы выбраться на волю. И вот я вышел... Какая злая шутка: я мертвец и со всеми утехами для меня покончено.

И вдруг, к огорчению и ужасу Пола, грудь Мэфри всколыхнуло судорожное рыдание, лицо его болезненно исказилось.

— Во всем одни сплошные неудачи. Решительно во всем. Вот сегодня в суде: толкли воду в ступе — и ничего больше. Ни малейшего удовлетворения я не получил. А эти разодетые сволочи, адвокаты, с их заумными речами! Неужто они не могут придумать что-нибудь получше? Почему мне не дали говорить? Только потешались надо мной. Я старый дурак... ни на что не годный. Никому уже от меня пользы не будет. Я человек конченный. Я никого не убивал, а вот меня убили.

Сердце у Пола заныло от жалости. Но этот надрыв, это проявление слабости, иными словами — неожиданно блеснувший луч надежды нельзя было потерять, ответив на него таким же излиянием чувств. И хотя внутри у него все сотрясалось от рыданий, Пол заставил себя холодно возразить:

— Вы вовсе не конченный человек. — Он выждал достаточно долго, чтобы отец успел осмыслить его слова. — Страдания, выпавшие на вашу долю, очень изменили вас. По годам вы далеко не старик. Вы еще можете устроить свою жизнь и заняться делом, которое вам придется по душе.

— Ничто мне не по душе, — буркнул Мэфри. — И, наверное, правильнее всего — прикончить себя. Сегодня, когда я переходил через канал, я долго стоял на мосту... Меня так и тянуло в воду.

— Это было бы великолепной отплатой за все, что я для вас сделал.

Мэффри поднял седую голову и покосился на сына.

— Да, — пробормотал он. — Ты был добр ко мне, ничего не скажешь.

— Можете топиться, если хотите, — резко продолжал Пол. — Это самый легкий путь покончить со всеми трудностями. Но, по-моему, есть более разумный выход. Скоро вы получите изрядную сумму денег. Да, получите, что бы вы там ни говорили. Почему бы вам не купить небольшую ферму?.. Не поселиться на свежем воздухе? Не иметь своего дома, своих кур и цыплят? Вы забудете про ненависть... В деревне здоровье вернется к вам... Вы почувствуете себя моложе душой и телом. — Пол вдруг повысил голос. — Я ведь вытащил вас на волю, правда? Так используйте же как можно лучше те годы, которые я вам подарил.

— Не могу, — глухо отозвался Мэффри.

— Нет, можете! — выкрикнул Пол. — И я помогу вам. Я постараюсь получить место в какой-нибудь школе поблизости. Чтоб быть рядом, если я вам понадобится.

— Нет, ты этого не сделаешь! Неужели правда?

— Конечно.

Мэффри снова бросил на Пола робкий взгляд. Его потрескавшиеся губы дрожали.

— Я очень измучился, — пробормотал он. — Я, пожалуй, пойду лягу.

Сердце у Пола радостно затрепетало, как после большой победы. Он не знал, что вызвало в Мэффри этот переворот. Ведь он даже не смел и надеяться на такое. А сейчас он увидел возможность создать будущее для них обоих. Наконец-то, когда, казалось, все рушилось, Пришла награда! Как он был рад теперь, что решил остаться.

Он в упор посмотрел на отца и, стараясь говорить спокойно, сказал:

— Вам надо выспаться как следует, и вы сразу почувствуете себя лучше.

Мэффри встал.

— В деревне... — пробормотал он, — с цыплятами и коровой... Это было бы неплохо... Вот только смогу ли я?

— Сможете, — твердо сказал Пол.

Минутное колебание.

— Хорошо. — Мэффри говорил каким-то странным хриплым голосом. — Пойду сосну. — Неожиданно он остановился, словно пораженный какой-то мыслью, поднял голову и устремил взор вдаль. И уже совсем другим, мечтательным, теплым, робким голосом сказал: — А помнишь... Пол... как мы с тобой пускали бумажные кораблики в парке Джесмонд-Дин?

Он искоса, стыдливо посмотрел на сына, потер рукой воспаленные, слезящиеся глаза и, волоча ноги, вышел из комнаты.

Глава XX

Пол еще долго сидел в гостиной.

Наконец он мог привести в исполнение свой план, теперь уже очень далекий от идиллии, некогда занимавшей его воображение: домик, увитый розами, на холме, зеленые луга, сельская глушь. На смену сентиментальной юности пришла зрелость, превратившая его в здорового, практичного человека, остерегающегося излишних восторгов. Он должен закончить свое образование — не в Белфасте (об этом нечего и думать), а в каком-нибудь скромном провинциальном университете, быть может, в Дурхеме. Там тоже отличные педагоги, но стоять это будет дешевле. В окрестностях этого городка на севере Англии он, несомненно, сыщет какой-нибудь домик, пусть самый скромный, где оба они смогут жить. При нем будет небольшой участок, отец станет его обрабатывать, и труд снова сделает его человеком. Но сбудется ли это? Пол не знал. Он слышал, что бывали такие случаи: люди, пробывшие на каторге пятнадцать, двадцать, даже тридцать лет, выйдя на свободу, возвращались к нормальной жизни и, смешавшись с толпой других людей, вели спокойное, размеренное существование. Но, конечно, не судебная ошибка привела их на каторгу.

Пол поспешно встал, чтобы не дать возмущению содеянной несправедливостью опять разгореться в своем сердце. Ему хотелось, чтобы ничто не нарушало этого нового ощущения мира и спокойствия, которое пришло на смену гневу. Было еще не поздно, и, прежде чем лечь спать, он решил немного пройтись. Погасив свет и тихонько ступая, чтобы не разбудить Мэффри, он спустился вниз.

День стал длиннее, и на улице свет еще не совсем померк, борясь с подступающей тьмой. Воздух был теплый, прозрачный и тихий. Завороженный красотой этих сумерек, Пол неторопливо вышел из гостиницы.

Он хотел просто подышать воздухом и, хотя долго кружил по городу, нисколько не удивился, когда полчаса спустя обнаружил, что находится неподалеку от хорошо ему знакомой Уэйр-плейс. Напротив дома, где жила Лена, он остановился и, прислонившись к железным поручням, посмотрел с противоположного тротуара вверх, на неосвещенные окна пустующего этажа.

Дни страшной неизвестности остались позади, нервы Пола понемногу успокаивались. Избавившись от своей навязчивой идеи, он теперь в состоянии был оценить все, что сделала для него Лена. Понял, что без ее помощи отец все еще сидел бы в Каменной Степи, а его самого уже не было бы в живых. Он горько раскаивался в своей черствости, в своей жестокой неблагодарности, и неудержимое желание снова увидеть Лену овладело им. Как было бы хорошо, если б она вдруг появилась из темноты, без шляпы, в своем стареньком макинтоше, с задумчивым тонким лицом, такая великодушная и скромная, нисколько не заботящаяся о себе, насквозь проникнутая особой северной прелестью, чем-то напоминающей свежесть росы.

И каким же мальчишеством было его отчуждение от нее из-за надругательства, которому она подверглась. Сейчас он мог более или менее спокойно думать об этом грязном, бесчеловечном деянии, тогда как прежде одна мысль о подробностях происшедшего вызывала в нем болезненную бессмысленную ярость. А может быть, из-за того, что ей довелось претерпеть, в нем росла нежность к ней.

Часы на Уэйр-стрит медленно пробили одиннадцать, молодой месяц зашел за облако, а Пол все стоял, глядя на три темных окна, и перед его мысленным взором одна картина сменяла другую. Лены здесь не было, но никогда еще он не видел ее так отчетливо, как сейчас. И в нем крепло предчувствие, что он скоро вновь свидится с нею. Он подавил в себе порыв пойти к миссис Хэнли, которая, конечно, с радостью ему обо всем поведаст. Нет, завтра он узнает у Данна ее адрес. Он вдруг понял, что будет, когда он ее найдет, и, словно эта минута уже наступила, ощутил жгучую радость.

Наконец он повернулся и медленно пошел обратно. На главной улице движение уже стихло, магазины были давно закрыты, и только кое-где на перекрестках мальчишки еще выкрикали

заголовки вечерних газет. В течение вечера до Пола не раз смутно долетали их голоса, но ему так опостытели сенсации, что он не вслушивался в то, что они кричат. Но вдруг взгляд его упал на снимок, которым размахивал под фонарем оборванный мальчишка. Потрясенный, он протянул мальчишке медяк и в неверном свете фонаря поднес к глазам «Хронику». Здесь, в разделе экстренных сообщений, ему сразу бросились в глаза три строки, напечатанные расплывающейся краской. Полиция взломала двери квартиры на Эшоу-террейс и обнаружила там Еноха Освальда. Он повесился на люстре.

Пол не сразу пришел в себя.

— Бедняга, — пробормотал он наконец. — Вот, значит, как он намеревался исчезнуть!

Вместе с этим возгласом, исполненным горестного сострадания, ненависть и вовсе покинула Пола. Он глубоко вздохнул. Ночной воздух был прохладен и насыщен влагой. Из булочной неподалеку, где уже вовсю кипела работа, до него донесся запах свежего хлеба. Луны не было, но над крышами стояли ясные звезды и с высоты смотрели на затихающий город. И на сердце у Пола вдруг стало легко. Быстрым шагом он пошел в гостиницу. Впервые за многие месяцы он ощущал радость жизни, обещание, таящееся в завтрашнем дне.

Два романа Кронина:

«ЦИТАДЕЛЬ» И «ВЫЧЕРКНУТЫЙ ИЗ ЖИЗНИ»

Имя английского писателя Арчибалда Джозефа Кронина (1896–1981) стало известно читателям в 30-е годы, сразу же после выхода первого романа «Замок шляпочника» (1931), переведенного на русский язык под названием «Замок Броуди». Появившиеся вскоре «Звезды смотрят вниз» (1935) и «Цитадель» (1937) подтвердили и упрочили популярность писателя. Критики тех лет, увидевшие в Кронине продолжателя реалистических традиций Диккенса, сестер Бронте и Гарди, отмечали современность звучания его книг, их социальную остроту, жизненность созданных им характеров, подчеркивали присущую романам Кронина достоверность: «каждая страница — кусок жизни».

Арчибалд Кронин начинал литературную деятельность человеком далеко не первой молодости, и если среди романистов его и могли считать новичком, то основательностью своего жизненного опыта он превосходил многих из сверстников. Ему хорошо была известна жизнь английской провинции, рабочих поселков, городских трущоб. За его спиной остались годы войны — «период кровавых лет грязи, несчастий, ожиданий, обмана и страха», напряженный труд врача, занятия наукой.

Кронин родился в небольшом городке на западе Шотландии, здесь прошли его детство и юные годы. В восемнадцать лет отправился в Глазго с мечтой о поступлении на медицинский факультет, был принят, но начавшаяся первая мировая война прервала его студенческую жизнь. Он служил медиком на военном корабле, а потом, успешно завершив университетское образование и получив диплом врача, работал медицинским инспектором в шахтерских поселках Уэльса, лечил углекопов и членов их семей, знакомился с условиями труда шахтеров, стремился устранить причины их профессиональных заболеваний. Сотни раз ему приходилось спускаться под землю, принимать участие в спасении людей во время обвалов, при затоплении шахт, делать операции в самых невероятных условиях. При всей своей занятости он не оставляет науку, обобщая имеющиеся у него наблюдения за профессиональными болезнями шахтеров.

В 1925 году Кронин получает звание доктора медицинских наук.

Деятельность врача-практика многое дала Кронину-писателю, помогла ему лучше узнать людей, их повседневную жизнь с ее заботами и трудностями, надеждами и чаяниями, противоречиями и борьбой. В книге воспоминаний «Приключения в двух мирах» (1952) он писал: «Когда я посещал своих пациентов и видел людей такими, какие они в действительности, я всегда думал, что мог бы написать об этом... Мне хотелось описать характеры, которые я встречал, рассказать об этом на бумаге». Впечатления, полученные Крониным за годы жизни и работы в Уэльсе, легли впоследствии в основу его романов.

В «Звездах смотрят вниз» он рассказал о борьбе углекопов Южного Уэльса с шахтовладельцами, в «Цитадели» — произведении во многом автобиографическом — о молодом враче, воодушевленном идеей бескорыстного служения людям, стремящемся к изменению сложившихся в «цитадели» медицинской науки и практики косных установлений и взглядов.

Кронин начал писать, когда затяжная болезнь оторвала его от обычных занятий, нарушила установленный ритм жизни. Появилось свободное время, позволившее испытать себя в том, к чему давно ощущалось влечение.

Так появился его лучший роман «Замок Броуди», задуманный как «трагическая повесть об эгоизме и жестокой гордыне». Образ главного героя — честолюбивого и бессердечного мистера Броуди, ставшего виновником страданий и гибели самых близких ему людей, очень перекликается с диккенсовским Домби. Школа Диккенса, ориентация на реалистическую традицию определили главные аспекты творчества Кронина — верность жизненной правде, гуманизм, простоту и ясность стиля, умение в повседневной, обыденной жизни видеть значительное и важное, уважение к людям мужественным, прямодушным и справедливым. Впрочем, Кронин следовал не только за романистами XIX столетия, ему были близки и такие писатели его времени, как Арнольд Беннет, прославившийся романом «Повесть о старых женщинах», и, конечно, Сомерсет Моэм, также пришедший в литературу с опытом врача, практиковавшего в населенных беднотой кварталах одного из лондонских районов — Ламбета. Художественный мир Моэма, принципы его творчества, широта взгляда на окружающее, непредвзятость суждений, неприязнь к идеализации и приукрашиванию жизни были близки Кронину. Не случайно, давая в своей во многом программной статье «Реализм в шотландской литературе» (1934) определение понятию «писатель-реалист» — а сам он всегда причислял себя к реалистам, — Кронин писал, что реалист изображает жизнь не такой, какой он хочет ее видеть, а такой, какова она есть.

Много значили для Кронина великие русские мастера, чьи произведения навсегда остались для него недостижимыми образцами, — Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов. Они вошли в его сознание, в его жизнь. Об этом он рассказал в своей автобиографической диалогии «Юные годы» (1944) и «Путь Шеннона» (1948). Не может не обратить на себя внимание и то обстоятельство, что имена русских писателей упоминаются во многих книгах Кронина, персонажи его произведений говорят о Достоевском и Пушкине, Тургеневе и Толстом. Так, в романе «Звезды смотрят вниз» герой пытается найти ответ на мучающие его вопросы в произведениях Толстого, и в «Памятнику крестоносцу» (1956) герой апеллирует к Толстому, размышляя о смысле и назначении искусства. Разговор о русских писателях происходит между Мэнсоном и Кристин в романе «Цитадель».

О своем жизненном пути, о своих взглядах и принципах Кронин пишет в книге «Приключения в двух мирах». О каких двух мирах идет речь? О мире науки, занятиях медициной, на смену которым пришли увлечение литературой и жизнь в мире искусства. Здесь рассказывается и о том, как перед второй мировой войной он покинул Англию и переселился в США, где провел почти два десятилетия. Эта смена миров определила основные этапы его жизни и творчества.

Первый — период становления, значительных достижений, расцвета таланта писателя — приходится на 30-е годы. В это время написаны романы «Замок Броуди», «Три любви» (1932), «Канарские острова» (1933), «Звезды смотрят вниз» и «Цитадель». Второй период жизни и литературной деятельности Кронина протекает в Америке. Здесь, в этом носом для него мире, создавая произведения, по-прежнему связанные с милой его сердцу Англией, он уже не чувствует того творческого подъема, который пережил на родине. Приходится преодолевать глубокий духовный кризис, охвативший его. Кронин не раз пишет в это время о тяжело переносимом им одиночестве, о состоянии угнетенности, подавленности, о сознании своей бесполезности. В эти годы опубликованы «Ключи королевства» (1940), «Юные годы» и «Путь Шеннона», «Испанский садовник» (1950) и «Вычеркнутый из жизни» (1953). Покинув Америку и вновь поселившись в Европе, Кронин создает «Памятник крестоносцу», «Северный свет» (1958), «Древо Иуды» (1961), «Песнь шестипенсовика» (1964). Надежду на обновление мира писатель связывает с обращением к христианству, к религии.

Мир романов Кронина не озарен ярким солнечным светом, лишен ощущения радости и ликования жизни; в нем преобладают сумеречные тона и ощущения трагедийности бытия человека; это осознается его героями, не становясь, однако, препятствием для проявления доброты, милосердия и сострадания. Писатель верит в возможности человека, в его силу и стойкость, в его готовность отстаивать свое достоинство. Основные проблемы романов Кронина связаны с поисками смысла жизни, ответа на вопрос о назначении человека, с критикой несправедливости общественных установлений. Он пишет о том, как распадаются семейные связи, гибнет любовь, утрачиваются иллюзии, надежды на счастье, сочувствует бедам и страданиям человека. Лиризмом овеяны автобиографические повести.

Включенные в эту книгу романы «Цитадель» и «Вычеркнутый из жизни» принадлежат к разным периодам творческого пути писателя и дают представление о характерных особенностях каждого из них.

«Цитадель» — одно из самых известных произведений Кронина — привлекает внимание звучащей в нем социально-этической темой и мастерством ее воплощения. Успех романа во многом связан с автобиографизмом, с достоверностью приводимых в нем фактов и сведений профессионального характера, дающих яркое представление о медицинском обслуживании, о характере отношений, складывающихся по врачебной среде. Не случайно столь часто об этом произведении Кронина и говорили, и писали как о «романе о врачах». И все же жизнь «Цитадели» в литературном процессе не могла быть обеспечена лишь одной профессиональной направленностью книги. Причина — в ином. Она заключается в значительных обобщениях, вытекающих из жизненности созданных здесь характеров, реалистических картин нравов, утверждаемых нравственных ценностей.

Проблема важна и вместе с тем во многом обычна: молодой и талантливый человек, натура ищущая и творческая, вступает в конфликт с миром косным и мощным в своей устойчивости. Стать победителем в этом столкновении почти невозможно, но выстоять и сохранить свое человеческое достоинство, верность своим идеалам и принципам, своему стремлению служить людям, оставаясь неподкупным и честным, необходимо. Именно в такой ситуации и оказывается герой романа Мэнсон.

Сходный конфликт и даже тип героя, а также и образ неприступной крепости возникали у Кронина еще до создания романа «Цитадель». С замком-тюрьмой сравнивается дом шляпочника Броуди («Замок Броуди»), с тюрьмой-цитаделью — монастырь, в который уходит Люси Мур, потерпев крушение в семейной жизни и надеясь найти утешение в общении с Богом («Три любви»), а в романе «Канарские острова» Гарвей Лейс — непосредственный предшественник Мэнсона. Он тоже врач, добившийся положения в обществе напряженным трудом, полагаясь на собственные силы и безотказную работоспособность. Гарвей Лейс ведет исследования, результатом которых становится создание сыворотки, обладающей целебными свойствами. Однако применить на практике сделанное им открытие он

оказывается не в состоянии: ему чинят препятствия, против него ведется газетная травля, вынуждая его отступить. Стремясь забыться и начать новую жизнь, Лейс отправляется на Канарские острова, где увлекается красивой женщиной, которая вводит его в свою среду богатых и праздных людей. На какое-то время он обретает забвение, но бездумное и лишённое смысла существование не может его удовлетворить. Все острее ощущается им потребность в оставленной любимой работе, в творческих поисках; это побуждает его отказаться от жизни «на островах», сколь бы прекрасны они ни были.

Не менее сложный путь проходит и герой «Цитадели» Эндью Мэнсон. Прекрасный врач, всецело преданный своему благородному делу, завоевавший любовь и признание пациентов, Мэнсон сталкивается с противодействием коллег, учреждений, с установившимися в медицинской среде нравами. Он вступает в борьбу с корыстолюбием и косностью. Но бороться приходится и с самим собой, с появляющимся желанием заработать как можно больше, преуспеть и укрепиться в жизни. Успех и деньги на какое-то время ослепляют Мэнсона. Представления об истинных и мнимых ценностях смещаются. И если раньше он «давал себе клятву никогда не опускаться, не быть корыстолюбивым», хотел «делать открытия, трудиться для науки», то потом отступил от своих принципов. Начиная карьеру, Мэнсон сравнивал жизнь с подъемом вверх, со штурмом крепости, стоящей высоко на горе. Но наступил момент, когда, устав от борьбы, он отказался от штурма неприступной цитадели дельцов от науки, пошел на сделки с совестью. И хотя этот период отступления был недолог, расплата за него оказалась тяжелой. Увлечение Фрэнсис, умевшей «ценить поверхностные радости жизни и пренебрегать более глубокими», отдалили Мэнсона от Кристин, внесли разлад в их счастливую прежде жизнь. Его нравственное отступничество обернулось утратой невозполнимых ценностей — дружбы, самоуважения, любви. Как наказание за совершенное Мэйсоном преступление трактуется в романе гибель Кристин: «Преступление и наказание за него! Это ты виноват в ее смерти. Ты должен страдать».

Обратившись к традиционной для реалистического романа теме молодого человека, вступающего в жизнь и сталкивающегося с противоречиями и трудностями, Кронин сумел внести в ее разработку Некоторые новые черты и аспекты, что и обеспечило этому произведению широкое признание. Герой показан в своем повседневном труде, в атмосфере всецело поглощающей его профессиональной деятельности, которая и составляет главный смысл существования, наполняет жизнь не только напряженным изнуряющим трудом, но и радостью, удовлетворением, счастьем. В любимой работе Мэнсон обретает себя как личность, в помощи людям находит главную цель бытия. Одним из самых светлых дней для него становится тот, в который он ощутил себя принятым в среду обитателей шахтерского поселка. Мэнсон видит обращенные к нему приветливые взгляды людей, ощущает их доверие, и это наполняет его сердце радостью. Однако завоевать уважение и признание оказалось нелегко; для этого понадобились не только знания, но и готовность к служению людям. Она присуща Мэнсону, и потому он принят и признан обитателями Блэнелли и Эберло.

Некоторые сцены романа при всей их реалистической достоверности, нарочитой насыщенности натуралистическими подробностями исполнены истинной патетики. Такова, например, сцена появления на свет младенца в семье шахтера Джо Моргана. Доктор Мэнсон принимает роды у жены Моргана поздней ночью после тяжелого рабочего дня. Он не только утомлен, но вымотан до крайности, однако не позволяет себе ни на час отлучиться из дома бурильщика, жена которого ожидает появления на свет ребенка. Случай особый: Морганы знают, что этот ребенок может быть единственным у них, второго уже не будет, и ждут его, но младенец появляется на свет бездыханным. «Дрожь ужаса пронзила Эндью, когда он посмотрел на неподвижное тельце. После всего, что он обещал родным! Его лицо, разгоряченное от усилий, вдруг похолодело. Он стоял в нерешимости, колеблясь между желанием попробовать оживить новорожденного и необходимостью заняться матерью, которая и сама была в опасном состоянии». Делая отчаянные усилия, Мэнсон успевает

спасти и мать, и младенца, холодеющее тельце которого повитуха вместе с мокрым тряпьем уже засунула под кровать. После упорной борьбы, совершив, казалось бы, невозможное, Мэнсон ощутил движение маленького тельца, «... и вдруг — о чудо! — крохотная грудь под его руками судорожно, коротко дрогнула, поднялась. Потом опять. В третий раз. У Эндрюю закружилась голова. Это биение жизни, внезапно возникшее под его пальцами после стольких тщетных усилий, было так чудесно, что от волнения ему чуть не стало дурно. Он лихорадочно удвоил усилия. Ребенок задышал все глубже и глубже». Битва за жизнь была выиграна. «Было около пяти часов утра и совсем светло. На улицах попадались уже шахтеры: это шла домой первая смена. Измученный, едва передвигая ноги, Эндрю шел рядом с ними, и шаги его звучали в такт их шагам под утренним небом. Забыв обо всей своей прежней работе в Блэнелли, слепой ко всему вокруг, он твердил про себя: „Господи, наконец-то! Наконец-то я сделал что-то настоящее!“»

Ради этого стоит жить. Звенящее чувство радости Мэнсон испытывает и после спасения углекопа Бивена, которого ему приходится оперировать при свете шахтерской лампочки во время обвала, забыв о нависшей над ним самой угрозе гибели. «Холодная испарина выступила на лбу Эндрюю, пока он зажимал щипцами среди растерзанного мяса артерию, из которой струей била кровь. Он чувствовал, что задыхается здесь, в этой крысиной норе глубоко под землей, лежа в грязи. Ни наркоза, ни операционной, ни сестер милосердия, выстроившихся в ряд, готовых броситься на его зов». По Мэнсон выдержал, спас Сэма Бивена, и теперь ему улыбались люди, которые прежде не замечали его, шахтеры приняли его в свою среду. «Подлинными размерами своей популярности врач в Эберло может определить, проходя по улицам рабочего квартала». Отработавшие смену мужчины всегда готовы были перекинуться с ним несколькими словами, их жены приглашали его зайти, а дети весело окликали по имени.

Кронин не только открывает перед своим героем возможность ощутить радость любимого труда, но и заставляет его задуматься над несовершенством всей системы медицинского обслуживания. Мэнсон сталкивается с невежеством, недобросовестностью многих преуспевающих врачей, сестер, аптекарей, владельцев клиник. Он становится свидетелем злоупотреблений, прямого обмана, сокрытия преступлений, нарушения взятых на себя обязательств. Тем более трудно отстаивать свои убеждения, доказывать свою правоту, выступать против несправедливости. Динамика событий в романе связана с пристальным вниманием автора к нравственной жизни героя, происходящим в ней изменениям, колебаниям, открытиям. Определенность этического идеала придает завершенность и целостность произведению.

Более пятнадцати лет отделяет появление «Цитадели» от выхода в свет романа «Вычеркнутый из жизни». Этот роман написан в иной манере и другой тональности. Кронин обращается к форме детективного повествования, соответствующим образом выстраивая сюжет и подготавливая развязку. Принцип драматизации происходящего, который использован и в предшествующих произведениях, соединяется здесь с осложненностью, а подчас и с остротой действия. Ситуации побуждают к размышлению, к анализу, что весьма характерно для детективного жанра. И все же «Вычеркнутый из жизни» принадлежит к иному типу романов, чем детективы Кристи, Сименона или Габорио. Это объясняется тем, что особенности художественного мышления Кронина в гораздо большей степени роднят его с традициями социально-реалистического романа. Его произведению присущи жизненная достоверность создаваемых им картин действительности, обстоятельность описаний, критицизм, обличительные интонации. В гораздо меньшей степени обращается в них внимание на динамику событий, да и главный герой «Вычеркнутого из жизни» — молодой человек Пол Мэффри, обучающийся в одном из провинциальных университетов Англии, — не наделен, подобно Шерлоку Холмсу или Дюпену, Мегрэ, мисс Марпл или Эркюлю Пуаро, ни вдохновением детектива, ни блестящим мастерством аналитика. Однако, как и другим героям Кронина, ему присущи чувство справедливости, стремление к истине, порядочность и

честность.

Полу Мэффри предстоит столкнуться с миром юстиции и ее служителями, соприкоснуться с «блюстителем закона», чья деятельность оборачивается беззаконием и надругательством над людьми. Он вынужден бороться за честь и достоинство своего отца и тем самым за самого себя, за свое место в жизни и свое будущее. Эта схватка оказывается неравной, поскольку Полу приходится ее вести почти в полном одиночестве, не имея средств, необходимых связей, жизненного опыта. Он теряет работу, покидает родной дом, попадает в среду бездомных и незащищенных бедняков, обреченных на самое жалкое прозябание. Но стремление установить истину, найти виновника убийства, наказание за которое несет его отец, придают ему силы, и Пол добивается желаемого. Это можно было бы назвать победой, если бы не сломанная жизнь его отца, проведенная пятнадцать лет в тюремном заключении в страшной Каменной Степи. Он выходит оттуда потерявшим свой прежний облик, ожесточенным и грубым. Этот некогда добропорядочный человек, служивший коммивояжером в кондитерской фирме, разъезжавший с присущей ему беспечностью по стране, заводивший друзей, с которыми всегда сходилась легко и просто, теперь превратился в озлобленное существо. Его насупившееся напряженное лицо похоже на маску, оскал желтых зубов напоминает волчью пасть, он с жадностью ест и не может наесться, он подозрителен и жесток. Пол Мэффри, так долго мечтавший о встрече с отцом, на первых порах испуган и растерян, но сыновний долг побуждает его сделать все, что он может, чтобы разбудить в сердце отца человеческие чувства, подавленные и загнанные внутри бесчеловечными условиями его многолетнего существования, в заключении. «Когда Пол начал перебирать в уме все, через что прошел за эти пятнадцать лет его отец — заключение в крошечной камере, арестантская одежда и отвратительная еда, железная решетка на окнах, долгие часы одиночества в кромешной тьме, крики и стенания страдальцев, неослабный надзор тюремщиков, бесконечная изнурительная работа зимой и летом, в снегу и под палящим солнцем, безрадостные дни и бесконечные ночи, — в груди его затеплилась искорка жалости».

Мэффри-старший часто вспоминает, как лежал на жестких досках, надрывался в каменоломне, хлебал водянистый суп, который подавали по вечерам, жевал серые, слипшиеся макароны с запахом мыла. Он рассказывает сыну о людях, оказавшихся в Каменной Степи: «У одних болят пальцы, раздавленные в каменоломне, у других содрана кожа и болит спина — там у всех ревматизм от этого проклятого тумана. Но все это чепуха в сравнении с тем, что творится у них в голове. А думают они о воле... Только большинство никогда не выйдут оттуда, и они знают это. Они там на всю жизнь. Им не на что надеяться... Они заживо погребенные». Риз Мэффри вышел, но совсем другим. Совершенное над ним насилие оставило неизгладимый отпечаток на его личности.

Тема поисков убийцы поставлена в романе Кронины глубоко. По существу, речь идет не столько о поисках истинного виновника гибели Моны Спэрлинг, сколько о незащищенности человека от несправедливости существующей системы судопроизводства, которая в конечном счете и является причиной страданий и гибели людей, оказавшихся ее жертвами.

Удивительно жестокое, страшное убийство молодой женщины, зверски зарезанной в ее доме в ночь на восьмое сентября тысяча девятьсот двадцать первого года, то есть за пятнадцать лет до описываемых в романе событий, — это лишь отправная точка для развития сюжетной линии романа. Сама Мона Спэрлинг — хорошенькая продавщица из цветочного магазина — ни для кого особого интереса не представляет, ее фигура очень быстро отодвигается на задний план, да и сам факт обнаружения ее истинного убийцы в конечном итоге тоже особого значения не имеет. Суть замысла писателя в ином. И потому очень быстро внимание читателей по воле автора переключается на другой ряд явлений — юриспруденция, ее общественное назначение и ее служители, суд и организация судопроизводства, фабрикация ложных свидетельских показаний и осуждение невиновных в тех случаях, когда по тем или иным причинам это оказывается нужным сильным мира сего, пресса, полиция, места

заклучения. Детективная история перерастает в роман с отчетливо звучащей общественной проблематикой.

Один за другим предстают перед нами блюстители закона — прокурор и королевский адвокат Мэтью Спротт, инспектор сыскной полиции Джеймс Суон, еще один адвокат «с отличной репутацией» — Уолтер Джилетт, начальник полиции Адам Дейл, судья Омэн. Все они, вместе взятые и каждый в отдельности, творят преступление, губят людей, убивают их веру в справедливость закона. А если кто-то и найдет в себе силы сопротивляться, то с ним жестоко расправляются. Зловещая фигура Мэтью Спротта возвышается над всеми. Он глава и главарь преступной корпорации и вместе с тем — один из самых преуспевающих, уважаемых и благоденствующих членов общества. Прекрасный семьянин, сэр Мэтью обожает жену и дочерей. Ради них и ради удовлетворения своего тщеславия он делает все для достижения вершин успеха и приумножения состояния. У него великолепный дом, обставленный роскошно и изысканно. «Он любил свои дорогие изящные вещи, стулья с вышитыми крестиками сиденьями, обюссоновские ковры, бронзы Родена и Майоля, два ландшафта кисти Констебла. Ведь все это являлось для него несомненным материальным доказательством жизненного успеха».

Спротт с юности стремился к успеху и власти. «Преуспеть, преуспеть и преуспеть» — вот цель, к которой он двигался, не считаясь с честью и совестью. Присущее ему рвение и счастливое стечение обстоятельств подняли его на первую ступень, с которой и начался дальнейший отсчет его жизненных успехов от рассыльного и клерка в юридической конторе «Бумага и канцелярские принадлежности Мэрдсен и К°», затем присяжного стряпчего до специалиста по уголовному праву. А после того, как Мэтью Спротт оказал содействие некоему сэру Лонгдену при его избрании в парламент, дела рекой потекли к нему. Среди них оказалось и дело об убийстве Моны Спэрлинг, в котором Спротт выступал обвинителем Риза Мэффри. «В его намерения входило привлечь всеобщее внимание к своим достоинствам, ошеломить, подавить всех и вся блеском ораторского таланта и во что бы то ни стало добиться обвинительного приговора. И он добился». Вскоре его назначили главным судьей по уголовным делам, а потом — прокурором.

Карьера Спротта — отнюдь не исключение. Та или иная тайна скрывается за «отличной репутацией» многих из тех, кто его окружает. Сбросить этот покров и отважился Пол Мэффри, непреклонный и стойкий в своем стремлении к справедливости. Тема поисков правды становится главной в романе Кронина. Обретение истины рождает надежду, дает Полу новые силы. «Впервые за многие месяцы он ощутил радость жизни, обещание, таящееся в завтрашнем дне». Н. Михальская

Примечания

1

Сомерсет-хауз — центральное хранилище записей рождения и смерти, зарегистрированных завещаний и т. п.

2

Манитоба — канадская провинция, расположенная в центре страны в регионе Канадские Прерии, преобладающей отраслью экономики которой является сельское хозяйство.

3

Темпл — исторический район Лондона, берущий название от средневекового ордена тамплиеров (храмовников), который владел этим участком до XIV века. В настоящее время территория занята судебными иннами (традиционными формами самоорганизаций адвокатского сообщества в Англии и Уэльсе) Иннер-Тэмпл и Миддл-Тэмпл.

4

Клюз — отверстие в борте корабля для пропускания кабелей, канатов и якорных цепей.

5

Страмониум — то же, что дурман, ядовитое и одуряющее растение из сем. пасленовых.

6

Джон Нокс (ок. 1505–1572) — основатель пресвитерианской церкви в Шотландии.

7

Кто раз солгал, может солгать и много раз

(лат.).